

**ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР**

ДВА ВЕРОНЦА

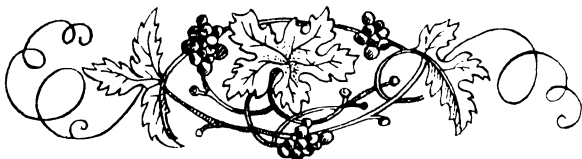
ВЕНЕЦИАНСКИЙ
КУПЕЦ

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

ТИТ АНДРОНИК

ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

WILLIAME SHAKESPEARE

**complete works
in 14 volumes**

TWO GENTLEMEN OF VERONA

MERCHANT OF VENICE

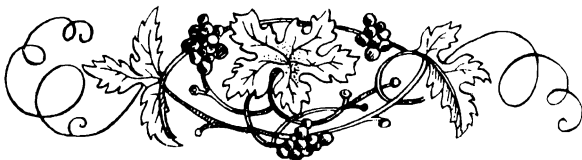
A MIDSUMMER NIGHT'S DREAM

TITHUS ANDRONICUS

**МОСКВА
«ТЕППА»—«TERRA»
1994**

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 5

ДВА ВЕРОНЦА
ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ
СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ
ТИТ АНДРОНИК

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1994

ББК 84.4 Вл)

Ш 41

Внешнее оформление художника
А.Машезерской

В оформлении издания использованы рисунки
Джона Джильберта (J. Gilbert), p.1817,
Эдуарда Стейнли (Ed.Stanly), 1752-1845,
Августа Шписа (August Spiess), p. 1844,
Бэйама Шоу (B.Show), p.1887,
Поля Коневки, Кини Медоуса,
В.Табурина,
а также других художников
начала XVII — конца XIX веков.

Издание подготовлено
издательством “Золотой Век” (Санкт-Петербург)

Шекспир Вильям

Ш 41 Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 5/ Художник А.Машезерская. Примечания А.Смирнова.— М.: ТЕРРА, 1994. — 688 с.: ил.

ISBN 5—85255—299—2 (т.5)

ISBN 5—85255—192—9

В пятый том собрания сочинений В.Шекспира включены комедии “Два веронца”, “Венецианский купец”, “Сон в летнюю ночь” и трагедия “Тит Андроник”. Тексты примечаний составлены А.Смирновым.

Ш 4703010300—57
А30(03)—94 Подписное

ББК 84.4 (Вл)

ISBN 5—85255—292—2 (т.5)

ISBN 5—85255—192—9

© Издательский центр «ТЕРРА», 1994

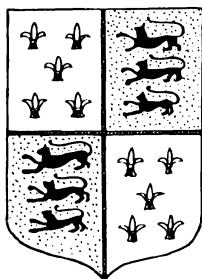
ВИЛЬЯМ

ШЕКСПИР

Два веронца

комедия в V актах

*Перевод В.Левика (стихи)
и М.Морозова (проза)*

Действующие лица

Герцог Миланский, отец Сильвии.

Валентин | дворяне

Протей | из Вероны.

Антонио, отец Протeya.

Турио, глупый соперник Валентина.

Эгларур, пособник Сильвии в бегстве.

Спид, слуга-шут Валентина.

Ланс, слуга-шут Протeya.

Пантино, слуга Антонио.

Хозяин гостиницы в Милане, где поселилась Джулия.

Разбойники.

Джулия, дама из Вероны, любимая Протеем.

Сильвия, дочь герцога, любимая Валентином.

Лючетта, прислужница Джулии.

Слуги, музыканты.

*Место действия — частью Верона, частью Милан,
частью лес на границе Мантуи.*

АКТ I

Сцена 1

Верона. Площадь.

Входят Валентин и Протей.

Валентин

Нет, нет, Протей, не убеждай меня,
Не развит ум у юных домоседов.
Когда б любовь твои златые дни
Не приковала сладостною цепью
К живому взору девушки прелестной,
Я пригласил бы в спутники тебя,
Чтоб чудесам земли дивиться вместе,
Чтоб, сидя дома, молодость свою
Не расточил ты в суетном безделье.
Но если полюбил, то счастлив будь, мой друг,
Как был бы счастлив я, узнав любви недуг.

Протей

Итак, ты отплываешь, Валентин.

Прощай же, милый. Если ты увидишь
Диковину, достойную вниманья,
То вспоминай Протея. В миг удачи
Позволь с тобою счастье разделить.
В опасности доверь свое несчастье
Моим молитвам. Помни, Валентин,
Что о тебе молюсь я непрестанно.

В а л е н т и н

Что молишься по книге о любви?

П р о т е й

Да, что молюсь я по любимой книге.

В а л е н т и н

По мелкой книжке о глубоких чувствах,
О том, как море переплыл Леандр.

П р о т е й

Нет, по глубокой книге о любви,
Глубокой, как пучина Геллеспонта.

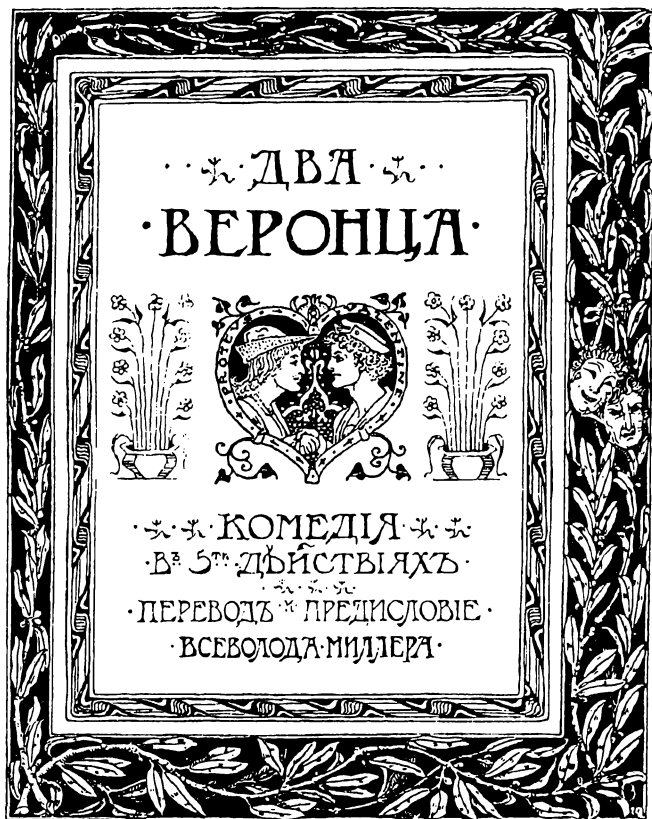
В а л е н т и н

Но ты бы Геллеспонт не переплыл:
В любви увяз ты вместе с башмаками.

П р о т е й

Не будь глупцом, при чем тут башмаки?

Титульная рамка эпохи Ренессанса

В а л е н т и н

При том, что взял не по ноге ты обувь.
Как! Покупать мольбами лишь презрение,
Мильоном вздохов — только строгий взгляд!
Тяжелыми, бессонными ночами —
Мгновенье счастья! В длительной игре
Выигрывать лишь горесть неудачи,
Проигрывать ценой горчайших мук!
Нет, видно, ум твой побежден безумьем,
Иль ты на глупость выменял его.

П р о т е й

Так вы глупцом считаете Протея?

В а л е н т и н

Ты от любви становишься глупцом.

П р о т е й

Не понимаю ваших опасений —
Я не влюблен.

В а л е н т и н

Вы, сударь, раб любви.
А кто оседлан глупостью любовной,
Тот, верьте мне, от мудрости далек.

П р о т е й

Мудрец сказал бы: как в нежнейшей почке

Протей

Да будешь, милый, счастлив ты в Милане.

Валентин

Да будешь дома счастлив ты. Прощай!

(Уходит.)

Протей

Он ищет славы, я ищу любви.
Он ради славы с другом расстанется,
А я собой, друзьями, целым миром
Пожертвовать готов моей любви.
Ты, Джулия, виновна в том, что я
Теряю время, от наук отбившись,
Не слушаю разумных рассуждений,
Не сплю, не ем, томлюсь, коснею в лени.

Входит Спид.

Спид

Поклон мой вам, синьор. Вы не видали,
Где мой хозяин?

Протей

Только что был здесь
И в порт ушел, — сейчас он отплывает
В Милан.

С п и д

Бьюсь об заклад — отплыл!
Я тоже собирался плыть в Милан,
Да вот отстал, веронский я баран.

П р о т е й

А так всегда: пастух чуть зазевался,
А уж баран невесть куда девался.

С п и д. Так вы и впрямь считаете его пастухом, а меня бараном?

Площадь в Вероне

Протей. Конечно.

Спид. Тогда — хотите смеяться, хотите плакать, — но мои рога это его рога.

Протей. Рассуждение глупое, но для барана подходящее.

Спид. Значит, еще раз выходит, что я баран.

Протей. И что твой хозяин — пастух.

Спид. А вот и неправда. И я докажу, что неправда.

Протей. А я докажу, что правда.

Спид. Пастух ищет барана, а не баран пастуха. А я ищу своего хозяина, но хозяин меня не ищет. Значит, я не баран.

Протей. Баран ради корма идет за пастухом, но пастух ради пищи не пойдет за бараном. Ты ради платы идешь за хозяином, но хозяин денег ради не пойдет за тобой. Значит, ты баран.

Спид. Еще одно такое доказательство — и я закричу “мээ”.

Протей. Скажи, однако, передал ты Джулии мое письмо?

Спид. Конечно, синьор. Я с ним совсем закружился, с вашим письмом. И вот я, закружившийся баран, отдал ваше письмо этой баранине в кружевах. Но эта баранина в кружевах ничего не дала мне, закружившемуся барану.

Протей. Ты столько баранов нагнал, что пастбища не хватит.

Спид. А если на пастбище тесно, то не заколоть ли вам свою овечку?

Протей. Эх куда повернул! Ну ладно, не пора ли барану отваливать в свой загон?

С п и д. Не столько в свой загон, сколько за свой гон. И не я должен отваливать, а вы должны мне отвалить.

П р о т е й. Под загоном я разумею твой хлев.

С п и д. Значит, вместо того чтобы сунуть мне в кошелек, вы хотите засунуть меня за загородку? Стоило после этого разыскивать вашу красотку!

П р о т е й. Выкладывай, что она сказала.

Спид кивает головой.

П р о т е й. Кивнула, болван?

С п и д. Да.

П р о т е й. Что — да? Что ты — болван?

С п и д. Нет, синьор. Я сказал, что она кивнула. А вы спросили: она кивнула? А я сказал: да.

П р о т е й. А вместе и вышло, что ты болван.

С п и д. Если вы взяли на себя труд открыть мне это, так в награду за то, что потрудились, возьмите это себе.

П р о т е й. Нет, это именно тебе — за то, что ты носил мое письмо.

С п и д. Ладно, я уж вижу, мне от вас многое сносить придется.

П р о т е й. А что же, синьор, вы собираетесь от меня сносить?

С п и д. Ах, синьор, я честно отнес ваше письмо, а за свои труды получил от вас только “болвана”.

П р о т е й. Клянусь, у тебя быстрая сметка.

С п и д. И все же она никак не догонит ваш медлительный кошелек.

Протей. Ладно, ладно, не болтай по-пустому и открой мне, наконец, что она сказала.

Спид. Так откройте свой кошелек: пусть ее ответ и ваши деньги придут к цели одновременно.

Протей. Хорошо, синьор, вот вам за ваше усердие. Что же она сказала?

Спид. Честное слово, синьор, вряд ли она достанется вашей милости.

Протей. Почему, разве ты что-нибудь заметил?

Спид. Синьор, я ровно ничего не заметил, я не заметил даже медяка в награду за то, что принес ей ваше письмо. А если она ни в грош не ставит того, кто принес ей часть вашей души, — боюсь, она решит, что и самая душа не стоит ломаного гроша. Не дарите ей ничего, кроме камней, — она тверда как сталь.

Протей. Так она ничего не сказала?

Спид. Нет, даже не сказала — “вот тебе за труды”. Свидетельствую вашу доброту и благодарю вас, принимая в свидетели вашу шестипенсовую монету. В награду за нее носите сами свои письма, а я, синьор, отнесу ваш привет моему хозяину.

Протей

Ступай! Когда ты сядешь на корабль,
Он будет от крушенья обеспечен, —
Не под водой, а в петле твой конец!

Спид уходит.

А я найду посланника получше.

Иллюстрация к "Двум веронцам" прерафаэлит Вальтера Крэпа

Когда такой неисправимый шут
Вручил прекрасной Джулии посланье,
Она могла над ним лишь посмеяться.

(Уходит.)

Сцена 2

Верона. Сад Джулии.

Входят Джулия и Лючетта.

Джулия

Скажи, Лючетта, мы теперь одни:
Ты, значит, мне советуешь влюбиться?

Лючетта

Да уж пора бы. Только не споткнитесь.

Джулия

Из множества синьоров, что приходят
Развлечь меня игрой или беседой,
Которого, по-твоему, мне выбрать?

Лючетта

Вы называйте их, а я отвечу,
Как в простоте сердечной разумею.

Джулия

Откроем счет красавцем Эгламуром.

Л ю ч е т т а

Красив, учтив, речистей всех других,
Но я скажу: для вас он не жених.

Д ж у л и я

Ну, а Меркацио? Щедр и денег тьма.

Л ю ч е т т а

Э, денег тьма, да много ли ума?

Д ж у л и я

Так кто же — не Протей ли благородный?

Л ю ч е т т а

Простите мне, болтушке сумасбродной!

Д ж у л и я

Тебе? Простить? Да что за чепуха!

Л ю ч е т т а

Язык всегда доводит до греха.
Прилично ль мне! Мое ли это дело:
Таких синьоров я хулить посмела!

Д ж у л и я

Что ж, и Протей не лучше остальных?

Л ю ч е т т а

Вот он для вас — единственный жених.

Д ж у л и я

Ты это можешь доказать?

Л ю ч е т т а

По-женски.

Он всех милей мне — значит, лучше всех.

Д ж у л и я

Отдать ему любовь мою?

Л ю ч е т т а

Надеюсь,

Вы не хотите вышвырнуть ее?

Д ж у л и я

Но он один мне сердце не волнует.

Л ю ч е т т а

Но он один все сердце вам бы отдал.

Д ж у л и я

Он о любви своей не говорит.

Л ю ч е т т а

Тем жарче пламень, чем он глубже скрыт.

Д ж у л и я

Не любит тот, кто слов любви страшится.

Л ю ч е т т а

Не любит тот, кто в ней спешит открыться.

Д ж у л и я

Как разгадать мне, что в душе таит он?

Л ю ч е т т а

Пожалуйста, прочтите: вот письмо.

(Отдает ей письмо.)

Д ж у л и я

“Для Джулии”. Кто пишет?

Л ю ч е т т а

Прочитайте,—

Узнаете.

Д ж у л и я

Кто дал его тебе?

Л ю ч е т т а

Слуга синьора Валентина, Спид.

Он от Протея шел, и я случайно

С ним встретилась. Простите, синьорина,
Что я взяла письмо на ваше имя.

Д ж у л и я

Клянусь моей невинностью, ты сводня!
Как! Принимать любовные записки
И соблазнять неопытность мою!
Поистине достойное занятие,
Но, видимо, тебе оно подходит.
Возьми письмо и отнеси немедля,
Иль на глаза не смей мне попадаться!

Л ю ч е т т а

Заступницу любви вы так браните!

Д ж у л и я

Ступай!

Л ю ч е т т а

Уйду, чтоб дать вам поразмыслить.

(Уходит.)

Д ж у л и я

Письмо мне страшно хочется прочесть,
Но как-то стыдно вновь позвать Лючетту,
Просить о том, за что сама бранила.
А все ж она порядочная дура.
Я — девушка, чего ж она ждала?

Она меня должна была заставить
Прочесть письмо. Всегда в устах девицы
Под строгим “нет” улыбку прячет “да”.
О, глупая любовь! Как злой ребенок,
Она кусает няньку, а потом
Целует розгу. Я гнала Лючетту —
И так хотела, чтоб она осталась!
Я гневно брови хмурила, а сердце
От радости улыбкою сияло.
Так позову Лючетту, в наказание
Себе самой, и попрошу прощенья.
Лючетта!

Входит Лючетта.

Лючетта

Что угодно, ваша милость?

Джулия

Когда обед?

Лючетта

Не скоро, к сожаленью.
Не то вы утолили бы свой голод
Едой, а не попреками служанке.

Джулия

А что ты так поспешно подняла?

Л ю ч е т т а

Да ничего.

Д ж у л и я

Чего ж ты наклонилась?

Л ю ч е т т а

Бумажку ненароком уронила.

Д ж у л и я

И что ж, бумажка эта — ничего?

Л ю ч е т т а

Да ничего, что бы меня касалось.

Д ж у л и я

Тогда не тронь — оставь ее для той,
Кого она касается.

Л ю ч е т т а

Вы правы.
Она сама за сердце тронет ту,
Кто слов правдивых не толкует ложно.

Д ж у л и я

Тебе твой милый написал стихи.

Л ю ч е т т а

Их м о ж н о спеть, но вы должны на голос
Их положить, — вы в этом мастерица.

Д ж у л и я

Подобный вздор моих трудов не стоит,
Пой на мотив: “Блаженный свет любви”.

Л ю ч е т т а

Но стих тяжелый, а мотив — веселый.

Д ж у л и я

Да что ж он — гири подвязал к словам?

Л ю ч е т т а

Вы спели б сами — вышло б мелодичней.

Д ж у л и я

А ты не можешь?

Л ю ч е т т а

Слишком высоко.

Д ж у л и я

Давай письмо, плутовка!

(Берет письмо.)

Разберемся.

Лю ч е т т а

Возьмите верный тон, — и песня будет
Чудесная. Пока ваш тон фальшив.

Д ж у л и я

А ты дерзка.

Лю ч е т т а

Тут нужно петь дуэтом,
Ваш голос должен тенор поддержать.

Д ж у л и я

Твой бас все портит.

Лю ч е т т а

Я ведь за Протея
Стараюсь.

Д ж у л и я

Прекрати-ка болтовню!
Любовные мольбы, признанья...

(Разрывает письмо.)

В ключья!

И пусть лежат, а ты ступай, Лючетта,
Не смей их подбирать —

я рассержусь.

Иллюстрация к "Двум веронцам" прерафаэлит Вальтера Крэпа

Л ю ч е т т а

Ишь, недотрога! А ведь как хотела б
Сердиться вновь — за новое письмо!

(Уходит.)

Д ж у л и я

Когда б я рассердилась хоть за это!
Вы, руки ненавистные мои,
Зачем слова любви вы разорвали?
Как злые осы, сладкий мед сосете,
Кусая насмерть медоносных пчел!
Я в искупленье каждую бумажку,
Обрывок каждый нежно расцелую.
Не стыдно ль? “Доброй Джулии” — он пишет.
В отместку за свою неблагодарность
Я брошу имя “Джулия” на камень,
Я растопчу свою пустую спесь!
Смотри: “Любовью раненный Протей”.
О сладостное раненое имя!
Лежи отныне на моей груди,
Пока твои не исцелятся раны.
Их боль я поцелуями смягчу.
А ведь Протей здесь назван был три раза.
О ветер милый, не умчи ни слова,
Дай мне собрать по буквам все письмо.
Но лишь не имя “Джулия”! Ты, буря,
Взмети его на край скалы прибрежной

И с вышины в морскую бездну кинь!
А! вот! В одной строке он назван дважды:
“Протей влюбленный, горестный Протей —
Прелестной Джулии”. Я это разорву...
Нет, ни за что! Ведь правда, как красиво
Соединил он наши имена!
Я лучше приложу одно к другому:
Целуйтесь нежно, ссорьтесь, обнимайтесь.

Входит Лючетта.

Лючетта

Сударыня, обед уже готов.
Вас ждет отец.

Джулия
Иду, иду, Лючетта.

Лючетта

А что ж клочки — останутся лежать,
Чтоб выдать нас?

Джулия
Возьми их, если хочешь.

Лючетта

Когда я подбирала их, вы были
Разгневаны, но все ж я их возьму.
Ведь здесь они простынут.

Д ж у л и я

Вижу, вижу,
Без них тебе и жизнь уж не мила.

Л ю ч е т т а

Коль видите, вы так и говорите.
Я и сама все вижу — не слепая!

Д ж у л и я

Идем, идем. Пойдешь ты, наконец?

Уходят.

Сцена 3

Верона. Комната в доме Антонио.

Входят Антонио и Пантино.

А н т о н и о

Каким, Пантино, важным разговором
Мой брат вас задержал в монастыре?

П а н т и н о

Шла речь о вашем сыне, о Протее.

А н т о н и о

И что же говорил он?

П а н т и н о

Удивлялся,
Что ваша милость позволяет сыну,
Теряя дни, сидеть бесплодно дома,
Меж тем как люди победнее родом
Шлют сыновей за прибылью и славой,
Тот — на войну, чтоб испытать

фортуну,
Тот — в море, чтобы земли открывать,
Тот — в университет, во храм науки.
Он говорит, что сын ваш преуспел бы
В любом из мною названных занятий,
И мне велел настойчиво просить вас,
Чтоб сын ваш дома больше не сидел,
Не пожалел бы в старости бессильной,
Что мир широкий смолоду не видел.

А н т о н и о

Меня не нужно долго убеждать
В том, что ему твердил я целый
месяц.

Я знаю сам, что он теряет время,
Что не созреет ни умом, ни сердцем,
Покуда школу жизни не пройдет.
Мы лишь в трудах приобретаем опыт,
А время совершенствует его.
Куда ж послать мне сына, посоветуй.

П а н т и н о

Но ваша милость, вероятно, знает,
Что друг Протея, юный Валентин,
Не так давно в столицу перебрался
И состоит при герцоге.

А н т о н и о

Я знаю.

П а н т и н о

Отправьте также сына ко двору,
Чтоб он учился рыцарскому делу,
Изысканным речам и обращенью,
Беседовал с вельможами и видел,
Каким быть должен юный дворянин.

А н т о н и о

Совет хорош. И мне он так по сердцу,
Что я б ему последовал немедля,
Когда бы вдруг представился мне случай
Тотчас же ко двору его отправить.

П а н т и н о

Осмелюсь молвить: завтра дон Альфонсо
И с ним другие знатные синьоры
В Милан поедут к герцогу, чтоб лично
Свои услуги предложить ему.

А н т о н и о

Что ж, общество прекрасное для сына.
Я прикажу! Пусть едет в добрый час!

Входит Протей.

П р о т е й

О светлый день! О сладостные строки!
О нежные признания в любви!
Ее рукой здесь говорило сердце,
Здесь клятвы — чести девичьей залог.
Когда б отцы наш брак благословили,
Согласьем наше счастье закрепив!
О Джулия, небесное создание!

А н т о н и о

Мой сын, что за письмо в твоих руках?

П р о т е й

Ах, мой отец, привет от Валентина,
Доставленный мне нашим общим другом.

А н т о н и о

Дай мне письмо, посмотрим, что он пишет.

П р о т е й

Он пишет, мой отец, лишь об одном:
Как он любим и как живет счастливо,

Как благосклонно герцогом он принят.
Зовет меня — с ним разделить фортуны.

А н т о н и о

А ты б хотел откликнуться на зов?

П р о т е й

Я подчиняюсь только вашей воле,
А не порывам дружеских желаний.

А н т о н и о

Его порыв совпал с моею волей.
Не удивляйся, я решение принял,
Я так хочу! Да, так хочу — и все.
Ты должен будешь вместе с Валентином
Пожить в гостях при герцогском дворе.
Тебе я назначаю ту же сумму,
Какую шлет его отец ему.
Готовься в путь. Поедешь завтра утром.
Я так решил, не вздумай возражать.

П р о т е й

Синьор, так быстро я не соберусь.
Прошу вас, на день, на два отложите.

А н т о н и о

Вслед за тобой пошлю твои пожитки.
Мы кончили, ты едешь завтра утром.

А вам, Пантино, поручаю сборы.
Задержки я не разрешу. Пойдемте.

Антонио и Пантино уходят.

Протей

Чтоб не сгореть, от пламени бежал я,
Но вот упал в пучину и тону.
Ему письмо я показать боялся,
Чтоб не восстал он на мою любовь.
Но тем, что скрыл мою любовь трусливо,
Я сам же на любовь мою восстал.
О, как весна любви напоминает
Апрельский день, изменчивый полет!
Едва блеснуло солнце золотое,
На небе туча темная встает.

Входит Пантино.

Пантино

Синьор Протей! Отец велел позвать вас.
Он хмурится! Прошу, поторопитесь.

Протей

Что делать сердцу? Молвив “да” в ответ,
Сто тысяч раз воскликнуть хочет “нет”!

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Милан. Комната во дворце герцога.

Входят Валентин и Спид.

С п и д

(протягивая перчатку)

Синьор, перчатка ваша?

В а л е н т и н

Нет, как видишь.

Мои — на мне.

С п и д

А эта — ни на ком.

Жаль, что она не ваша.

В а л е н т и н

Покажи-ка.

Моя! Она моя! Дай мне ее!
 Божественной руки покров прелестный!
 О Сильвия, Сильвия!

С п и д (во все горло). Сильвия! Сильвия!

В а л е н т и н. Ты что, дурак?

С п и д. Все равно она не слышит, синьор.

В а л е н т и н. Кто вас просил, синьор, звать ее?

С п и д. Да вы сами, ваша милость. Или я ослышался?

В а л е н т и н. Всегда ты норовишь забежать вперед.

С п и д. Но вы же только вчера сказали, что я нерасторопный.

В а л е н т и н. Убирайтесь к черту, синьор. Однако скажи, ты знаешь госпожу Сильвию?

С п и д. Ту, в которую ваша милость влюблены?

В а л е н т и н. Откуда ты знаешь, что я влюблен в нее?

С п и д. По следующим признакам: во-первых, вы научились подобно синьору Протею стоять скрестив руки на груди и так смотреть, как будто вам жизнь не мила; наслаждаться любовной песней, как малиновка; бродить в одиночку, как зачумленный; вздыхать, как школьник, потерявший букварь; плакать, как девушка на могиле бабушки; поститься, как больной, посаженный на голодную диету; не спать по ночам, как богач, боящийся вора; гнусавить, как нищий на паперти. Прежде, когда вы смеялись, можно было подумать, что это кукарекует петух. Вы не шли, а гордо выступали, точно лев на прогулке. Вы постились только час после обеда. Вы грустили только при отсутствии денег. А теперь ваша возлюбленная так

преобразила вас, что я на вас гляжу и не знаю: мой ли это господин?

В а л е н т и н. Неужели это так заметно по мне?

С п и д. Это заметно всем, кроме вас.

В а л е н т и н. Кроме меня? Быть не может.

С п и д. Кроме вас! И это святая истина, потому что второго такого простака в целом свете не сыщешь. И эта глупость так заполнила ваше нутро, что она поминутно выпирает из вас наружу. А когда глядишь на вас, она просвечивает, словно моча в ночном сосуде. Поэтому нужны только глаза, чтобы стать вашим врачом и распознать вашу болезнь.

В а л е н т и н. Но скажи, наконец, ты знаешь мою Сильвию?

С п и д. Ту, с которой вы глаз не спускаете за обедом и ужином?

В а л е н т и н. Ты это заметил? Да-да, именно ее.

С п и д. Нет, синьор, я ее не знаю.

В а л е н т и н. Как, ты знаешь, что я с нее глаз не спускаю, а ее самой не знаешь?

С п и д. Не та ли это, которую от всех придворных дам отличает уродство?

В а л е н т и н. Напротив, дружище, ее отличает красота, а еще больше отличает ее нечто другое.

С п и д. Вот это я знаю, синьор.

В а л е н т и н. Что ты знаешь?

С п и д. Знаю, что ее отличает не столько красота, сколько ваша милость.

В а л е н т и н. Не в этом дело. Я хочу сказать, что ее красота необычайна, а другие достоинства неисчислимы.

С п и д. Ну, конечно, потому что ее красота намалеванная, а другого никто и не считал.

В а л е н т и н. Как — намалеванная? Как — никто не считал?

С п и д. А вот так, синьор. Ради красоты она так размалевала себя, что ее красота ни у кого в счет не идет.

В а л е н т и н. А меня ты ни за кого считаешь? Я в восторге от ее красоты.

С п и д. А вы ее вовсе и не видали с тех пор, как она так изменилась.

В а л е н т и н. Когда же это она так изменилась?

С п и д. А тогда, когда вы в нее влюбились.

В а л е н т и н. Я люблю ее с тех пор, как увидал, и вижу, что она по-прежнему красива.

С п и д. Если вы ее любите, то не можете ее видеть.

В а л е н т и н. Как так?

С п и д. А вот так. Любовь слепа. О, если бы у вас были мои глаза! Если бы ваши глаза были так же остры, как в ту пору, когда вы бранили синьора Протея за то, что он ходит без подвязок!

В а л е н т и н. Что же я тогда увидел бы?

С п и д. Вы увидели бы свою нынешнюю глупость, а заодно разглядели бы ее уродство. Синьор Протей, когда был влюблен, не видел, что он вышел без подвязок, а вы не видите, что не надели брюк.

В а л е н т и н. Тогда, видимо, и ты влюблен, дружище: се-

годня утром ты видел так плохо, что не мог почистить мои башмаки.

С п и д. Вы правы, синьор. Я был влюблен в свою постель. Спасибо, вы из меня вытрясли мою любовь. Это дает мне смелость ругать вас за вашу.

В а л е н т и н. Как бы ты ни ругал меня, я очарован ею, я люблю Сильвию бесконечно.

С п и д. А хорошо бы вы разочаровались. Тогда бы кончилась и любовь.

В а л е н т и н. Вчера она приказала мне написать несколько строк тому, кто мил ее сердцу.

С п и д. И вы написали?

В а л е н т и н. Написал.

С п и д. И неплохо написали?

В а л е н т и н. Друг мой, я постарался написать как можно лучше. Но тише, это она!

С п и д (*в сторону*). Вот так штука! Вот так кукольная комедия! Он, значит, будет всю ее роль говорить за нее!

Входит С и л ь в и я.

В а л е н т и н. Синьора и госпожа моя, тысячу раз доброе утро!

С п и д (*в сторону*). А кстати, и доброй ночи! А тогда уж — целого миллиона любезностей!

С и л ь в и я. Синьор Валентин, мой слуга, две тысячи раз доброе утро!

С п и д (*в сторону*). Полагалось бы, чтоб он давал проценты ей, а выходит, что она их дает ему.

Иллюстрация к "Двум веронцам" прерафаэлит Вальтера Крэпа

В а л е н т и н

Я вашему неназванному другу,
Как вы велели, написал за вас.
Я это сделал крайне неохотно,
Но долг мой я исполнил, госпожа.

(Отдает ей письмо.)

С и л ь в и я

Благодарю вас, мой слуга любезный!
Письмо прелестно.

В а л е н т и н

Верьте мне, синьора:
Писать неведомо кому, вслепую —
Нелегкий труд, я был в больших сомненьях.

С и л ь в и я

И вы свой труд считаете чрезмерным?

В а л е н т и н

О нет, синьора, я писал для вас.
Велите — сотни писем напишу я.
И все ж...

С и л ь в и я

Вы фразу строите отлично.
Я знаю, что идет за многоточьем:

И все ж молчу. И все ж мне дела нет.
И все ж возьмите. Я благодарю вас,
И все же впредь вас утруждать не буду.

(Возвращает ему письмо.)

С п и д
(в сторону)

И все же будешь, все же — будешь все же.

В а л е н т и н

Я вас не понял. Вы им недовольны?

С и л ь в и я

О нет, оно написано прекрасно,
Но, если вы писали с неохотой,
Возьмите, — возвращаю вам его.

В а л е н т и н

Письмо, синьора, — ваше!

С и л ь в и я

Нет, синьор.

Я вам писать велела, но письмо
Не нужно мне. Оно всецело ваше.
Я больше чувства в нем хотела б видеть.

В а л е н т и н

Позвольте мне другое написать.

С и л ь в и я

Но, написав, его вы за меня
Прочтите сами. Если чтение вам
Доставит радость — будет превосходно.
А не доставит радости — тем лучше.

В а л е н т и н

Я думаю, доставит, — что тогда?

С и л ь в и я

Тогда за труд себе его возьмите.
Прощайте, мой слуга.

(Уходит.)

С п и д

Невиданно-невидимая скрытая игра!
Точь-в-точь, как скрыт на роже нос, на башне —
флюгера!

Мой господин решил за ней поволочиться,
Но учит обожателя его же ученица.
Отличный ход! Ослам влюбленным в назиданье:
Он сам, как секретарь ее, себе же настрочил посланье.

В а л е н т и н. В чем дело, синьор, о чем вы сами с собой
рассуждаете?

С п и д. Я плету вирши, синьор, а вот вам бы надо порассу-
дить.

В а л е н т и н. О чем же это?

С п и д. О том, что вы стали ходатаем за госпожу Сильвию.

В а л е н т и н. Ходатаем? Перед кем?

С п и д. Перед самим собой. Она фигурально посваталась к вам.

В а л е н т и н. Фигурально?

С п и д. Правильнее сказать — письменно.

В а л е н т и н. Как так? Она мне ничего не писала.

С п и д. А зачем ей писать, когда вы себе сами написали? Вы все еще не догадываетесь?

В а л е н т и н. Поверь, нисколько.

С п и д. Я и так, синьор, нисколько вам не верю. Но неужели вы не заметили, как серьезно она говорила?

В а л е н т и н. Я заметил только, что она разгневалась.

С п и д. А письма вы не заметили?

В а л е н т и н. Но ведь письмо написано ее другу.

С п и д. А было отдано вам. Поняли?

В а л е н т и н. Боюсь, как бы не вышло гораздо хуже, чем ты думаешь.

С п и д. А я ручаюсь, выйдет гораздо лучше.

Ведь вы писали часто ей, она ж из страха и приличий

Не отвечала вам — таков у честных девушек обычай.

Она боялась, что посыльный предаст ее, и против

правила

Любимому письмо любимой писать любимого

заставила.

Я говорю как по писаному, потому что это написано в одной книге. Но о чем вы задумались, синьор? Пора обедать.

В а л е н т и н. Я сыт и без того.

С п и д. Однако послушайте, синьор. Если любовь, этот хамелеон, питается воздухом, так я-то питаюсь пищей и с большой охотой подзакусил бы. Не уподобляйтесь же вашей возлюбленной: склонитесь к моим мольбам. Склонитесь к моим мольбам!

Оба уходят.

Сцена 2

Верона. Дом Джулии.

Входят Протей и Джулия.

П р о т е й. Запаситесь терпением, милая Джулия.

Д ж у л и я. Придется, — все равно нет выбора.

П р о т е й

Едва возможно будет, я вернусь.

Д ж у л и я

Храните верность — и скорей вернетесь.

Возьмите, вот, от Джулии на память.

(Дает ему кольцо.)

П р о т е й

Свершим обмен. Я вам дарю свое.

(Дает ей кольцо.)

Д ж у л и я

И закрепим наш сговор поцелуем.

П р о т е й

Я буду верен, вот моя рука.
И если в сутки час один случится,
Когда бы не вздыхал я о тебе,
Пусть небо мне пошлет, как святотатцу,
Любую кару. Но отец мой ждет.
Не возражай, — подходит час прилива.
Уйми же слез прилив. Такой прилив
Меня лишь бесполезно задержал бы.
Прощай!

Джулия уходит.

Ушла? Ни слова не сказав?

Да, такова любовь, она безгласна.
Она в делах находит выражение,
Но не в словах.

Входит П а н т и н о.

П а н т и н о

Синьор Протей, вас ищут.

П р о т е й

Иду, иду. Увы, в прощальный миг,
Любовь, нам изменяет твой язык.

Уходят.

Сцена 3

Верона. Улица.

Входит Л а н с со своей собакой.

Л а н с. Нет, нет, я еще часок поплачу. Уж таков порок всей нашей семьи. Отец выделил мне, как приبلудному сыну, мою пропорцию, и вот я отправляюсь ко двору миланского герцога. Из всех собак на свете самый плохой характер у моего Креба. Моя мать плакала, мой отец рыдал, моя сестра заливалась слезами, наша кухарка выла, наша кошка в отчаянии ломала руки, весь наш дом пришел в смятение. Однако этот жестоко-сердный пес не проронил ни единой слезы. Он — камень, сущий булыжник, и у него в сердце не больше жалости, чем у собаки. Еврей, и тот заплакал бы, увидев, как мы прощаемся. Какое там! Даже моя бабушка выплакала себе глаза при разлуке со мной. Сейчас я представлю вам эту сцену. Этот башмак — мой отец. Нет, вот этот — левый башмак — мой отец. Нет, нет, левый башмак — это моя мать. Опять что-то не так. А может, и так. Конечно, так. Здесь подошва с дыркой. Значит, этот башмак с дыркой — моя мать, а этот — мой отец. А, черт побери, что-то не так. Нет, все в порядке. Эта палка — моя сестра. Видите ли — она бела, как лилия, и легка, как трость. Эта шляпа — наша кухарка Нэн. Я — собака. Нет, собака — собака. Нет — я за собаку. Ах вот что: собака — это я. Нет — я сам за себя. Ну, теперь все в порядке. Вот я подхожу к отцу: “Отец, благослови меня”. Башмак и слова выговорить не может, он плачет. Вот я целую отца. А он все плачет.

Иллюстрация к “Двум веронцам” прерафаэлита Вальтера Крэпа

Теперь подхожу к матери. О, если бы этот башмак умел говорить как женщина, у которой в голове помутилось от горя! Вот я поцеловал ее. Да, это она, я чувствую дыхание моей матери. Ну, а теперь сестра. Слышите, как она стонет, а между тем эта собака не проронила ни единой слезы и не сказала ни единого слова. Даже песок за это время стал мокрым от моих слез.

Входит Пантино.

Пантино. Скорее, скорее, Ланс. Твой хозяин уже на корабле, но ты на лодке еще догребешь до него. Да что случилось, чего ты нюни распустил, парень? Эй ты, осел, поторопись! Упустишь час прилива, так не доберешься до корабля.

Ланс. А лучше бы я упустил прилив. Потому что это самая невоспитанная скотина из всех, которых воспитывал человек.

Пантино. Кто скотина — прилив?

Ланс. Да нет, вот эта скотина — Креб, моя собака.

Пантино. Не болтай, дурак. Говорю тебе, ты упустишь прилив. А если упустишь прилив, так упустишь поездку, а если упустишь поездку, так упустишь хозяина, а если упустишь хозяина, так упустишь службу, — почему ты мне зажимаешь рот?

Ланс. Чтобы вы не упустили язык.

Пантино. А как я могу упустить язык?

Ланс. Вы его заболтаете.

Пантино. Заболтаю?

Ланс. Ну да. Упустишь и прилив, и хозяина, и службу, и

скотину! Нет, сударь, если не будет прилива, я наполню море слезами. Если не будет ветра, я наполню паруса вздохами.

П а н т и н о. Идем, идем, человече, мне велели позвать тебя.

Л а н с. Зовите, если хотите.

П а н т и н о. Пойдешь ты наконец?

Л а н с. Да уж ладно, пойду.

Уходят.

Сцена 4

Милан. Комната во дворце герцога.

Входят Валентин, Сильвия, Турио и Спид.

С и л ь в и я. Мой слуга!

В а л е н т и н. Моя госпожа?

С п и д. Хозяин, синьор Турио сердито смотрит на вас.

В а л е н т и н. Это потому, что он любит.

С п и д. Только не вас.

В а л е н т и н. Он любит мою гопожу.

С п и д. Вам бы съездить его по роже.

С и л ь в и я. Мой слуга, вы печальны.

В а л е н т и н. Да, госпожа, я кажусь печальным.

Т у р и о. Только кажется?

В а л е н т и н. Может быть, только кажусь.

Т у р и о. Значит, вы прикидываетесь?

В а л е н т и н. Так же, как вы.

Т у р и о. Кем же я прикидываюсь?

В а л е н т и н. Умным.

Т у р и о. А у вас есть доказательства обратного?

В а л е н т и н. Ваша глупость.

Т у р и о. В чем вы видите мою глупость?

В а л е н т и н. В вашем камзоле.

Т у р и о. Мой камзол не просвечивает. Он двойной.

В а л е н т и н. Значит, вы вдвойне глупы.

Т у р и о. Как вы смеете?

С и л ь в и я. Вы рассердились, синьор Турио? Вы изменились в лице.

В а л е н т и н. Не мешайте ему сердиться, моя госпожа. Его лицо меняет цвет, как хамелеон.

Т у р и о. Но этот хамелеон не станет питаться воздухом. Он предпочитает вашу кровь.

В а л е н т и н. Вы что-то сказали?

Т у р и о. Да, сударь, сказал и сделал. И на этот раз кончено.

В а л е н т и н. Я это знаю, сударь, вы всегда кончаете прежде, чем начнете.

С и л ь в и я. Великолепная перепалка, синьоры!

В а л е н т и н. Вы правы, моя госпожа. Но ею мы всецело обязаны ее виновнице.

С и л ь в и я. Кому же это, мой слуга?

В а л е н т и н. Вам, дорогая госпожа. Вы сообщаете нашим речам огонь. Синьор Турио заимствует его из ваших взоров и потом блистает этим огнем в вашем обществе.

Т у р и о. Если вы, синьор, будете со мной меняться слово за слово, то я заставлю ваше остроумие обанкротиться.

Иллюстрация к “Двум веронцам” прерафаэлита Вальтера Крэпа

В а л е н т и н. Я это отлично знаю, синьор, вы обладаете целой сокровищницей слов и ни единой монеткой для оплаты ваших слуг. Судя по их жалким ливреям, вы им платите только жалкими словами.

С и л ь в и я. Довольно, синьоры, довольно, идет мой отец.

Входит герцог Миланский.

Г е р ц о г

Ну, Сильвия, я вижу, ты в осаде!
Отец ваш в добром здравьи, Валентин.
Как отнеслись бы вы к письму от друга
С хорошей вестью?

В а л е н т и н

О, я был бы счастлив
Любой хорошей вестью из Вероны.

Г е р ц о г

Известен вам земляк ваш дон Антонио?

В а л е н т и н

Да, герцог, он достойный дворянин
И окружен всеобщим уваженьем.

Г е р ц о г

А у него есть сын?

В а л е н т и н

Да, есть, мой герцог.
И сын достоин своего отца.

Г е р ц о г

Вы знаете Протея?

В а л е н т и н

С детских лет.
Как самого себя, его я знаю,
Немало дней мы вместе провели.
Я был тогда беспечным празднующим, —
Я расточал в пустых забавах время
И совершенством ангелоподобным
Свой юный дух украсить не стремился.
Зато Протей умел свой каждый день
Использовать умно и благородно.
Он жизнью молод, знаниями стар,
Умом созрел, хотя годами зелен.
И, словом, яркий блеск его достоинств
Любые похвалы мои затмил бы,
Настолько щедро наделен он всем,
Что составляет славу дворянина.

Г е р ц о г

Но если он действительно таков,
Нет спора, он любви моей достоин,

Герцогский костюм эпохи Ренессанса

Достоин быть советником моим.
 Так вот, синьор, он к нам приехал ныне
 И погостит, надеюсь, при дворе.
 Его мне хвалят в письмах и вельможи.
 Я думаю, вам эта весть по сердцу.

В а л е н т и н

О, мне здесь не хватало лишь Протея!

Г е р ц о г

Тогда примите гостя по заслугам.
 Я обращаюсь, Сильвия, к тебе,
 И к вам, любезный Турио,— прошу вас.
 А Валентина мне просить не нужно.
 Я к вам сейчас его пришлю.

(Уходит.)

В а л е н т и н

Синьора,

Я вам о нем рассказывал не раз.
 Он был бы здесь со мной, когда б любовь
 Его глаза своим волшебным взором
 Не заманила в плен.

С и л ь в и я

И, вероятно,
 Их отпустила для другого плена?

В а л е н т и н

Нет, он свой плен не сменит на другой.

С и л ь в и я

Тогда он слеп. Но, будучи слепым,
Как мог он к вам сюда найти дорогу?

В а л е н т и н

Владычица, но ведь любовь стоока.

Т у р и о

Любовь не может видеть. У нее
Нет вовсе глаз.

В а л е н т и н

Да, для таких влюбленных,
Как вы, синьор. Уродство ей противно.

С и л ь в и я

Довольно, господа! А вот ваш друг.

Входит Протей.

В а л е н т и н

Привет тебе, мой дорогой Протей!
Синьора, я прошу у вас для друга
Особой благосклонности.

С и л ь в и я

Пусть будет
Уверен в благосклонности моей,
Когда он тот, чьих писем так вы ждали.

В а л е н т и н

Да, это он, синьора, разрешите
Ему, как мне, слугою вашим быть.

С и л ь в и я

Таких высоких слуг я недостойна.

П р о т е й

Нет, вашей благосклонности высокой,
Синьора, недостойн ваш слуга.

В а л е н т и н

Довольно обсуждать, кто недостойн.
Примите, госпожа, его услуги!

П р о т е й

Я преданность почту за высший долг.

С и л ь в и я

Кто верен долгу, тот всегда бывает
Вознагражден за верность. Вы желанный
Слуга для недостойной госпожи.

Протей

За эту дерзость меч мой наказал бы
Любого.

Сильвия

Как! За то, что вы желанны?

Протей

О нет, за то, что недостойны вы.

Входит слуга.

Слуга. Синьора, мой господин, ваш отец, желает поговорить с вами.

Сильвия. Иду.—

Слуга уходит.

Пойдемте, Турио, со мною.—
Вас, новый мой слуга, я оставляю,
Чтоб вы могли потолковать друг с другом.
Беседу кончив, приходите к нам.

Протей

Мы оба тотчас к вам придем, синьора.

Сильвия, Турио и Спид уходят.

Валентин

Ну, Расскажи, как все там поживают.

Протей

Твои друзья здоровы, шлют поклон.

Валентин

Ну, а твои?

Протей

Все были в добром здравье.

Валентин

А как твоя любовь?

Протей

Я помню, друг мой,
О ней подчас ты не хотел и слушать.
Рассказы о любви тебе докучны.

Валентин

Протей, во мне найдешь ты перемену.
Я искупил презрение к любви.
Покорный властным мыслям о любимой,
Не ем, не сплю, не ведаю покоя,
Тоскую днем, ночами слезы лью.
Любовь мне за презренье отомстила,
Сон отогнав от покоренных глаз,
Чтобы всечасно видели они,

Как безутешно раненое сердце.
О милый друг! Любовь — владыка смертных.
Я побежден, и для меня отныне
Страданья нет сильнее ее страданий,
Нет радостей возвышенной и чище,
Нет мысли, нет беседы вне любви.
Еду и сон, всю жизнь и все желанья
Отныне заменила мне любовь.

Протей

В твоих глазах твою судьбу читаю, —
Не это ли была твоя богиня?

Валентин

Она, мой друг, — небесный ангел мой.

Протей

Небесный? Нет, ее краса — земная.

Валентин

Божественная!

Протей

Не хочу ей льстить.

Валентин

Но мне польсти — хвала нужна влюбленным.

Протей

Ты подносил мне горькие пилюли,
Когда я был влюблен, — так принимай
За меру — меру.

Валентин

Нет, скажи мне правду,
И если не божественна она,
Признай ее царицей земнородных.

Протей

За исключением Джулии.

Валентин

Мой друг!
Без исключений, если ты не хочешь
Мою любовь жестоко оскорбить.

Протей

Как! Я не вправе предпочесть свою?

Валентин

Я сам тебе открою, в чем могло бы
Ей предпочтенье быть: в высокой чести
Шлейф Сильвии носить, чтобы земля
Не возгордилась тем, что поцелует

Ее одежды край и не решила
Проститься с летом, зеленью, цветами
И облачиться в вечные снега.

Протей

Оставь, мой друг, напыщенный свой тон!

Валентин

Прости, Протей, но все бессильно меркнет
Пред Сильвией. Все совершенства жалки
В сравненье с ней, единственной.

Протей

Смотри же,
Оставь ее в единственном числе.

Валентин

Нет, ни за что. Мой друг, она моя.
И я мое сокровище живое
Не отдал бы за десять океанов,
Хотя б нектаром влага их была
И золотом — береговые скалы,
И драгоценным жемчугом — песок.
Прости, мой друг, что о тебе забыл я,
Но мысль моя поглощена любовью,
А глупый мой соперник — он богат

И потому любим ее отцом.
Ты видел, он отправился за нею,
Вот почему и я спешу туда.
Ты сам ведь знаешь, как любовь ревнива.

Протей

Но ты любим?

Валентин

Мы тайно обручились.
Теперь еще побег нам предстоит,
А там — венчанье. Я уж все
обдумал.
По лестнице веревочной я влезу
В ее окно, и да хранят нас боги!
Пойдем ко мне, мой дорогой Протей,
Ты мне поможешь делом и советом.

Протей

Ступай вперед, а я приду потом.
Сейчас мне нужно в гавань ненадолго,
Чтоб с корабля забрать свои пожитки.
Ну, а затем немедленно к тебе.

Валентин

Мой друг, ты не удержишься?

Протей

Нет-нет!

Валентин уходит.

Как сильным жаром заглушают слабый
Иль клином выбивают клин другой,
Так прежний образ, созданный любовью,
Пред этим новым образом померк.
Глаза ль мои, хвала ли Валентина,
Моя ль неверность, красота ль ее
Мой разум безрассудно помрачили?
Она прекрасна, да, но не прекрасна ль
И Джулия, которую люблю я.
Люблю? О нет! Любил в былое время.
Моя любовь растаяла, как воск,
Перед огнем утративший подобье
Того, чем прежде восхищал он взор.
И мнится, охладел я к Валентину,
Любовью воспылав к его любимой.
Но, если я люблю ее, не зная,
Как полюблю, когда узнаю глубже!
Покуда мне знаком лишь облик внешний.
И что же? Мой рассудок помутился,
И, нет сомненья, мой ослепнет взор,
Увидев совершенство в полном блеске.
Смири, любовь, безумие свое!
Не властна ты? Так завоюю ее!

(Уходит.)

Сцена 5

Милан. Улица.

Входит Ланс и Спид.

С п и д. Ланс! Клянусь моей честью — добро пожаловать в Милане!

Л а н с. Не клянись понапрасну, милый юноша. Пока что ты не имеешь права сказать мне: “добро пожаловать!” Мое мнение, что человеку, если его еще не повесили, не может быть совсем плохо. С другой стороны, человек не может пожаловать добром, пока за него не заплатили по счету в таверне и хозяйка сама не сказала ему: “добро пожаловать!”

С п и д. Ах ты, сорви-голова, пойдем же немедленно в таверну. Закажи на пять пенсов, и ты пять тысяч раз услышишь: “добро пожаловать!” Но как, скажи, расстался твой господин Протей с госпожой Джулией?

Л а н с. Ну, если они сошлись не для шутки, так расстались они шутя.

С п и д. Но выйдет она за него замуж?

Л а н с. Нет.

С п и д. А что же? Он на ней женится?

Л а н с. Нет и никак нет.

С п и д. Значит, у них что-то сломалось?

Л а н с. Напротив, оба целы, как рыба в воде.

С п и д. Но как же все-таки у них обстоит с этим?

Л а н с. А вот как: если у него хорошо стоит, так и для нее хорошо обстоит.

С п и д. Какой ты, однако, осел! Невозможно и представить!

Л а н с. Какой же ты чурбан, если ничего не можешь представить! Моя палка, и та может что-то представить.

С п и д. На основании твоих слов?

Л а н с. И моих действий. Смотри, я ее ставлю перед собой, и она уже что-то представляет.

С п и д. Оттого, что ты ее ставишь перед собой?

Л а н с. А разве поставить перед — не то же самое, что представить?

С п и д. Скажи, наконец, толком: будет свадьба?

Л а н с. Спроси мою собаку: если она скажет “да”, значит, будет. Если она скажет “нет”, значит, будет. Если она вильнет хвостом и ничего не скажет, значит, все равно будет.

С п и д. Из этого следует, что свадьба будет наверняка.

Л а н с. Ты можешь вырвать из меня признание только при помощи сравнения.

С п и д. Мне все равно, каким способом вырвать его. Но как тебе нравится, Ланс,— мой господин таки здорово втюрился.

Л а н с. Как всегда.

С п и д. Что — всегда?

Л а н с. А я всегда и считал, что твой господин здоровая тюря, как ты только что изволил его окрестить.

С п и д. Ах ты, беспутный осел! Никак ты меня понять не можешь.

Л а н с. Ах ты, безмозглый дурак, я не тебя понять не могу, а твоего господина.

Ланс и Спид. Художник Чарльз Грин

С п и д. Я говорю тебе, мой господин сгорает от любви.

Л а н с. А я говорю тебе, пусть он сгорит со своей любовью вместе. Если хочешь, пойдем в таверну. Если не хочешь, значит, ты еврей, нехристь, и недостойн имени христианина.

С п и д. Это почему же?

Л а н с. Потому что не хватает в тебе милосердия, чтобы угостить христианина пивом. Идем, что ли?

С п и д. Я к твоим услугам.

Уходят.

Сцена 6

Милан. Комната во дворце герцога.

Входит П р о т е й.

П р о т е й

Измена клятве — Джулии неверность,
Измена клятве — к Сильвии любовь,
Измена клятве — оскорбленье друга.
Я той же силой, что исторгла клятвы,
Увы, к тройной измене принужден.
Любовь клялась, любовь нарушит клятву.
Лишь ты, любовь, на грех меня толкнула,
Открой же, как мне искупить свой грех!
Любил я прежде бледную звезду,
Теперь, прозрев, боготворю я солнце.
Ведь умный клятве глупой изменяет.
Тот слаб умом, чей разум не велит

На лучшее переменить плохое.
Стыдись, богохулительный язык!
Ты оскорбляешь ту, чьи совершенства
С таким восторгом прославлял недавно!
Забыть любовь не мог я, но забыл,—
Забыл тогда, когда любить я начал.
Теряю Джулию, теряю Валентина,
Но, сохранив их, я себя б утратил,
А потеряв обоих, обретаю
Себя в замену сладостному другу,
И Сильвию — возлюбленной взамен.
Я самому себе дороже друга.
Любовь же нам всего дороже в мире.
А Джулия — тому свидетель бог —
Пред Сильвией черна, как эфиопка.
О, если умерла моя любовь,
Я Джулию живой считать не стану,
И Валентина я сочту врагом,
Чтоб Сильвия подругою мне стала.
Могу ль я верность сохранить себе,
Не изменяя дружбе с Валентином?
Он замышляет ночью по веревке
В окно к небесной Сильвии проникнуть.
Я это знаю, я, его соперник!
Я должен сообщить ее отцу,
Что с нею Валентин побег замыслил.
Ведь герцог прочит Турио в зятя,

И в гневе он изгонит Валентина.
А там найду я хитроумный способ,
Чтоб Турлио, докучному глупцу,
Помехой стать в намереньях любовных.
Дай мне, любовь, для быстрых дел крыла,
Как ты мне ум для замыслов дала.

(Уходит.)

Сцена 7

Верона. Комната в доме Джулии.

Входят Джулия и Лючетта.

Джулия

Дай, милая Лючетта, мне совет,
Тебя любовью нежной закликаю.
Ты — мой дневник. Ты все мои желанья
Записываешь и лелеешь в сердце.
Дай мне совет, как, чести не затронув,
Мне к моему любимому Протею
Скорее путь желанный совершить.

Лючетта

К несчастью, труден этот путь и долог.

Джулия

Усердный пилигрим не устает,
Шагами измеряя королевства.

Так я ль устану, на крылах любви
Летя к тому, кто мне безмерно дорог
И наделен небесным совершенством!

Л ю ч е т т а

Не лучше ль подождать его возврата?

Д ж у л и я

Но встречи с ним мою питают душу.
Ужель ты не сочувствуешь страданиям
Моей изголодавшейся души?
Когда б любви мучения ты знала,
Скорей бы снег пыталась ты зажечь,
Чем погасить огонь любви словами.

Л ю ч е т т а

Не потушить огонь ваш я стремлюсь,
Но лишь его неистовство умерить,
Чтоб он в границах разума остался.

Д ж у л и я

Чем больше гасишь, тем сильнее горит он.
Скользящий тихо по лесу ручей,
Запруду встретив, буйством закипает,
Но если не мешать его теченью,
Он плещет мирно по камням блестящим,
Целует каждый стебель камыша,

Встречающийся волнам в их дороге,
И, кончив путь, еще прозрачен, кроток,
Вливается он в бурный океан.
Не становись же на пути моем,
И, как ручей, я буду терпелива,
И легким я сочту мой трудный путь,
Когда он приведет меня к Протею.
С ним — отдохну! Так, после жизни горькой,
Блаженствует в Элизии душа.

Л ю ч е т т а

В какой одежде вы хотите ехать?

Д ж у л и я

Не в женской, чтоб в дороге избежать
Бесстыдного мужского любострастья.
Ты мне поможешь раздобыть одежду,
Какую носят при дворе пажи.

Л ю ч е т т а

Но волосы тогда остричь придется.

Д ж у л и я

Я подвяжу их шелковой нитью
И заплету двенадцатью узлами,
Упрямыми, как верная любовь.
Причудливость и юноше подходит,
Хотя б он старше был, чем я кажусь.

Л ю ч е т т а

Штаны какого мы возьмем покроя?

Д ж у л и я

Ну, право, смех! Так точно прозвучало б:
“Какой длины, синьор, вам сделать юбку?”
На свой вопрос ответь себе сама.

Л ю ч е т т а

Вам надо бы штаны с широким буфом.

Д ж у л и я

Оставь, Лючетта, это ведь уродство!

Л ю ч е т т а

Штаны без буфов ничего не стоят.
Вы хоть иголку спрятать в буф могли бы.

Д ж у л и я

Моя Лючетта, ты меня ведь любишь.
Дай мне костюм, какой найдешь приличным.
Но что, как сплетню пустят обо мне —
О том, что я в подобный путь пустилась?
Не станет ли молва меня бесчестить?

Л ю ч е т т а

Молвы боитесь, так сидите дома!

Д ж у л и я

Нет, ни за что.

Л ю ч е т т а

Тогда скорее в путь,
И перестаньте думать о бесчестье.
Когда ж Протей одобрит ваш приезд,
Не все ль равно, кто вашу прыть осудит?
Но вряд ли будет вас Протей хвалить.

Д ж у л и я

Вот этого я не боюсь, Лючетта.
Его слова о вечности любви,
Потоки слез, и клятвы, и моления
Порукой мне, что буду для Протея
Желанной гостьей.

Л ю ч е т т а

Да, но это все
Используют мужчины для обмана.

Д ж у л и я

Лишь те, что низки, и для низкой цели.
Протей родился под звездой правдивой,
Слова его прочнее крепких уз,
Правдивее не может быть оракул,

И сердцем так далек он от обмана,
Как от земли далек лазурный свод.

Л ю ч е т т а

Дай бог вам не найти в нем перемены.

Д ж у л и я

Лючетта, если любишь ты меня,
Не оскорбляй Протея недоверьем.
Люби его — и будешь мной любима.
Ступай за мной, мы все должны собратъ,
Что может мне в дороге пригодиться.
Богатство, имя доброе мое,
Владенья, словом, все, моя Лючетта,
Оставлю я в твоём распоряженье.
Взамен — лишь снаряди меня в дорогу.
Не возражай, приступим лучше к сборам;
Клянусь, я больше медлить не могу.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Милан. Комната во дворце герцога.

Входят герцог, Турио, Протей.

Г е р ц о г

Прошу вас, Турио, оставьте нас на время,
Нам нужно кой о чем поговорить.

Турио уходит.

Теперь, Протей, готов я слушать вас.

П р о т е й

Я, государь, хочу открыть вам тайну,
Которую мне дружба скрыть велит.
Но вам, за вашу доброту и щедрость,
Я, недостойный, расскажу о том,
Чего б не выдал ни за что на свете.
Узнайте, герцог, друг мой Валентин
Решил похитить вашу дочь сегодня.

Он сам открыл мне их преступный сговор.
Я знаю, вы ее решили выдать
За Турио, который ненавистен
Синьоре, вашей дочери. И если
Ее похитят, это будет вам
На склоне лет жестоким огорченьем.
Так вот, во имя долга я решил:
Пуškai я лучше другу помешаю,
Зато седины ваши охраню
От множества печалей, что могли бы
Вас привести к безвременной могиле.

Г е р ц о г

Я тронут всей душой. Благодарю вас.
Теперь до гроба я у вас в долгу.
Признаться, я и сам подозревал их.
Мне довелось беседу их услышать,
Когда казалось им, что я заснул.
Не раз хотел я прекратить их встречи,
Отставить Валентина от двора,
Но думалось: быть может, я ошибся,
Напрасно человека заподозрил,
А справедливость — первый долг владык,
И оттого я дружелюбным взором
Искал все то, о чем ты мне поведал,
Но дочь мою, чтоб молодость ее
Надежней оградить от искушенья,

С тех пор я на ночь запираю в башню,
А ключ держу бессменно при себе.
Теперь ее похитить невозможно.

Протей

Узнайте, мой достойный повелитель:
К ее окну решил любовник пылкий
По лестнице веревочной взобраться,
И он как раз за лестницей пошел,
Чтоб с нею воротиться, чуть стемнеет.
Вы там его застигнете на месте.
Но всю охоту, государь, прошу я
Так провести, чтоб он не догадался
О том, что я открыл вам план побега.
Ведь я был движим лишь любовью к вам,
А не презренной ненавистью к другу.

Герцог

Клянусь вам честью, он не заподозрит,
Что я от вас их умысел узнал.

Протей

Но вот он сам. Синьор, прошу прощенья.

(Уходит.)

Входит Валентин.

Герцог

Куда вы так торопитесь, синьор?

Иллюстрация к "Двум веронцам" прерафаэлиста Вальтера Крэпа

В а л е н т и н

Там ждет гонец в Верону, ваша светлость,
И с разрешенья вашего иду я
Отдать ему два небольших письма.

Г е р ц о г

А эти письма — важные?

В а л е н т и н

Да, в общем.

Я в них пишу, что я здоров и весел,
И счастлив жить при герцогском дворе.

Г е р ц о г

О, только-то! — Тогда побудь со мной.
Тебе свою заботу я открою.
Но никому ни слова, я прошу.
Ты слышал, дочь хочу я выдать замуж
За друга моего, синьора Турио.

В а л е н т и н

Я знаю, ваша светлость, он бесспорно
Жених весьма почтенный и богатый.
К тому ж он добродетелен и щедр,
И муж для вашей дочери — отличный.
Но разве он синьоре не по нраву?

Г е р ц о г

К несчастью, нет. Она дерзка, строптива,
Надменна, раздражительна, упряма,
Чужда и долгу и любви дочерней, —
Все оттого, что с ней отец не строг.
Она своей гордыней, признаюсь,
Мою любовь заметно охладила.
Я так мечтал остаток дней своих
Согреть ее любовью и заботой,
Но обманулся и теперь — женюсь.
Пуškai в мужья берет кого захочет,
Но ей за непочтительность к отцу
Лишь красота приданым будет ныне.

В а л е н т и н

К чему ведет рассказ ваш, повелитель?

Г е р ц о г

Здесь дама есть, Вероны уроженка.
Едва узнав, я полюбил ее.
Но, как ни убеждал, ни изошрялся, —
Не мог ее застенчивую скромность
Растрогать старомодным красноречьем.
Хочу твоим я стать учеником.
Я позабыл искусство обольщенья,
Да ведь и нравы уж давно не те.

Так научи, каким путем добиться
Улыбки нежной от прекрасных глаз.

В а л е н т и н

Где речь бессильна, действуйте другим:
Порой для сердца женщины прелестной
Дороже слов подарок бессловесный.

Г е р ц о г

Мой дар она отвергла.

В а л е н т и н

Для начала!

Отвергла то, о чем сама мечтала.
Пошлите новый дар — и в добрый час!
Порой сулит взаимность их отказ,
И ненависть их гнев не означает.
О нет, он часто милость предвещает.
Нас гонят — что ж! — смирим на время кровь:
То в нас хотят сильней разжечь любовь.
И нас бранят, поверьте, лишь для вида:
Уйти, обидясь, — это им обида.
Прямых речей от женщины не жди:
В ее “уйди” звучит “не уходи”;
На похвалы, на лесть ее ловите,
Чернавку божьим ангелом зовите, —
На то мужчине и дается речь,
Чтоб мог он в сети женщину завлечь.

Г е р ц о г

Но этой даме близкие нашли
Достойного и молодого мужа,
А чтоб другой не занял это место,
За нею днем ведут надзор сторожайший.

В а л е н т и н

Так я бы ночью к ней рискнул проникнуть.

Г е р ц о г

Дверь заперта, а ключ — в руках надежных.
Пожалуй, к ней и ночью не пройдешь.

В а л е н т и н

А что мешает влезть в ее окно?

Г е р ц о г

Стена крута, окно так высоко,
Что невозможно, не рискуя жизнью,
Добраться к ней.

В а л е н т и н

Ну, это не помеха, —
Веревочную лестницу возьмите,
И если вы отважны, как Леандр,
То проберетесь в башню к новой Геро.

Г е р ц о г

Дай мне совет, — ты опытный повеса,
Где мне такую лестницу достать?

В а л е н т и н

Когда, скажите, лестница нужна вам?

Г е р ц о г

Сегодня в ночь: любовь ведь, как дитя, —
Скорей хватает все, что только может.

В а л е н т и н

К семи часам я лестницу достану.

Г е р ц о г

Но я пойду один, так Расскажи:
Как лестницу вернее пронести мне?

В а л е н т и н

Она ведь легкая, — накиньте плащ,
И под плащом ее вы пронесете.

Г е р ц о г

Годится плащ такой длины, как твой?

В а л е н т и н

О да, синьор.

Г е р ц о г

Дай мне его примерить.

В а л е н т и н

Мой государь, тут плащ любой пригоден.

Г е р ц о г

А как его надеть? Прошу тебя,

Дай мне накинуть твой.

(Распахивает плащ Валентина.)

Что за письмо?

Кому оно? Как, "Сильвии"? А вот

И лестница, которая нужна мне.

(Достает из-под плаща Валентина лестницу.)

Ну, если так, позвольте вскрыть печати.

(Читает.)

"Мои мечты — у Сильвии далекой,

Я им велел не покидать любимой,

Но если б мог я ночью одинокой

Гонцов бездушных заменить, незримый!

В твоей груди — их нежная обитель,

Я вдалеке томлюсь один, ревную.

Счастливых слуг печальный повелитель,

Чужое счастье в горести клянусь я.

Клянусь себя за то, что их послал

Туда, где сам блаженствовать желал".

Что это такое?
“Ты, Сильвия, свободна станешь ночью”.
Так вот зачем ты лестницу припрятал!
Но Фаэтон, сын Меропса бескрылый,
Задумал править колесницей Феба
И чуть в безумстве не поджег весь мир!
Не хочешь ли звезду с небес похитить?
Обманщик низкий! Наглый раб, ступай!
Припрячь улыбку лести для глупцов,
И если ты уйдешь неотомщенный,
Благодари за то мое терпенье,
А не свои заслуги. Эта милость
Превыше всех благодеяний, мною
Оказанных тебе. Но если ты
Задержишься в моих владеньях дольше,
Чем требуют немедленные сборы,
Клянусь, мой гнев безмерно превзойдет
И ту любовь, с какой тебя я принял,
И ту любовь, что к дочери питал.
Без оправданий! Вон отсюда, слышишь?

(Уходит.)

В а л е н т и н

О, лучше смерть, чем жизнь в таких мученьях!
Ведь смерть — уход от самого себя,
А Сильвия и я — одно и то же.
В изгнании от Сильвии моей

От самого себя я буду изгнан.
Не это ли — смертельное изгнание!
Без Сильвии ярчайший свет — не свет,
И радость мне без Сильвии — не радость.
Ужель мечтою мне питать любовь,
Вообразать сиянье совершенства?
Но если ночь без Сильвии провел я,
Нет музыки мне в пенье соловьином,
И если днем я Сильвию не вижу,
Нет солнца в небе синем для меня.
Я без нее — ничто. Любимой близость
Дает мне жизнь, и сущность, и основу.
На смерть — лишь казнь предотвратить могу я.
Оставшись тут, я только смерти жду;
Бежав отсюда, я бегу от жизни.

Входят Протей и Ланс.

Протей. Скорей, скорей, Ланс, найди мне его во что бы то ни стало.

Ланс. Ату, ату его!

Протей. Кого ты там видишь?

Ланс. Того, кого мы ищем. На его шкуре нет ни одного волоска, который не был бы Валентином.

Протей. Валентин?

Валентин. Нет.

Протей. Кто же ты? Призрак Валентина?

Валентин. И не призрак.

Протей. Что же ты такое?

В а л е н т и н. Ничто.

Л а н с. Разве ничто может разговаривать? Хозяин, можно его хорошенько вздуть?

П р о т е й. Кого ты хочешь вздуть?

Л а н с. Ничто.

П р о т е й. Замолчи, дурак!

Л а н с. А почему, хозяин, ведь я хочу вздуть ничто. Позвольте мне...

П р о т е й. Невежа, я тебе сказал, замолчи!— Друг Валентин, два слова.

В а л е н т и н

Мой слух, дружище, глух для добрых слов,
Он оглушен недобрыми словами.

П р о т е й

Тогда в молчанье я похороню
Свои слова — они и злы и грубы.

В а л е н т и н

Скончалась Сильвия?

П р о т е й

Нет, Валентин.

В а л е н т и н

Но Валентин для Сильвии скончался.
Так изменила мне?

Протей

Нет, Валентин.

Валентин

О, если б изменила, ты сказал бы:
Нет Валентина! С чем же ты пришел?

Протей

Ты из Милана изгнан. Да! Ты должен
Покинуть двор, и Сильвию, и друга.

Валентин

Мой друг, я горем сыт. Еще немного —
И горе с жизнью разлучит меня!
Но Сильвия уже об этом знает?

Протей

Да, знает все. Жестокому решению
Она напрасно в жертву принесла
Те жемчуга, что мир зовет слезами:
Упав к ногам сурового отца,
Она рыдала и ломала руки,
Что, побледнев от горя и тревоги,
Белей казались, чем нагорный снег.
Но ни мольбы, ни клятвы, ни стенанья,
Ни скорбное коленопреклоненье,
Ничто, ничто не тронуло тирана.

Он ей ответил: если Валентин
Промедлит здесь, его казнить велю я.
И дочь свою за то, что умоляла
Простить тебя, он в ослепление гнева
Велел тотчас же в башню запереть
И угрожал ей вечным заточеньем.

В а л е н т и н

Ни слова больше, если этим словом
Ты не убьешь меня. Но если можешь
Меня убить, так продолжай рассказ:
Дай мне покончить с мукой бесконечной.

П р о т е й

Не сокрушайся о непоправимом,
Но что испортил, то скорей поправь.
Оставшись, ты не мог бы с ней встречаться,
Но жизнь и честь поставил бы на карту.
Надежда — посох любящих. Иди,
Ты будешь там, но письма будут здесь.
На этот посох крепкий опираясь,
Пиши их мне, чтоб я передавал их,
Чтоб их на беломраморной груди
Могла твоя возлюбленная прятать.
Но, друг мой, рассуждать теперь не время.
Пора идти. К воротам городским
Я провожу тебя. Мы потолкуем

О том, что для любви твоей полезно.
Пойдем. Во имя Сильвии, спешу.

В а л е н т и н

Послушай, Ланс, коль повстречаешь Спида,
Скажи, чтоб шел он к Северным воротам.

П р о т е й

Ступай за ним. Пойдем же, Валентин.

В а л е н т и н

О Сильвия моя, о дорогая!
О горестный, несчастный Валентин!

Валентин и Протей уходят.

Л а н с. Смотрите, я дурак, а ума у меня все-таки хватило, чтобы догадаться, что мой хозяин в некотором роде негодяй. В каком роде — не важно, важно, что негодяй. Не родился еще тот человек, который скажет, что я влюблен. А между тем я действительно влюблен. Целая шестерка лошадей не вытянет из меня, в кого я влюблен. А между тем это — женщина. Но какая женщина — этого я и самому себе не скажу. Положим, я-то знаю, что она — коровница. И знаю, что она уже не девушка, о ней ходят дурные толки. И все-таки она девушка, потому что она девушка у своего хозяина и работает у него за плату. А всяких штук она знает — что твоя водолазная собака. А для крещенного человека это уже много. Вот распиши ее добродетелей. (*Достает бумагу.*) Во-первых, она может при-

носить и носить. Большого не может и лошадь. Нет, лошадь может только носить, приносить она не может. Значит, она лучше, чем любая кляча. Во-вторых, она умеет доить. Большое достоинство для девушки, если только руки у нее чистые.

Входит С п и д.

С п и д. Здорово, синьор Ланс, что это вы читаете?

Л а н с. Я не вычитаю, а складываю.

С п и д. Ты опять за старое — все слова наизнанку выворачивать. Какие новости в твоей бумажке?

Л а н с. Самые черные, какие ты видел.

С п и д. Почему же они черные?

Л а н с. Потому что написаны чернилами.

С п и д. Дай-ка прочесть.

Л а н с. Постыдился бы, дурак! Ты и читать-то не умеешь.

С п и д. А вот врешь. А вот умею.

Л а н с. А вот я тебя проверю. Отвечай: кто тебя родил?

С п и д. Кто же, как не сын моего дедушки?

Л а н с. Ах ты, невежественная башка! Не твоего дедушки сын, а твоей бабушки! Вот и видно, что ты читать не умеешь.

С п и д. Давай, давай, дурак! Покажи, что там написано, в твоей бумаге.

Л а н с. Смотри. И да поможет тебе святой Николай.

С п и д (*читает*). “Во-первых, она умеет доить”.

Л а н с. Да, это она умеет.

С п и д. “Во-вторых, она умеет варить пиво.”.

Л а н с. И отсюда поговорка: благослови тебя небо, ты хорошо варишь пиво.

С п и д. “Также она умеет шить”.

Л а н с. Это все равно что спросить: шить она также умеет?

С п и д. “А еще она умеет вязать”.

Л а н с. Так разве станет мужчина отдавать свои чулки какой-нибудь девке, если жена его сама умеет вязать?

С п и д. “Еще она умеет мыть и катать”.

Л а н с. Это уже особая добродетель: не мытьем, так катаньем.

С п и д. “Еще она умеет прясть”.

Л а н с. А если прялкой она умеет зарабатывать на пропитание, то, значит, Ланс вовсю запустит колесо фортуны.

С п и д. “Дальше: у нее множество безымянных добродетелей”.

Л а н с. Это значит: побочных добродетелей, как бы прижитых со стороны. У них нет отца и поэтому нет имени.

С п и д. Дальше следуют ее недостатки.

Л а н с. По пятам за ее достоинствами.

С п и д. “Первое: не целовать ее натошак, у нее дурной запах изо рта”.

Л а н с. Ну, этот недостаток можно исправить завтраком.

С п и д. “Дальше: она сластена”.

Л а н с. Значит, постоянно примешивает к дурному запаху хороший.

С п и д. “Дальше: она разговаривает во сне”.

Л а н с. Ну, это не имеет значения, лишь бы она не спала разговаривая.

С п и д. “Дальше: она скупа на слова”.

Л а н с. Какой болван записал это в недостатки! Если женщина не болтлива, это величайшая добродетель. Очень прошу тебя: вычеркни это отсюда и запиши в число главных достоинств.

С п и д. “Дальше: она норовиста”.

Л а н с. Тоже вычеркни: это же у них от Евы. Лишить женщину такого наследства просто невозможно.

С п и д. “Дальше: она беззуба”.

Л а н с. Тем лучше, я сам люблю корки.

С п и д. “Дальше: она сварлива”.

Л а н с. Это не важно. Раз у нее нет зубов, она не укусит.

С п и д. “Дальше: она любит выпить”.

Л а н с. Ну что ж, если спиртное хорошего качества, пускай пьет. Она не захочет, так я выпью. Хорошую вещь надо ценить.

С п и д. “Дальше: она слишком щедра”.

Л а н с. На разговоры? Нет, конечно,— тут написано, что она скупа на слова. На деньги? Пустое! Деньги всегда будут у меня. Ну, а на другие вещи — пускай. Ничего не поделаешь. Ладно, поехали дальше.

С п и д. А дальше вот что: “У нее больше волос, чем ума, больше недостатков, чем волос, и больше денег, чем недостатков”.

Л а н с. Стой, стой. Я хочу на ней жениться, а по этой статье я дважды или трижды решал и да и нет. Прочти еще раз.

С п и д. “У нее больше волос, чем ума”.

Л а н с. Больше волос, чем ума? Может быть; и я это дока-

жу. Крышка солонки накрывает солонку, и, значит, ее больше, чем соли. Волосы покрывают голову, значит, их больше, чем ума в голове, потому что большее всегда больше, чем меньшее. Продолжай.

С п и д. “Больше недостатков, чем волос”.

Л а н с. Вот это чудовищно. О, если бы этого пункта не было!

С п и д. “И больше денег, чем недостатков”.

Л а н с. А вот уж это обстоятельство скрашивает все недостатки. Конечно, я на ней женюсь, и если так случится, — ведь нет ничего невозможного...

С п и д. Что тогда?

Л а н с. Тогда я тебе скажу, что твой хозяин уже целый час ожидает тебя у Северных ворот.

С п и д. Меня?

Л а н с. Тебя! А кто ты такой? Он поджидал людей и почище тебя.

С п и д. Значит, я должен идти к нему?

Л а н с. Ты должен бежать к нему! Ты здесь проторчал так долго, что идти к нему у тебя уже нет времени.

С п и д. Почему же ты молчал? Пропади они пропадом, твои любовные письма! (*Уходит.*)

Л а н с. Всыплют ему за то, что он читал мое письмо. Болван неотесанный! Сует нос в чужие секреты! Пойду за ним. Хоть настроенье лучше станет, если ему взбучку дадут! (*Уходит.*)

Сцена 2

Комната во дворце герцога.

Входят герцог и Турио.

Герцог

Не беспокойтесь, Турио; теперь,
Лишенная навеки Валентина,
Она полюбит вас.

Турио

Но с той поры
Как изгнан он, я стал ей ненавистен.
Едва я появлюсь, она уходит,
И я уже надежду потерял.

Герцог

Любовь девичья сходна с начертаньем
На льдине. Чуть повеяло теплом —
И тает лед, и, смотришь, нет рисунка.
Так мысль ее застывшая растает,
И будет сразу Валентин забыт.—

Входит Протей.

Ну что, синьор Протей, ваш старый друг,
Надеюсь, внял приказу и уехал?

Протей

Уехал, герцог.

Г е р ц о г

Дочь моя грустит?

П р о т е й

Мой герцог, эта грусть недолговечна.

Г е р ц о г

Ты прав, но Турио думает иначе.
Протей, я полюбил тебя всем сердцем.
Ты доказал мне преданность свою,
И я доверюсь твоему совету.

П р о т е й

О, если я вас обману, лишите
Меня и вашей милости и жизни.

Г е р ц о г

Ты знаешь сам, с какой охотой дочь
Я за синьора Турио бы выдал.

П р о т е й

Да, герцог.

Г е р ц о г

И тебе небезызвестно,
Что дочь моей сопротивлялась воле.

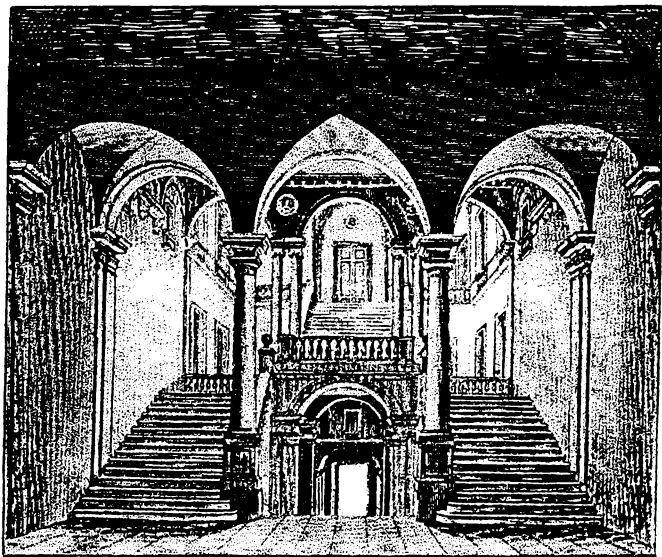

Протей

Пока здесь находился Валентин.

Герцог

О нет, она упорствует. Как сделать,
Чтоб девочка забыла Валентина
И полюбила Турио?

Дворец Бальби в Генуе. С гравюры неизвестного художника

Протей

Есть способ.

Пусть ей наговорят на Валентина,
Что он обманщик, трус и низок родом, —
Три свойства, ненавистные для женщин.

Герцог

Она поймет, что на него клеветают.

Протей

Да, если это скажет враг его.
Но ваша дочь должна рассказ подробный
О Валентине услышать от друга.

Герцог

Тогда возьмите это на себя.

Протей

Мой герцог, это было бы мне тяжело.
Достойно ль дворянина — клеветать,
Особенно на друга?

Герцог

Но поскольку
Вы похвалой ему не помогли бы,
То клеветой ему не повредите.

А значит, вам должно быть безразлично,
Чем герцогу вы будете служить.

Протей

Мой герцог, я согласен. Если дело
Лишь в том, чтоб развенчать его
 перед нею,
Она его разлюбит, я ручаюсь.
Но Валентина выбросить из сердца
Еще не значит в Турио влюбиться.

Турио

Поэтому, когда вы отвортите
Ее от Валентина, торопитесь
Любовь ее направить на меня,
И с этой целью, как его хулите,
Так вы меня хвалите перед ней.

Герцог

Да, в этом я, Протей, вам доверяю.
Я знаю по рассказам Валентина,
Что сами вы в цепях любви томитесь
И навсегда верны своей любви.
Поэтому я вам предоставляю
Свободный доступ к дочери моей.
Она печальна, замкнута, угрюма,
Но вас, как друга Валентина,— примет,

А уж тогда сумеете сделать все,
Чтобы скорей он стал ей ненавистен.

Протей

Клянусь вам сделать все, на что способен,
Но мой синьору Турио совет:
Попробуйте поймать ее, как птицу,
В силки любовных песен и сонетов,
Исполненных покорности и страсти.

Герцог

Ты прав, Протей, могущественна сила
Поэзии, наперсницы богов.

Протей

Пишите ей, что на алтарь любви
Приносите вы слезы, стоны сердца, —
Все в жертву столь великой красоте!
Испишите чернила — продолжайте
Чертить хоть кровью пламенные строки.
Орфей, создав магическую лютню,
Поэтов жилы взял для вещих струн,
И золотыми звуками она
Смягчила сталь и вековые скалы,
И приручала львов, и заставляла
Левиафана, чудище морское,
Покинув глубь, плясать на берегу.

Отдав свой день созданию чудных песен,
Ступайте ночью под окно любимой
И, пригласив искусных музыкантов,
Игрой и пеньем тешьте слух ее.
С молчаньем ночи так согласны звуки
Тоскующей, зовущей серенады,
И для победы нет пути другого.

Г е р ц о г

Лишь тот, кто любит, может так учить.

Т у р и о

Я твой совет сегодня же исполню,
Наставник мой, любезный мой

Протей.

Прошу тебя, пойдем со мною в город —
Найдем оркестр. А я как раз сегодня
Великолепный выучил сонет.
Его спою — и будет он началом
Любовный битвы.

Г е р ц о г

В добрый час, синьоры.

П р о т е й

Мы до обеда, герцог, ваши слуги,
А там — в поход.

Г е р ц о г

О нет, не тратьте время.
Я отпускаю вас, мои друзья.

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Лес между Миланом и Вероной.

Входят несколько разбойников.

Первый разбойник. Друзья, держитесь крепко, вот прохожий.

Второй разбойник. А хоть бы десять — бейте их, не трусьте!

Входят Валентин и Спид.

Третий разбойник. Стойте, синьоры, отдайте все, что имеете, не то мы свяжем вас и все отнимем.

Спид. Хозяин, мы погибли. Это злодеи, убивающие всех путешественников.

Валентин. Друзья мои...

Первый разбойник. Ошибка, синьор, мы ваши враги.

Второй разбойник. Молчи, послушаем, что он скажет.

Третий разбойник. Правильно. Клянусь моей бородой, он хороший человек.

В а л е н т и н

Так знайте же, мне нечего терять.
Ко мне судьба относится враждебно,
И все мое богатство — в той одежде,
Которая на мне.

Второй разбойник. Куда идете?

В а л е н т и н. В Верону.

Первый разбойник. Откуда вы?

В а л е н т и н. Из Милана.

Т р е т и й разбойник

И долго жили там?

В а л е н т и н

Да больше года.

Но был бы там и ныне, если б злая
Судьба не встала на моем пути.

П е р в ы й разбойник

Вы изгнаны?

В а л е н т и н

Да, изгнан.

Второй разбойник

А за что же?

В а л е н т и н

За то, о чем мне тяжело вспоминать.
Я в стычке заколол там человека
И все еще раскаиваюсь в том.
Но я убил его на поединке,
А не ударом в спину.

П е р в ы й р а з б о й н и к

Если так,
Поверьте, вам раскаиваться не в чем.
И вас изгнали за такой пустяк?

В а л е н т и н

И хорошо, что обошлось лишь этим.

В т о р о й р а з б о й н и к

Вы знаете чужие языки?

В а л е н т и н

Да, в юности поездил я немало,
А в общем, я судьбой не избалован.

Т р е т и й р а з б о й н и к

Ручаюсь плешью старого монаха
Из удалой ватаги Робин Гуда,
Он подходящий атаман для нас!

Первый разбойник

Он мне по сердцу. Господа, два слова!

С п и д

Хозяин, принимайте предложение,
Займитесь честным воровством.

В а л е н т и н

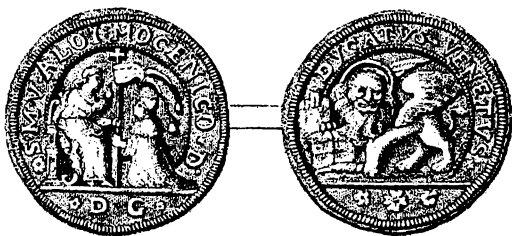
Молчи ты!

Второй разбойник

Не связаны ли в жизненном пути
Вы с кем-нибудь?

В а л е н т и н

Нет, лишь с моей судьбою.

Итальянская средневековая монета

Т р е т и й р а з б о й н и к

Так знайте, между нами есть дворяне,—
Слепое буйство юности безумной
Нас от людей достойных удалило.
Я сам был изгнан из родной Вероны
За то, что вознамерился похитить
Воспитанницу герцога.

В т о р о й р а з б о й н и к

Я также

Из Мантуи был изгнан,— но за то,
Что проучил кинжалом дворянина.

П е р в ы й р а з б о й н и к

И я в таком же пустяке повинен.
Но к делу! Мы в грехах своих винимся,
Чтоб объяснить вам, отчего пошли мы
В разбойники. Вы статны и сильны,
Притом вы человек с образованием,
Владеете, как видно, языками,
А нам такой и нужен атаман.

В т о р о й р а з б о й н и к

Да, только потому, что вы — изгнанник,
Мы первым делом спрашиваем вас:
Хотите ль быть вы нашим атаманом,

Два веронца

Хотите ль сделать проигрыш доходным
И с нами жить в лесу?

Т р е т и й р а з б о й н и к

Ответь нам прямо:
Ты хочешь править шайкой удалцов?
Скажи лишь “да”— и станешь атаманом,
И будем мы тебе повиноваться,
Тебя любить и чтить, как короля.

П е р в ы й р а з б о й н и к

А если ты откажешься — убьем!

В т о р о й р а з б о й н и к

Чтob ты не хвастал нашим предложеньем.

В а л е н т и н

Пожалуй, я согласен. Остаюсь.
С условием, чтob вы не обижали
Ни бедняков, ни беззащитных женщин.

Т р е т и й р а з б о й н и к

Столь подлых дел гнушаемся мы сами.
Пойдем, мы отведем тебя в пещеру
И отдадим в твое распоряженье
Себя самих и все свое добро.

Уходят.

Сцена 2

Милан. Перед дворцом герцога.

Протей

Я Валентина оболгал, и ныне
Мне Турио придется обмануть.
Пообещав хвалить его пред нею,
Я думал только о своей любви,
И Сильвию теперь могу я видеть.
Но Сильвия правдива и честна
И на обеты верности с презреньем
Ответствует, что я неверен другу.
Когда я славлю красоту ее,
Она глумится над моей изменой
И просит клятвы Джулии припомнить.
Но, несмотря на все ее насмешки,
Я перед нею — точно пес ручной.
И я люблю тем преданней, чем
больше

Она мои моления презирает.
Но вот пришел и Турио. Пойду
Любимой петь с ним вместе серенаду.

Входят Турио и музыканты.

Турио

Как! Раньше нас, Протей, вы прилетели?

Протей

Да, прилетел, мой Турио достойный.
Любовь, где не пройдет, перелетит.

Турио

Да, но любовь-то ваша ведь не здесь!

Протей

Нет, здесь, иначе я бы здесь и не был.

Турио

И, может быть, вы к Сильвии явились?

Протей

Да, к Сильвии, но ради вас.

Турио

От сердца

Благодарю вас. Господа, начнем.
Настраивайте ваши инструменты.

Входят хозяин гостиницы и Джулия, одетая мальчиком.

Хозяин. Ну, юный мой постоялец, мне кажется, вы хлебнули лишнего. Почему вы грустите?

Джулия. Да потому, добрый хозяин, что мне невесело.

Хозяин. Ладно, мы вас развеселим. Вы сейчас услышите музыку и увидите синьора, о котором спрашивали.

Д ж у л и я. И услышу его голос?

Х о з я и н. Да, услышите.

Д ж у л и я. Это будет для меня музыкой.

Музыка.

Х о з я и н. Слушайте.

Д ж у л и я. Он здесь, среди них?

Х о з я и н. Да. Но тише, послушаем.

П е с н я

(исполняется музыкантами)

Кто Сильвия? И чем она
Всех пастушков пленила?
Умна, прекрасна и нежна,
Велением богов дана
Ей чар любовных сила.
О слепоте своей скорбя,
Амур к ней приласкался:
“О, как хочу узреть тебя!”
И вдруг прозрел он и, любя,
В ее глазах остался.
Друзья, среди чудес земли
Что Сильвии чудесней?
Мы к нежной Сильвии пришли,
Мы ей гирлянды принесли,
Ее мы славим песней.

Х о з я и н. В чем дело? Вы стали еще печальнее. Что с вами, друг мой? Видно, вам не нравится эта музыка?

Д ж у л и я. Вы ошиблись, мне музыкант не нравится.

Х о з я и н. Чем же, прекрасный юноша?

Д ж у л и я. Он фальшивит.

Х о з я и н. Как так, он играет не на тех струнах?

Д ж у л и я. Нет, нет. И все же он фальшивит так, что все струны моего сердца дрожат от боли.

Х о з я и н. У вас тонкий слух.

Д ж у л и я. Лучше бы мне оглохнуть. У меня сердце разрывается от этого.

Х о з я и н. Я вижу, вы не любите музыки.

Д ж у л и я. Если она фальшива — не люблю.

Х о з я и н. Вы послушайте, как меняются голоса.

Д ж у л и я. Вот эти-то смены меня и раздражают.

Х о з я и н. Так что ж, вы хотите, чтоб он играл на один голос?

Д ж у л и я. Да, я хочу, чтоб один музыкант играл на один голос. А что, хозяин, этот ваш Протей часто приходит к окнам этой дамы?

Х о з я и н. Я знаю только то, что сказал мне его слуга Ланс: он по уши в нее влюблен.

Д ж у л и я. Тише! Отойдем в сторону, они уходят.

П р о т е й

Не беспокойтесь, Турио, клянусь
вам,

Я так искусно дело поведу,
Что хитрости моей вы удивитесь.

Турио

Где встретимся мы с вами?

Протей

У фонтана

Григория святого.—

Турио и музыканты уходят.
В окне появляется Сильвия.

Привет вам, благородная синьора.

Джулия (*хозяину*). Где Ланс?

Хозяин. Пошел искать собаку, которую по приказу своего господина он должен поднести в подарок Сильвии.

Сильвия

Благодарю за музыку, синьор.
Скажите, кто вы?

Протей

Если бы вы знали,
Насколько чисты помыслы мои,
Вы узнавать умели бы мой голос.

Сильвия

Синьор Протей?

Протей

Ваш преданный слуга.

С и л ь в и я

Что вам угодно?

П р о т е й

Слепо подчиняться
Желаньям вашим.

С и л ь в и я

Очень рада слышать.
Так вот мое желанье: убирайтесь
Немедленно домой! Ты, лжец, предатель,
Иль думаешь, я так глупа, ничтожна,
Что лестью соблазнить меня ты можешь,
Как обманул ты клятвами другую?
Ступай, пади пред нею на колени,
Моли прощенья у ее любви!
А я клянусь — клянусь царицей ночи,
К твоим мольбам не снизойду вовеки
И домоганья лживые твои
Всем разумом, всем сердцем презираю.
Мне стыдно, что с тобой на болтовню
Я трачу время.

П р о т е й

Госпожа моя,
Скрывать не стану, я любил другую,
Но ведь она скончалась.

Д ж у л и я
(в сторону)

Я свидетель,
Ее пока не опускали в гроб.

С и л ь в и я

Допустим, это правда, но твой друг,
Твой Валентин, он жив, а ты ведь знаешь,
Что мы обручены, и не стыдишься
Своей любовью друга оскорблять!

П р о т е й

Идет молва, что Валентин скончался.

С и л ь в и я

Тогда и я мертва, моя любовь
Навек погребена в его могиле.

П р о т е й

Позвольте воскресить ее, синьора!

С и л ь в и я

Нет, воскреси любовь своей любимой,
Иль вместе с ней свою похорони.

Д ж у л и я
(в сторону)

Он этого не слышал.

Два веронца

Протей

О синьора!

Вы так жестокосердны, но молю вас,
Отдайте мне на память свой портрет,
Висящий в вашей комнате. Я буду
С ним говорить, вздыхать пред ним и плакать,
И вашу тень, сам обратившись в тень,
Любить неугасающей любовью.

Джулия

(в сторону)

Живую, лицемер, вы разлюбили б
И в тень бы превратили, как меня.

Сильвия

Мне неприятно быть кумиром вашим,
Но вам, лжецу, пожалуй, так подходит
Молиться тени и любить подобье,
Что вам портрет дарю я. Завтра утром
Кого-нибудь пришлите за подарком.
Покойной ночи.

Протей

Я спокоен буду,
Как пленник, ждущий казни поутру.

(Уходит.)

Сильвия скрывается в окне.

Д ж у л и я. Хозяин, пойдем, что ли?

Х о з я и н. Клянусь всеми святыми, я хорошо всхрапнул.

Д ж у л и я. Скажи, где живет синьор Протей?

Х о з я и н. В моей гостинице. Вы поглядите, скоро уже светать начнет.

Д ж у л и я

А ночь из всех ночей моих бессонных
Была и самой длинной и тяжелой.

Уходят.

Сцена 3

Там же.

Входит Э г л а м у р.

Э г л а м у р

Меня синьора Сильвия просила
Зайти к ней нынче. Этот час настал.
Я для каких-то важных дел ей нужен.
Синьора Сильвия!

В окне появляется С и л ь в и я.

С и л ь в и я

Кто звал меня?

Э г л а м у р

Слуга и друг ваш.

С и л ь в и я

Это Эгламур?

Синьор, примите тысячу приветствий.

Э г л а м у р

И столько же приветствий вам, синьора.
Я к вам пришел так рано, чтоб узнать,
Какой могу быть службой вам полезен.

С и л ь в и я

Ты — рыцарь, мой достойный Эгламур.
Клянусь тебе, в моих словах нет лести.
Ты просвещенный, мудрый и отважный.
Ты справедлив и прям. Тебе известно,
Что всей душой люблю я Валентина,
Но мой отец меня желает выдать
За Турио, ничтожного глупца.
Ты сам любил. Ты мне сказал когда-то,
Что, безутешной горестью теснимый,
Печалась о возлюбленной своей,
Ты над ее безвременной могилой
Поклялся верным быть ей даже мертвой.
О Эгламур, я в Мантую решила
Уехать, — там живет мой Валентин.
Но на дорогах, говорят, опасно;
Прошу тебя, будь спутником моим.
Подумай, как разгневан мой родитель,

Подумай, как в разлуке я страдаю,
И скажешь сам, что вправе я бежать,
Чтобы спастись от мерзкого союза,
Который проклят небом и судьбой!
Мой добрый друг, молю тебя всем сердцем,
А в нем страданий — как песчинок в море, —
Будь провожатым Сильвии несчастной!
Но если ты не можешь, обещаю мне
Молчать о том, что я тебе открыла,
И я тогда решусь бежать одна.

Э г л а м у р

Всем сердцем вам сочувствую, синьора.
И, зная ваших горестей причину,
Охотно буду вас сопровождать.
И о своей судьбе я не забочусь,
Я лишь для вас прошу у неба счастья.
Когда же в путь?

С и л ь в и я

Сегодня ввечеру.

Э г л а м у р

Где встретимся?

С и л ь в и я

У брата Пьетро в келье.

Пред ним я исповедаться хочу.

Э г л а м у р

Я встречу вас у врат монастыря.
До вечера, прекрасная синьора!

С и л ь в и я

Мой добрый друг, мой Эгламур, прощайте.

(Скрывается в окне.)

Эгламур уходит.

Сцена 4

Входит Л а н с со своей собакой.

Л а н с. Когда слуга ведет себя, как неблагодарный пес, то господин обижается. Но ведь его-то я воспитывал с детства. Я спас этого щенка, когда его хотели утопить вместе с тремя или четырьмя слепыми братцами и сестрицами. Я учил его, как настоящего пса. Меня послали поднести его синьоре Сильвии в подарок от моего хозяина. Не успели мы войти в столовую, как он уже подобрался к тарелке синьоры и стащил. Противно смотреть, когда собака не умеет вести себя в обществе. Мне хотелось, чтобы он показал себя образованным псом, как говорится — псом на все руки. Если б у меня не хватило ума взять на себя его грех, его бы за такую проделку повесили. Ей-богу, он был бы за это сурово наказан. Посудите сами. Он без всяких церемоний врывается в общество двух или трех знатных собак, которые сидели под столом герцога, и, не пробыв он там, — ну просто диву даешься! — не пробыв он там

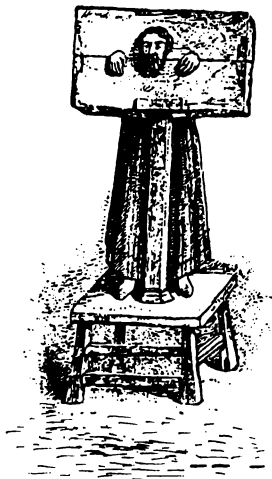
даже столько времени, сколько нужно, чтобы помочиться, как уже все в комнате почувствовали запах. “Гоните вон эту собаку!” — кричит один. “Это еще что за пес!” — кричит другой. “Хорошенько его хлыстом!” — кричит третий. “Повесить его!” — говорит герцог. Так как мне этот запах хорошо знаком, я сразу понял, что это Креб. И вот подхожу я к малому, который собирается бить его хлыстом. “Друг, — говорю я, — вы собираетесь бить эту собаку?” — “Да, черт возьми, собираюсь”, — говорит он. “Вы его напрасно обижаете, — говорю я, — это я наделал в комнате”. Он без дальних слов давай меня

Пытка колодками. Рисунок неизвестного художника

хлестать и выставил вон. Много ли хозяев сделали бы это ради слуг? Готов поклясться, я сиживал в колодках за те колбасы, которые он крал. Я стоял у позорного столба за тех гусей, которых он задушил, иначе он пострадал бы за это. — А ты и думать об этом забыл. Но я-то не забыл, что ты наделал, когда я уходил от госпожи Сильвии. Разве я не просил тебя не спускать с меня глаз и повторять то, что буду делать я? Видел ли ты когда-нибудь, чтобы я вдруг поднял ногу и помочился на юбку знатной дамы? Видел ты когда-нибудь, чтобы я творил такое безобразие?

У позорного столба. Рисунок неизвестного художника

Входят Протей и Джулия, одетая мальчиком.

Протей

Тебя зовут Себастьян? Ты мне сразу
Понравился. Окажешь мне услугу?

Джулия

Все что угодно! Все, что буду в силах!

Протей

Благодарю.—

(Лансу.)

Так вот ты где, мерзавец!

Скажи, где прощатался ты два дня?

Ланс. Синьор, я по вашему приказу водил собаку к госпоже Сильвии.

Протей. Ну, и что же она сказала, получив эту прелестную собачку?

Ланс. Черт возьми, синьор, она говорит, что собака, которую вы ей прислали в подарок,— дворняжка и достойна лишь собачьей благодарности.

Протей. Но ведь она приняла собачку в подарок?

Ланс. Нет, синьор, не приняла. Вот я и веду ее назад.

Протей. Как, ты этого пса хотел ей подарить?

Ланс. Да, синьор. А ту другую, маленькую собачку, похожую на белку, у меня вчера на рынке подручные палача украли из кармана. Вот я вместо нее и поднес госпоже Сильвии

своего собственного пса. Он в десять раз больше той вашей собачки, а значит — в десять раз лучше как подарок.

Протей

Ступай к чертям! Иль разыщи собачку,
Иль на глаза не смей мне попадаться!
Чего стоишь? Вzbесить меня решил?
Из-за слуги всегда краснеть я должен!

Ланс уходит.

Себастьян, будь моим слугою ты.
Мне нужен юноша, который может
Исполнить мой приказ умно и тонко,
Не так, как этот пентюх толстокожий.
А ты лицом приятен и воспитан
И, если я в тебе не ошибаюсь,—
Удачу можешь принести и счастье.
За это я и взял тебя. Так вот что:
Ступай к синьоре Сильвии
тотчас же
И ей отдай кольцо мое в подарок.
Его владелица меня любила.

Джулия

Но вы ее, должно быть, не любили,
Когда с ее подарком расстаетесь.
Иль она скончалась?

Протей

Нет, жива.

Джулия

О горе мне!

Протей

Тебе? При чем же ты здесь?

Джулия

Я не могу не пожалеть ее.

Протей

Ты? Почему ты Джулию жалеешь?

Джулия

Она не меньше, видно, вас любила,
Чем вы синьору Сильвию? И что же,
Ей дорог тот, кто позабыл ее,
А вы влюбились в ту, кто вас не любит.
Всегда с любовью жизнь в противоречье,
Вот почему вскричал я: горе мне!

Протей

Ну, не печалься. Отнеси кольцо,
А с ним письмо. Вот комната синьоры.
Скажи, что за обещанным портретом

Явился ты, и, получив портрет,
Лети ко мне тоску мою развеять.

(Уходит.)

Д ж у л и я

Ах, многие ли женщины могли бы
Такое поручение исполнить!
Протей, бедняга! Ты лису приставил
Твоих ягнят пасти. А я-то дура!
Мне жаль того, кто надо мной смеется!
Едва ее увидел, он с презреньем
Отверг меня, а я люблю его
И оттого жалею. В час разлуки
Ему кольцо дала я, чтобы вечно
Меня он помнил, а теперь должна я —
Посол несчастный! — Сильвию просить
О том, что запретить бы ей хотела,
Отдать ей то, что отобрать хочу,
Хвалить того, кого браню всем сердцем.
Не я ли с ним сама обручена!
Чтоб стать Протею преданным слугою,
Должна предать я самое себя.
И, сватая любимому невесту, —
О господи! — я жажду лишь отказа.

Входит Сильвия со свитой.

Привет вам, госпожа! Нельзя ли мне
Сказать синьоре Сильвии два слова?

С и л ь в и я

Я — Сильвия. Но что же вам угодно?

Д ж у л и я

О, если это вы, прошу терпенья —
Я с порученьем прислан.

С и л ь в и я

От кого?

Д ж у л и я

Синьор Протей меня прислал, синьора.

С и л ь в и я

А, верно, вас прислал он за портретом?

Д ж у л и я

Да.

С и л ь в и я

Хорошо. Урсула, мой портрет!

Урсула приносит портрет.

Отдай его Протею, но скажи,
Что Джулия, которой изменил он,
Подходит больше комнате его,
Чем эта тень.

Иллюстрация к “Двум веронцам” прерафаэлит Вальтера Крэпа

Д ж у л и я

Вот вам письмо, синьора.
Простите, я случайно передал вам
Не тот листок. Ах, вот он, ваша милость.

С и л ь в и я

А покажи-ка мне еще раз тот.

Д ж у л и я

Прошу простить, я не могу, синьора.

С и л ь в и я

Возьми! Я не хочу и видеть, что мне пишет
Твой господин. Я знаю, там полно
Любовных клятв, неслыханных обетов,—
Он лжет с такой же легкостью всегда,
С какой его письмо я разрываю.

(Разрывает письмо.)

Д ж у л и я

Синьора, вам кольцо он посылает.

С и л ь в и я

Кольцо? Тогда позор ему вдвойне!
Он сотни раз твердил, что это — память,
Что это милой Джулии кольцо —
Залог любви, врученный в миг разлуки.

И пусть он осквернил его изменой,
Я Джулию не стану оскорблять.

Д ж у л и я

Она благодарит вас.

С и л ь в и я

Что такое?

Д ж у л и я

Благодарю вас за участие к ней.
Бедняжка, мой синьор ее обидел!

С и л ь в и я

Ее ты знаешь?

Д ж у л и я

Так же, как себя.
Я часто плакал над ее печалью.

С и л ь в и я

Она, быть может, знает, что Протей
Ей изменил?

Д ж у л и я

Я полагаю, знает.
И в этом горьких слез ее причина.

С и л ь в и я

Она красива?

Д ж у л и я

Нет, была красива,
Когда могла в любовь Протея верить.
Она была красавица, как вы.
Но в зеркало давно она не смотрит.
Под маскою не прячется от солнца,
И воздух розы щек ее убил,
Ее чело лишилось лилий белых,
Подобно мне, теперь она смугла.

С и л ь в и я

А ростом высока она?

Д ж у л и я

Как я.
Когда мы с ней в комедиях играли,
Мне часто роли женщин доставались,
И были платья Джулии мне впору,
Как будто шил портной их для меня.
Вот почему известно мне, что ростом
Мы с ней равны. А как-то раз случилось,
Что я всерьез ее заставил плакать.
Я Ариадну представлял тогда,
Убитую предательством и бегством

Изменника Тезея. Я играл
Так живо, был так неподдельно грустен,
Что госпожа моя разволновалась
И горько зарыдала. Пусть умру я,
Когда не плакал сам ее слезами.

С и л ь в и я

О благородный мальчик, как отрадно
Должно быть ей сочувствие твое,
Когда она покинута, забыта!
Сама я плачу, думая о ней!
За то, что госпожу свою ты любишь,
Дарю тебе мой кошелек. Прощай!

Д ж у л и я

Как Джулия благодарить вас будет,
Когда вы с нею встретитесь, синьора!

Сильвия со свитой уходит.

Она добра, прекрасна, благородна
И если ей так жаль меня, — быть может,
Она отвергнет сватовство Протея.
Любовь, любовь! Как над собой ты шутишь!
Но вот портрет соперницы. Посмотрим.
Пожалуй, дать такое платье мне,
Лицом бы оказалась я не хуже.
Но, право, живописец ей польстил.
Иль, может быть, себе я лъщу невольно?

Она темноволоса — я светла.
Но если он ее за это любит,
Я завтра же парик надену темный.
Глаза у нас обеих голубые,
Но у нее гораздо ниже лоб.
Так что же в ней он любит? Чем я хуже?
И что во мне он мог бы порицать,
Не будь Амур шальным, слепым мальчишкой.
Неси же, тень, соперницу твою —
Другую тень. Бездушное подобье!
Тебе молиться будут, поклоняться.
Но если в поклонении кумиру
Есть чувство, пусть моя живая плоть
Заменит этот образ бестелесный.
Я пощажу тебя во имя той,
Кто так скорбит о Джулии, — не то бы
Я вырвала глаза твои пустые,
Чтоб разлюбил тебя мой повелитель.

(Уходит.)

АКТ V

Сцена 1

Милан. Монастырь.

Входит Э г л а м у р.

Э г л а м у р

Позолотило солнце хмурый запад.
Условленный уже подходит срок,
И Сильвию тотчас я должен встретить.
Она придет. Влюбленные иль точны,
Иль сонное опережают время.
Но вот она.—

Входит С и л ь в и я.

Синьора, добрый вечер!

С и л ь в и я

Аминь, аминь. Ступай вперед, мой рыцарь,
И жди за монастырскою оградой.
Боюсь, отец велел за мной следить.

Э г л а м у р

Не бойтесь, лес недалеко отсюда,
Мы добежим — и будем спасены.

Уходят.

Сцена 2

Комната во дворце герцога.

Входят Турио, Протей и Джулия.

Т у р и о

Синьор Протей, как Сильвия теперь
Относится к моим смиренным просьбам?

П р о т е й

Она, пожалуй, стала благосклонней,
Но все же в вас не нравится ей что-то.

Т у р и о

Но что же? Или ноги слишком длинны?

П р о т е й

О нет, скорее — чересчур худы.

Т у р и о

Надену сапоги, чтоб округлить их.

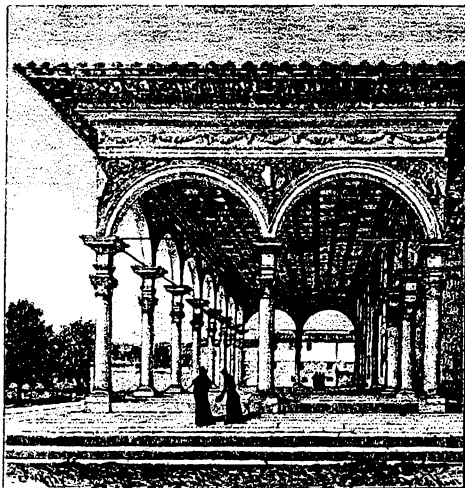

Д ж у л и я
(в сторону)

Ты шпорами любовь не обратишь
К тому, что от природы ей противно.

Т у р и о

А нравится ли ей мое лицо?

Двор итальянского монастыря Мария делла Грация.
Архитектор Бенедитто Маяно

Протей

Она его считает слишком белым.

Турio

Плутовка лжет! Я темен, точно мавр.

Протей

Но жемчуг бел, а темные мужчины,
Как говорят, в глазах красавиц — жемчуг.

Джулия
(в сторону)

Да, этот жемчуг ослепляет женщин, —
И, право, лучше с глаз его долой!

Турio

Ей нравится беседовать со мною?

Протей

Рассказы ваши о войне ей скучны.

Турio

Но о любви и мире — интересны?

Джулия
(в сторону)

Ей было б интересней услышать,
Что с миром ты ушел — и не вернулся.

Т у р и о

А что она о храбрости моей
Сказала вам?

П р о т е й

Она молчит об этом.

Д ж у л и я

(в сторону)

А что сказать, когда храбрец труслив?

Т у р и о

Известно ль ей мое происхождение?

П р о т е й

Известно то, что вы от высшей знати
Свой род ведете.

Д ж у л и я

(в сторону)

Из князей в шуты.

Т у р и о

Она слыхала о моем богатстве?

П р о т е й

Да, и жалеет вас.

Т у р и о

А почему?

Д ж у л и я
(в сторону)

А потому, что им осел владеет.

П р о т е й

Да ведь оно заложено.

Т у р и о

Вот герцог!

Входит герцог.

Г е р ц о г

А, Турлио! Протей! Синьоры, кстати,
Вы Эгламура нынче не встречали?

Т у р и о

Нет.

П р о т е й

Нет.

Г е р ц о г

А дочь мою?

Протей

Я не встречал.

Герцог

Так, значит, дочь бежала к Валентину,
И Эгламур ее сопровождает.
Да, это так. Их брат Лоренцо

встретил,

Когда он шел, в молитвы погруженный,
Лесной тропой. Он Эгламура знает
И думает, что с ним была она,
Хотя под маской он лица не видел.
Затем она хотела к брату Пьетро
На исповедь прийти, но понапрасну
Он ждал ее весь вечер. Я уверен,
Что Сильвия бежала. Мой Протей,
Седлай коня, скачи до поворота
На Мانتую,— они туда спешили.
Там под горой я назначаю встречу.
Скорей, синьоры, следуйте за мной.

(Уходит.)

Турio

Однако нрав строптивый у девицы!
Бежать от счастья! Я за ней отправлюсь —
Не из любви к упрямице, о нет,
Но отомстить хочу я Эгламуру.

Протей

А я отправлюсь только из любви,
Я к Эгламуру злобы не питаю.

Джулия
(в сторону)

А я пойду — не мстить ее любви,
Но стать помехой для его любви.

Уходят.

Сцена 3

Входят Разбойники, ведя Сильвию.

Первый разбойник

Ну, ну, терпенье! Мы вас отведем
К начальнику.

Сильвия

Мне горе так привычно,
Что это горе я стерплю легко.

Второй разбойник

Ведите же ее.

Первый разбойник

А где тот малый,
Который с нею был?

Т р е т и й р а з б о й н и к

Удрал, как заяц.
За ним пустились Мозес и Валерий.
Веди ее к начальнику. Ступай!
А я в погоню, — мы его поймаем,
Ему засад в лесу не миновать.

Второй и третий разбойники уходят.

П е р в ы й р а з б о й н и к

Пойдемте, я вас отведу в пещеру
Начальника. Вам нечего бояться.
Он справедлив, а с женщинами — рыцарь.
Уходят.

Сцена 4

Другая часть леса.

Входит В а л е н т и н.

В а л е н т и н

Как быстро в нас рождается привычка!
Мне лес безлюдный, глушь и полумрак
Милей, чем пестрый и богатый город.
Я здесь брожу один, никем не видим,
И вторю песне томной соловья
Стенаньями тоскующего сердца.
Красавица, живи в моей груди,
Люби приют, счастливый лишь тобою,

Не то печаль изложет эти стены
И рухнет опустелое жилище.
О Сильвия, мне душу воскреси,
Утешь страдальца, ласковая нимфа!

Шум за сценой.

Что там за крик? О чем шумит ватага,
Возведшая в закон лишь своеволие?
Иль бедный путник в этот лес забрел?
Хотя меня вся шайка полюбила,
Как трудно мне обуздывать их буйство!
Но спрячься, Валентин, сюда идут.

Входят Сильвия, Протей, Джулия.

Протей

Чтоб вам услугу оказать, синьора,
Хоть вы моих не цените услуг, —
Я жизнью рисковал, и этой шпагой
Наказан вор, грозивший чести вашей.
Так неужели я не заслужил
В награду хоть улыбки благосклонной?
Я меньшей не придумаю цены,
Да меньше мне и дать вы не могли бы.

Валентин
(в сторону)

Не сон ли все, что вижу я и слышу?
Дай мне, любовь, терпенья хоть на миг!

Иллюстрация к “Двум веронцам” художника Томаса Стотгарда

С и л ь в и я

О господи, взгляни, как я несчастна!

П р о т е й

Несчастною могли вы стать, синьора,
Но я пришел и счастье вам принес.

С и л ь в и я

Мое несчастье в том, что ты посмел
Приблизиться.

Д ж у л и я
(в сторону)

А я несчастна буду,
Когда ты станешь близок ей.

С и л ь в и я

О небо!

Я предпочла бы, чтобы лев голодный
Меня в лесной трущобе растерзал,
Чем быть тебе обязанной, предатель!
Бог видит, как люблю я Валентина.
Он дорог стал мне, как души спасенье,
И столь же (я спасением клянусь!)
Мне лжец Протей вовеки ненавистен.
Прочь от меня, я повторяю, прочь!

Протей

За нежный взор твой, за одну улыбку
В объятия смерти кинусь я с восторгом!
Ужель сулит мне рок неотвратимый
За всю любовь — лишь ненависть любимой?

Сильвия

Ты сам не любишь ту, кем так любим.
Припомни, как ты в клятвах рассыпался
Пред Джулией, твоей любовью первой.
И эти клятвы в ложь ты обратил,
Чтоб кинуться за новою любовью.
Нет, ты неверен, если только верность
Не многолика. Впрочем, верность многим
Еще, пожалуй, хуже, чем неверность.
И лучше бы не клялся ты совсем,
Чем клялся многим, а солгал бы всем,
Изменник дружбе!

Протей

Кто же другу в жертву
Любовь приносит?

Сильвия

Только не Протей!

Протей

Нет, если даже нежным красноречьем

Я не могу ваш гнев обезоружить,
То, как солдат, я силой вас заставлю
Ответить мне любовью на любовь.

Сильвия

Прочь руки!

Протей

Я сломя твое упорство!

Валентин
(выступая вперед)

Презренный лжец! Прочь руки!

Протей

Валентин!

Валентин

Так вот что значит быть притворным другом?
Ты предал все — и дружбу и любовь!
В твою измену я бы не поверил,
Когда бы сам ее не увидал.
Теперь сказать вовеки не смогу я,
Что хоть единый друг есть у меня.
Как верить, если правая рука
Столь вероломно изменяет сердцу!
Протей, ты стал чужим для Валентина,

Ты подорвал его доверье к людям.
Больней всех ран — невидимая рана.
Мой друг — мой враг! О подлый век обмана!

Протей

Я виноват, мне стыдно, Валентин,
И если можно искупить обиду
Признаньем и раскаяньем глубоким,
Прими его. Моя вина не больше,
Чем скорбь моя.

Валентин

Тогда я все забыл.
Я верю вновь, что друг мой чист и честен.
Да, верю! Или пусть меня отвергнут
И небо и земля: они прощают
Тягчайший грех, и даже гнев господень
Пред искренним раскаяньем стихает.
А чтобы ты увидел дружбы щедрость,
Я уступаю Сильвию тебе.

Джулия

О горе мне!

(Лишается чувств.)

Протей

Что с мальчиком, смотрите!

В а л е н т и н

Мой мальчик милый! Что с тобой
случилось?

Открой глаза, поговори со мной.

Д ж у л и я

Ах, добрый мой синьор, Протей велел мне
Отдать синьоре Сильвии кольцо,
А я забыл.

П р о т е й

Но где ж кольцо, проказник?

Д ж у л и я

А вот оно.

П р о т е й

Как, покажи поближе!
Ведь это то кольцо, что в день разлуки
Я отдал Джулии.

Д ж у л и я

Синьор, простите.
Я попросту ошибся, вот кольцо,
Которое вы Сильвии послали.

(Показывает другое кольцо.)

Иллюстрация к "Двум веронцам" прерафаэлита Вальтера Крэпа

Протей

Но как тебе досталось то кольцо?
Его, прощаясь, Джулии вручил я.

Джулия

Мне Джулия сама его дала
И принесла сюда его сама же.

Протей

Как, Джулия!

Джулия

Смотри, Протей, на ту,
Чье сердце помнит пламенные клятвы
Твоей любви. Ты лгал мне, вероломный!
Красней, стыдись, что ты меня заставил
Надеть мужской костюм, хотя едва ли
Постыдна маскировка для любви,
И скромность утверждает, что мужчине
Постыднее от слова отступиться,
Чем девушке — мужчиной нарядиться.

Протей

От слова отступиться? Ты права!
Но ведь мужчина стал бы совершенством,
Когда б он постоянством обладал.

Непостоянство — всех грехов исток,
В нем, нерожденном, скрыт уже порок.
Храни я верность Джулии моей —
Ужели счел бы Сильвию милей?

В а л е н т и н

Давайте руки, я соединю вас,
И дружеский союз ваш никогда
Да не смутит коварная вражда!

П р о т е й

Клянусь, мое исполнилось желанье.

Д ж у л и я

Клянусь и я.

Входят разбойники, ведя герцога и Турйо.

Р а з б о й н и к и

Сюда, сюда! Добыча!

В а л е н т и н

Оставьте их!— Мой герцог, вашу милость
Приветствует изгнанник Валентин.

Г е р ц о г

Как, Валентин!

Т у р и о

И Сильвия меж ними!

Она моя!

В а л е н т и н

Прочь, Турио, не то

Мой ярый гнев тебя настигнет смертью.

И Сильвию не называй своей,

Иль ты Милана больше не увидишь.

Не смей ее хотя б мизинцем тронуть

Иль осквернить ее своим дыханьем!

Т у р и о

Синьор, синьор, прошу — не горячитесь!

Осел безмозглый тот, кто лезет в драку

За девушку, которой он отвергнут!

Пускай красotka достается вам!

Г е р ц о г

Тем более ты мерзок и ничтожен,

Коль так стремился ею обладать,

А пятишься при первой же угрозе.

Но, я клянусь высоких предков славой,

Ты мне по сердцу, храбрый Валентин!

Ты королеву в жены взять достоин,

И я забыл, что оскорблен тобой.

С картины художника Анжелики Кауфман

Вернись в Милан. Какой бы сан высокий
Ни попросил ты, я на все согласен.
Ты дворянин, твой род и стар и славен,—
Бери же Сильвию, ты заслужил ее.

В а л е н т и н

Благодарю! Я счастлив, государь!
Но я во имя Сильвии прошу вас
Мою исполнить просьбу.

Г е р ц о г

Говори!

Не для нее, но для тебя — исполню.

В а л е н т и н

Изгнанники, к которым я примкнул,—
Я вам клянусь — достойнейшие люди.
Простите им все то, что совершали
Они в лесу, и дайте им вернуться
В свои дома. Вы можете, мой герцог,
Доверить им важнейшие дела.

Г е р ц о г

Согласен. И тебя и всех прощаю.
Ты знаешь их, распоряжайся ими.
А мы пойдем. Забудем все тревоги
В пирах, в веселье, в шумном торжестве.

С картины художника прерафаэлиты Гольмана Гента

В а л е н т и н

Но путь наш долог. Я осмелюсь, герцог,
Заставить вашу светлость улыбнуться.
Как нравится вам этот юный паж?

Г е р ц о г

Мальчишка грациозен. Он краснеет.

В а л е н т и н

От граций больше в нем, чем от мальчишки.

Г е р ц о г

Что означают ваших слов игра?

В а л е н т и н

Я расскажу вам, если разрешите,
И ход судьбы вас удивит немало.
Пойдем, Протей, ты должен в наказанье
Прослушать повесть о своей любви.
А там сыграем обе свадьбы наши.
Единый дом, единый дружный пир,
Единое безоблачное счастье!

Уходят.

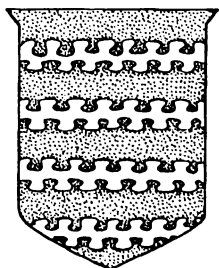
Вильям Шекспир

Венецианский купец

комедия в V актах

Перевод Т.Щепкиной-Куперник

Действующие лица

Дож Венеции.

Принц Марокканский	женихи
Принц Арагонский	

Порции.

Антонио, венецианский купец.

Бассанио, его друг.

Саланио

Саларино	друзья Антонио
Грациано	

и Бассанио.

Салерио

Лоренцо, влюбленный в Джессику.

Шейлок, богатый еврей.

Тубал, еврей, друг его.

Ланчелот Гоббо, шут, слуга Шейлока

Старый Гоббо, отец Ланчелота.

Леонардо, слуга Бассанио.

Бальтазар	слуги
Стефано	

Порции.

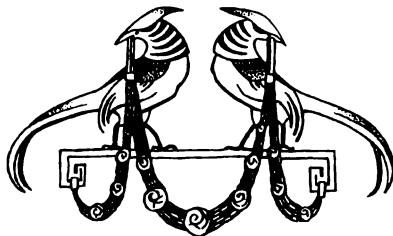
Порция, богатая наследница.

Нерисса, ее прислужница.

Джессика, дочь Шейлока.

Венецианские сенаторы, члены суда, тюремщик,
слуги Порции и другие.

*Действие происходит частью в Венеции, частью
в Бельмонте, поместье Порции на материке.*

А К Т I

Сцена 1

Венеция. Улица.

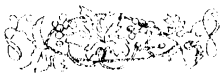
Входят Антонио, Саларино и Саланио.

А н т о н и о

Не знаю, отчего я так печален.
Мне это в тягость; вам, я слышу, тоже.
Но где я грусть поймал, нашел иль добыл,
Что составляет, что родит ее, —
Хотел бы знать!
Бессмысленная грусть моя виною,
Что самого себя узнать мне трудно.

С а л а р и н о

Вы духом мечетесь по океану,
Где ваши величавые суда,
Как богатеи и вельможи вод
Как пышная процессия морская,
С презреньем смотрят на торговцев мелких,

Что кланяются низко им с почтеньем,
Когда они летят на тканых крыльях.

С а л а н и о

Поверьте, если б я так рисковал,
Почти все чувства были б там мои —
С моей надеждой. Я бы постоянно
Срывал траву, чтоб знать, откуда ветер,
Искал на картах гавани и бухты;
Любой предмет, что мог бы неудачу
Мне предвещать, меня бы, несомненно,
В грусть повергал.

С а л а р и н о

Студя мой суп дыханьем,
Я в лихорадке бы дрожал от мысли,
Что может в море ураган наделать;
Не мог бы видеть я часов песочных,
Не вспомнивши о мелях и о рифах;
Представил бы корабль в песке завязшим,
Главу склонившим ниже, чем бока,
Чтоб целовать свою могилу! В церкви,
Смотря на камни здания святого,
Как мог бы я не вспомнить скал опасных,
Что, хрупкий мой корабль едва толкнув,
Все пряности рассыпали бы в воду
И волны облекли б в мои шелка, —

Заглавная виньетка В.А. Табурина

Ну, словом, что мое богатство стало
Ничем? И мог ли б я об этом думать,
Не думая при том, что если б так
Случилось, мне пришлось бы грустить?
Не говорите, знаю я: Антонио
Грустит, тревожась за свои товары.

А н т о н и о

Нет, верьте мне: благодарю судьбу —
Мой риск не одному я вверил судну,
Не одному и месту; состоянье
Мое не мерится текущим годом:
Я не грущу из-за моих товаров.

С а л а р и н о

Тогда вы, значит, влюблены.

А н т о н и о

Пустое!

С а л а р и н о

Не влюблены? Так скажем: вы печальны,
Затем что вы невеселы, и только!
Могли б смеяться вы, твердя: “Я весел,
Затем что не грущу!” Двуличный Янус!
Клянусь тобой, родит природа странных
Людей: одни глазекют и хохочут,

Как попугай, услышавший волынку;
Другие же на вид, как уксус, кислы,
Так что в улыбке зубы не покажут,
Клянись сам Нестор, что забавна шутка!

Входят Бассанио, Лоренцо и Грациано.

С а л а н и о

Вот благородный родич ваш Бассанио;
Грациано и Лоренцо с ним. Прощайте!
Мы в лучшем обществе оставим вас.

С а л а р и н о

Остался б я, чтоб вас развеселить,
Но вот я вижу тех, кто вам дороже.

А н т о н и о

В моих глазах цена вам дорога.
Сдается мне, что вас дела зовут
И рады вы предлогу удалиться.

С а л а р и н о

Привет вам, господа.

Б а с с а н и о

Синьоры, но когда ж мы посмеемся?
Когда? Вы что-то стали нелюдимы!

Merchant of Venice

С а л а р и н о

Досуг ваш мы делить готовы с вами.

Саларино и Саланио уходят.

Л о р е н ц о
(к Бассанио)

Синьор, раз вы Антонио нашли,
Мы вас оставим; но прошу — к обеду
Не позабыть, где мы должны сойтись.

Б а с с а н и о

Приду наверно.

Г р а ц и а н о

Синьор Антонио, вид у вас плохой;
Печетесь слишком вы о благах мира.
Кто их трудом чрезмерным покупает,
Теряет их. Как изменились вы!

А н т о н и о

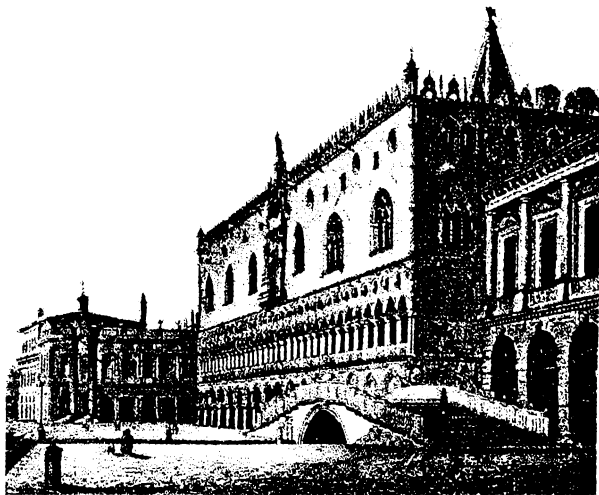
Я мир считаю, чем он есть, Грациано:
Мир — сцена, где у всякого есть роль;
Моя — грустна.

Г р а ц и а н о

Мне ж дать роль шута!
Пускай от смеха буду весь в морщинах;

Пусть лучше печень от вина горит,
Чем стынет сердце от тяжелых вздохов.
Зачем же человеку с теплой кровью
Сидеть подобно мраморному предку?
Спать наяву или хворать желтухой
От раздраженья? Слушай-ка, Антонио:
Тебя люблю я; говорит во мне
Любовь. Есть люди, у которых лица
Покрыты пленкой, точно гладь болота:

Улица в Венеции

Они хранят нарочно неподвижность,
Чтоб общая молва им приписала
Серьезность, мудрость и глубокий ум,
И словно говорят нам: “Я оракул,
Когда вещаю, пусть и пес не лает!”
О мой Антонио! Знаю я таких,
Что мудрыми сльвут лишь потому,
Что ничего не говорят, — тогда как,
Заговорив, они терзали б уши
Тем, кто, их слыша, ближних дураками
Назвал бы, верно. — Да об этом после.
Но не лови ты на приманку грусти
Такую славу — жалкую рыбешку! —
Пойдем, Лоренцо. — Ну, пока прощай!
А проповедь я кончу, пообедав.

Л о р е н ц о

Итак, вас оставляем — до обеда.
Придется мне быть мудрецом таким
Безмолвным: говорить не даст Грациано!

Г р а ц и а н о

Да, поживи со мною года два —
Звук голоса ты своего забудешь.

А н т о н и о

Ну, для тебя я стану болтуном!

Г р а ц и а н о

Отлично: ведь молчанье хорошо
В копченых языках да в чистых девах.

Грациано и Лоренцо уходят.

А н т о н и о

Где смысл в его словах?

Б а с с а н и о. Грациано говорит бесконечно много пустяков, больше, чем кто-либо в Венеции; его рассуждения — это два зерна пшеницы, спрятанные в двух мерах мякины. Чтобы их найти, надо искать весь день, а найдешь — увидишь, что и искать не стоило.

А н т о н и о

Ну, хорошо. Скажите — кто та дама,
К которой дали вы обет поехать
На поклоненье? Вы мне обещали.

Б а с с а н и о

Небезызвестно вам, Антонио,
Как сильно я дела свои расстроил,
Ведя пышней гораздо образ жизни,
Чем позволяла скромность средств моих.
Я не ропщу, что должен сократить
Роскошный обиход: одна забота —
Как с честью выйти из больших долгов,
В какие мотовство меня втянуло.

Вам должен я, Антонио, больше всех —
И деньгами и дружбой. Эта дружба
Порукой мне, что смело вам могу
Открыть мои намеренья и планы,
Как от долгов очиститься совсем.

А н т о н и о

Скажите все мне, добрый мой Бассанио;
И если ваши планы, как вы сами,
Согласны с честью, — уверяю вас,
Мой кошелек, я сам, мои все средства —
Открыто все, чтоб только вам помочь.

Б а с с а н и о

Еще в дни школы, потеряв стрелу,
За ней я тотчас вслед пускал другую, —
И в ту же цель, следя усердней только, —
Чтоб первую найти; рискнув двумя,
Я часто обе находил. Пример
Беру из детства — так мой план невинен.
Я много должен вам; как безрассудный
Мальчишка, это все я потерял.
Но коль решитесь вы стрелу вторую
Послать за первой вслед, — не сомневаюсь,
Что, целясь метко, иль найду я обе,
Иль возвращу вторую, благодарным
За первую оставшись должником.

А н т о н и о

Вы знаете меня; не тратьте ж время,
Ища окольный путь к моей любви.
Вы больше огорчаете меня,
В моем сильнейшем чувстве сомневаясь,
Чем если б разорили впрах меня.
Скажите просто мне, что надо сделать
И что, по вашему, я сделать в силах,—
И я готов на все. Так говорите ж!

Б а с с а н и о

Богатая наследница в Бельмонте
Живет; красавица — прекрасней вдвое
Высокой добродетелью; порой
Ее глаза привет мне молча слали.
Ей имя — Порция; она не ниже
Супруги Брута, дочери Катона.
Все знают цену ей: из разных стран
Четыре ветра навевают ей
Искателей. А солнечные кудри
Как золотое светятся руно;
Бельмонт они в Колхиду обращают,
И не один Язон туда стремится.
О, будь возможность у меня, Антонио,
С любым из них достойно состязаться,—
Душа моя предсказывает мне,
Что я бесспорно одержу победу.

А н т о н и о

Ты знаешь, вся моя судьба — на море:
Нет у меня ни денег, ни товаров,
Чтоб капитал достать; ступай, узнай,
Что может сделать мой кредит в Венеции.
Его я выжму весь и до предела,
Чтоб к Порции в Бельмонт тебя отправить.
Ступай,— разузнавать мы будем оба,
Где деньги есть: найдем их, без сомненья
Под мой кредит иль в виде одолженья.

Уходят.

Сцена 2

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят Порция и Нерисса.

П о р ц и я. Правду сказать, Нерисса, моя маленькая особа устала от этого большого мира.

Н е р и с с а. Так бы это и было, моя дорогая синьора, если бы у вас несчастий было столько же, сколько счастья. Но, видно, тот, кто слишком много ест, болеет точно так же, как тот, кто мучается от голода. Поэтому счастье — в золотой середине: излишество скорей доводит до седых волос, чем умеренность, которая ведет к долговечности.

П о р ц и я. Прекрасные нравоучения, и прекрасно сказаны.

Н е р и с с а. Они были бы еще лучше, если бы исполнялись как должно.

П о р ц и я. Если бы делать было так же легко, как знать, что надо делать, то часовни стали бы храмами, а бедные хижины — царскими дворцами. Хорош тот священник, который поступает по собственным поучениям. Мне легче научить двадцать человек, как надо поступать, чем быть одной из этих двадцати и следовать собственным наставлениям. Рассудок может предписать законы крови; но пылкий темперамент перепрыгивает через все холодные правила. Юность — сумасбродный заяц, который перескакивает через капкан калек-благоразумия. Но все эти рассуждения не помогут мне выбрать мужа! Бедная я! “Выбрать”! Я не смею ни выбрать того, кого хочу, ни отказать тому, кто мне не нравится: воля живой дочери порабощена волей умершего отца! Не жестоко ли это, Нерисса, что я не могу ни выбрать, ни отвергнуть?

Н е р и с с а. Ваш отец был всегда добродетельным человеком, а к людям чистым душою в предсмертные минуты иногда приходит благое прозрение: раз он придумал эту лотерею — три ларца, золотой, серебряный и свинцовый, и тот, кто угадает его мысль, получит вас, — так поверьте, угадает, наверно, тот, кто по-настоящему любит. Но скажите: есть ли у вас хоть к одному из прибывших царственных женихов какая-нибудь склонность?

П о р ц и я. Пожалуйста, назови их по именам; по мере того как ты их будешь называть, я буду их описывать тебе, и из моих описаний ты можешь судить о степени моей склонности.

Н е р и с с а. Во-первых, принц Неаполитанский,

П о р ц и я. О, это настоящий жеребенок: говорит только о своей лошади и считает своим главным талантом, что сам может ее подковывать. Боюсь не согрешила ли его светлейшая матушка с каким-нибудь кузнецом.

Н е р и с с а. Затем пфальцграф.

П о р ц и я. Этот только и знает, что хмурит брови и точно хочет сказать: “Не желаете меня — воля ваша”. Он самые веселые рассказы слушает без улыбки. Раз он в молодости так неприлично угрюм, боюсь, что к старости он превратится в плачущего философа. Да я бы скорей вышла замуж за мертвую голову с костью в зубах, чем за одного из них. Господи, спаси меня от обоих!

Н е р и с с а. А что вы скажите о французском вельможе, мосье Ле-Боне?

П о р ц и я. Раз уж его бог создал, так пусть слывет за мужчину. Право, я знаю, что насмехаться грех. Но этот! Да, у него лошадь лучше, чем у неаполитанца; гадко хмурить брови он умеет лучше, чем пфальцграф; он — все и никто. Стоит дрозду запеть, он уже готов прыгать... Он рад фехтовать со своей собственной тенью. Выйди я за него, я бы вышла за двадцать мужей сразу. Если бы он презирал меня, я бы ему это простила, потому что, люби он меня до безумия, я никогда не ответила бы ему любовью.

Н е р и с с а. Ну, а что вы скажете о Фоконбридже, молодом английском бароне?

П о р ц и я. Знаешь, ничего не могу ни о нем, ни ему ска-

зять, потому что ни он меня не понимает, ни я его. Он не говорит ни по-латыни, ни по-французски, ни по-итальянски, а ты смело можешь дать на суде присягу, что я ни на грош не знаю по-английски. Он — воплощение приличного человека; но, увы, кто может разговаривать с немой фигурой? И как странно он одевается! Я думаю, он купил свой камзол в Италии, широчайшие штаны — во Франции, шляпу — в Германии, а манеры — во всех странах мира.

Н е р и с с а. А что вы думаете о шотландском лорде, его соседе?

П о р ц и я. Что в нем есть добрососедское милосердие: он получил от англичанина займы пощечину и поклялся, что отдаст ее при первой возможности. Кажется, француз был его поручителем и подписался за него.

Н е р и с с а. Как вам нравится молодой немец, племянник герцога Саксонского?

П о р ц и я. Он отвратителен по утрам, когда трезв, и еще отвратительнее после обеда, когда пьян. В лучшие свои минуты он немножко хуже, чем человек, а в худшие — немного лучше, чем животное. В самом худшем случае — я уж постараюсь от него избавиться.

Н е р и с с а. Однако, если он пожелает принять участие в выборе и угадает ларец правильно, вам придется согласиться на брак с ним, или же вы нарушите волю вашего отца.

П о р ц и я. Во избежание этого поставь, пожалуйста, большой стакан рейнского вина на невыигрышный ящик; и тогда — будь хоть сам черт внутри, а снаружи этот соблазн, — я знаю,

немец выберет его. Я пойду на все, Нерисса, лишь бы не выйти замуж за губку.

Н е р и с с а. Не бойтесь, синьора: вам не достанется ни один из всех этих господ. Они сообщили мне свое решение: они намерены разъехаться по домам и больше вас не беспокоить своими домогательствами, если нельзя добиться вашей руки каким-нибудь другим способом, кроме выбранного вашим отцом — при помощи ларцов.

П о р ц и я. Доживи я до старости Сивиллы, я умру целомудренной, как Диана, если никому не удастся получить меня так, как хотел мой отец. Но я очень рада, что эта партия женихов оказалась такой благоразумной, потому что среди них нет никого, о ком бы я сердечно пожалела; и я прошу создателя даровать им счастливый путь.

Н е р и с с а. А помните вы, синьора, когда отец ваш еще был жив, одного венецианца: он был ученый и воин, — он приезжал к нам с маркизом Монферратским?

П о р ц и я. О, да. Это был Бессанио. Кажется его так звали?

Н е р и с с а. Верно, синьора. Из всех людей, на которых глядели мои глупые глаза, он всех достойнее прекрасной синьоры.

П о р ц и я. Я хорошо его помню; и помню, что он вполне достоин твоей похвалы.

Входит слуга.

Что там такое? Какие новости?

С л у г а. Четверо иностранцев ищут вас, синьора, чтобы

проститься с вами. А, кроме того, прибыл вестник от пятого — принца Марокканского; он сообщает, что принц, его господин, будет здесь сегодня вечером.

П о р ц и я. Если бы я могла сказать этому пятому: “здравствуйте” — так же охотно, как скажу тем четверым: “прощайте”, — я была бы рада его приезду. Будь у него нрав святого, а лицо дьявола, так лучше бы он меня взял в духовные дочери, чем в жены!

Пойдем, Нерисса. — Ты ступай вперед.
Лишь за одним запрем, другой уж у ворот!

Уходят.

Сцена 3

Венеция. Площадь.

Входят Бассанио и Шейлок.

Шейлок. Три тысячи дукатов? Хорошо.

Бассанио. Да, синьор, на три месяца.

Шейлок. На три месяца? Хорошо.

Бассанио. За меня, как я уже сказал, поручится Антонио.

Шейлок. Антонио поручится по векселю? Хорошо.

Бассанио. Можете вы мне помочь? Хотите вы обязать меня? Могу я узнать ваш ответ?

Шейлок. Три тысячи червонцев на три месяца и за поручительством Антонио?

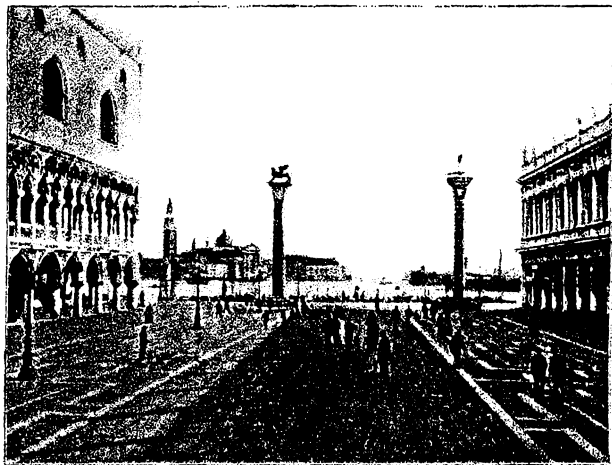
Бассанио. Ваш ответ?

Шейлок. Антонио — хороший человек.

Бассанио. Слышали вы когда-нибудь о нем, что это не так?

Шейлок. О, нет, нет, нет, нет! Словами “он хороший человек” я хочу сказать, что он, понимаете, человек состоятельный. Однако капитал его весь в надеждах. У него одно судно плывет в Триполи, другое в Индию; кроме того, на Риальто я слыхал, что третье у него сейчас в Мексике, четвертое в Англии и остальные суда тоже разбросаны по всему свету. Но ведь корабли — это только доски, а моряки — только

Площадь в Венеции

люди; а ведь есть и земляные крысы и водяные крысы, и сухопутные воры и водяные воры, то есть пираты; а кроме того — опасности от воды, ветра и скал. Несмотря на это, он человек состоятельный... Три тысячи червонцев... Пожалуй, вексель его взять можно.

Б а с с а н и о. Будьте уверены, что можно.

Ш е й л о к. Я хочу быть уверенным, что можно; а чтобы быть уверенным, мне нужно обдумать. Могу я поговорить с Антонио?

Б а с с а н и о. Не угодно ли вам отобедать с нами?

Ш е й л о к. Да? Чтобы свинину нюхать? Есть сосуд, в который ваш пророк-назарянин загнал бесов заклинаниями? Я буду покупать у вас, продавать вам, ходить с вами, говорить с вами и прочее, но не стану с вами ни есть, ни пить, ни молиться. — Что нового на Риальто? Кто это идет?

Входит А н т о н и о.

Б а с с а н и о. Вот и синьор Антонио.

Ш е й л о к
(в сторону)

Вот истинно на вид слащавый мытарь!
Он ненавистен мне как христианин,
Но больше тем, что в жалкой простоте
Взаимы дает он деньги без процентов
И курса рост в Венеции снижает.
Ох, если б мне ему вцепиться в бок!
Уж я вражду старинную насыщу.

Он ненавидит наш народ священный
И в сборищах купеческих поносит
Меня, мои дела, барыш мой честный
Зовет лихвой. Будь проклят весь мой род,
Коль я ему прощу!

Б а с с а н и о

Ну, что же, Шейлок?

Ш е й л о к

Я обсуждаю мой запас наличный;
По памяти прикинувши, я вижу,
Что сразу мне всей суммы не собрать
В три тысячи червонцев. Что ж такое?
Тубал, еврей, богатый мой сородич,
Поможет мне. Но стойте! Срок какой
Угоден вам?

(К Антонио.)

Привет, синьор добрейший;
Вот только что о вас мы толковали.

А н т о н и о

Я, Шейлок, не даю и не беру
С тем, чтоб платить или взымать проценты,—
Но, чтоб помочь в нужде особой другу,
Нарушу правило.

(К Бассанио.)

Он знает, сколько вам нужно?

Шейлок

Да, три тысячи червонцев.

Антонио

И на три месяца:

Шейлок

Забыл! Три месяца: вы так сказали.
И вексель ваш. Подумаем... Но вот что:
Сказали вы, что не берете ссуд
И не даете в рост?

Антонио

Да, никогда.

Шейлок

Когда Иаков пас овец Лавана
(Иаков сей святому Аврааму —
Так мать его устроила премудро —
Преемником был третьим... Так... да, третьим...).

Антонио

При чем же это? Он проценты брал?

Шейлок

Нет, не проценты... То есть, не проценты
В прямом значенье слова; но заметьте,
Что сделал он: условился с Лаваном,
Что всех ягнят пестрых он получит.
Когда же овцы, полные желанья,
Осеннею порой пошли к баранам
И дело зарожденья началось
Меж этой пышношерстной породой, —
Хитрец узором ветки обдирал
И в самый миг зачатия их ставил
Он перед зачинающею маткой;
Зачавши так, приплод они несли
Сплошь пестрый; все Иакову досталось.
Вот путь к наживе, — он благословен...
Благословен барыш, коль не украден!

Антонио

Иакову помог счастливый случай;
Совсем не от него исход зависел:
Он небом был задуман и свершен.
Рассказ ваш был, чтоб оправдать проценты?
Иль ваши деньги — овцы и бараны?

Шейлок

Не знаю; я положу их так же быстро.
Но слушайте, синьор...

Английский актер Генри Ирвинг в роли Шейлока

А н т о н и о

Заметь, Бассанио:

В нужде и черт священный текст приводит.
Порочная душа, коль на святыню
Ссылается, похожа на злодея
С улыбкой на устах иль на красивый,
Румяный плод с гнилою сердцевиной.
О, как на вид красива ложь бывает!

Ш е й л о к

Три тысячи червонцев! Куш немалый...
Три месяца... А сколько годовых?

А н т о н и о

Что ж, Шейлок, вы хотите обязать нас?

Ш е й л о к

Синьор Антонио, много раз и часто
В Риальто поносили вы меня
Из-за моих же денег и процентов.
Я все сносил с пожатьем плеч покорным,
Терпенье — рода нашего примета.
Меня вы звали злобным псом, неверным,
Плевали на жидовский мой кафтан
За то, что я лишь пользуюсь своим.
Так; но теперь, как видно, я вам нужен.
Что ж! Вы ко мне идете, говорите:

“Нам нужны деньги, Шейлок”... Это вы,
Вы просите, плевавший мне в лицо,
Меня пинками гнавший, как собаку,
От своего крыльца? Вам деньги нужны!
Что ж мне сказать вам? Не сказать ли мне:
“Где ж деньги у собак? Как может пес
Давать займы три тысячи червонцев?”
Иль, низко поклонившись, рабским тоном,
Едва дыша и с трепетным смиреньем
Сказать:
“Синьор, вы в среду на меня плевали,
В такой-то день пинка мне дали, после
Назвали псом; и вот, за эти ласки
Я дам займы вам денег”.

А н т о н и о

Тебя опять готов я так называть,
И плюнуть на тебя, и пнуть ногою.
Коль хочешь дать нам денег, так давай их
Не как друзьям. Когда же дружба ищет
Приплода от бесплодного металла?
Скорее одолжи их как врагу,
Чтоб, если обанкротился, спокойно
Взыскать с него.

Ш е й л о к

Смотрите, как вспылили!

Хочу вам другом быть, снискать приязнь,
Забыть позор, каким меня клеймили,
Помочь вам и не взять с вас ни гроша
Процентов,— вы же слушать не хотите.
Я говорю по доброте сердечной.

Б а с с а н и о

По доброте?

Ш е й л о к

Я это докажу:
К нотариусу вы со мной пойдите
И напишите вексель; в виде шутки,—
Когда вы не уплатите мне точно
В такой-то день и там-то суммы долга
Указанной,— назначим неустойку:
Фунт вашего прекраснейшего мяса,
Чтоб выбрать мог часть тела я любую
И мясо вырезать, где пожелаю.

А н т о н и о

Отлично, подпишу я этот вексель;
Притом скажу, что жид был очень добр.

Б а с с а н и о

Нет, за меня ты векселя такого
Не дашь; нет, лучше я в нужде останусь!

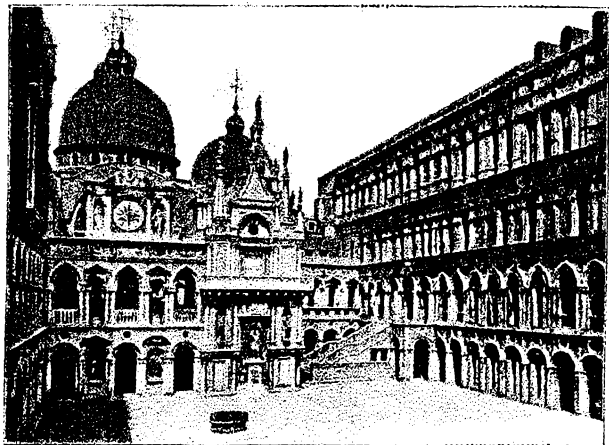

А н т о н и о

Не бойся, милый друг, я не просрочу.
В ближайшие два месяца — за месяц
До срока, значит, — получить я должен
Раз в десять более, чем та сумма.

Ш е й л о к

О отче Авраам! Вот каковы
Все эти христиане: их жестокость
Их учит и других подозревать!

Палаццо дожей в Венеции

Судите сами: если он просрочит —
Что пользы мне от этой неустойки?
Людского мяса фунт — от человека! —
Не столько стоит и не так полезен,
Как от быка, барана иль козла.
Помочь хочу, чтоб милость заслужить;
Согласен он — извольте; нет — прощайте;
За дружбу мне обидой не платите.

А н т о н и о

Да, Шейлок, я твой вексель подпишу.

Ш е й л о к

Сойдемся ж у нотариуса. Вексель
Шутливый заготовьте у него,
А я пойду и соберу дукаты;
Зайду в мой дом, оставленный на волю
Небрежного слуги, и очень скоро
Приду я к вам.

А н т о н и о

Ступай же, добрый жид.

Шейлок уходит.

Еврей придет к Христу. Он стал добрей!

Б а с с а н и о

Боюсь я сладких слов от злых людей.

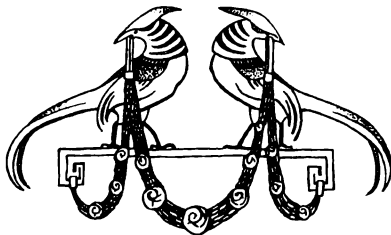

А н т о н и о

Идем. Опасность всякая далеко:
Суда придут за тридцать дней до срока.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят принц Марокканский со свитой, Порция,
Нерисса и другие ее прислужницы.
Роговая музыка.

Принц Марокканский

Не презирай меня за черноту:
Ливреей темной я обязан солнцу;
Я с ним сосед, я вскормлен рядом с ним.
Зови белейшего из северян
Из края, где под солнцем льды не тают,—
Надреем кожу из любви к тебе,
Чтоб посмотреть, чья кровь краснее будет,—
Синьора, верь: мой вид страшил храбрейших,
Но, я клянусь тебе моей любовью,
Страны моей прекраснейшие девы
Его любили. Цвет мой изменить
Я только для того бы согласился,

Чтоб этим чувства у тебя похитить,
О нежная владычица моя!

П о р ц и я

Я в выборе руковожусь не только
Взыскательным советом глаз девичьих;
Притом моя судьба, как лотерея,
Мне запрещает добровольный выбор.
Но, если б мой отец не ограничил
Меня своею мудростью, назначив
Женой тому, кто угадает ларчик, —
Вы, славный принц, темнее б не казались
Для чувств моих, чем все, кого встречала
Доныне.

П р и н ц М а р о к к а н с к и й

Благодарен и за это!

Ведите же меня к ларцам, чтоб счастье
Мне попытать. Клянусь мечом, которым
Убит был Софи и персидский принц,
Что победил в трех битвах Сулеймана,
Я взглядом самый грозный взгляд
сразил бы,
Померялся б с храбрейшим сердцем в мире,
Сосущих медвежат у матки б вырвал
И посмеялся б над голодным львом, —
Чтоб завладеть тобой. Но ах! Когда

Лихас и Геркулес играют в кости,
Решая, кто сильней, случайно может
Слабейшего рука удачей кинуть —
И победит Алкида паж его.
Так я могу, введом слепой судьбою,
Утратить, что получит недостойный,
И умереть от горя.

П о р ц и я

Вы должны
Решиться иль совсем не выбирать,
Иль раньше клятву дать — коль ошибетесь,
Не говорить о браке никогда
И ни одной из женщин. Обсудите ж.

П р и н ц М а р о к к а н с к и й

На все согласен; ну, ведите ж к счастью.

П о р ц и я

Сначала в храм; а после, пообедав,
Дерзните.

П р и н ц М а р о к к а н с к и й

Пусть судьба пошлет успех.
Быть мне счастливей иль несчастней всех!

Роговая музыка.
Уходят.

Сцена 2

Венеция. Улица.

Входит Ланчелот.

Ланчелот. Конечно, совесть моя позволит мне сбежать от этого жида, моего хозяина. Бес меня так вот и толкает, так вот и искушает; говорит: “Гоббо, Ланчелот Гоббо, добрый Ланчелот”, или: “Добрый Гоббо”, или: “Добрый Ланчелот Гоббо, пусти ноги в ход, беги во все тяжкие, удирай отсюда”. А совесть говорит: “Нет, постой, честный Ланчелот, постой, честный Гоббо”, или, как выше сказано: “Честнейший Ланчелот Гоббо, не удирай, топни ногой на эти мысли”. Ладно; а храбрый дьявол велит мне складывать пожитки: “В путь!” — говорит бес; “марш!” — говорит бес; “ради бога, соберись с духом, — говорит бес, — и лупи”. Ладно; а совесть моя вешается на шею к моему сердцу и мудро говорит: “Мой честный друг Ланчелот, ведь ты сын честного отца...”, или, скорее, сын честной матери, потому что, сказать правду, отец-то мой несколько... как бы это выразиться... отдавал чем-то... был у него этакий привкус... Ладно; совесть мне говорит: “Ланчелот, не шевелись!...” — “Пошевеливайся”, — говорит бес. “Ни с места!” — говорит совесть. “Совесть, — говорю, — правильно ты советуешь!” Если повиноваться совести, надо мне остаться у жида, моего хозяина; а он-то — прости меня, господи! — сам вроде дьявола; а чтобы удрать от жида, придется повиноваться лукавому, а ведь он-то, с вашего позволения, и есть сам дьявол. И то правда, что жид — воплощенный дьявол; и, по совести говоря,

совесть моя — жестокосердная совесть, если она мне советует остаться у жида. Бес мне дает более дружеский совет; я таки удержу, дьявол; мои пятки к твоим услугам; удержу.

Входит старый Гоббо с корзинкой.

Гоббо. Молодой синьор, скажите, пожалуйста, как тут пройти к синьору жиду?

Ланчелот (*в сторону*). О небо! Да это мой единокровный отец. Он слеп так, словно ему не то что песком, а крупным гравием глаза засыпало. Не узнает меня; сыграю с ним какую-нибудь штуку.

Гоббо. Почтеннейший молодой синьор, сделайте милость: как мне пройти к синьору жиду?

Ланчелот. А поверните направо — при первом повороте, но при самом первом повороте поверните налево; да смотрите, при настоящем-то повороте не поворачивайте ни направо, ни налево, а ворочайте прямехонько к дому жида.

Гоббо. Святые угодники! Трудно будет попасть на настоящую дорогу. Вы не можете сказать мне: некий Ланчелот, что у него живет, живет у него или нет?

Ланчелот. Вы говорите о молодом синьоре Ланчелоте? (*В сторону*.) Вот погодите, какую я сейчас историю разведу. (*Старику*.) Вы говорите о молодом синьоре Ланчелоте?

Гоббо. Какой там синьор, ваша милость? Сын бедного человека! Отец его — хоть это я сам говорю — честный, но очень бедный человек, — хотя, благодаря бога, здоровый.

Ланчелот. Ну, кто бы там ни был его отец, мы говорим о молодом синьоре Ланчелоте.

Г о б б о. О знакомом вашей милости — просто Ланчелоте, сударь.

Л а н ч е л о т. Но прошу вас, старик, то бишь умоляю вас; следственно, вы говорите о молодом синьоре Ланчелоте?

Г о б б о. О Ланчелоте, с позволенья вашей милости.

Л а н ч е л о т. Следственно, о синьоре Ланчелоте. Не говорите о синьоре Ланчелоте, батюшка мой, ибо этот молодой синьор (согласно воле судеб и рока и всяких таких ученых вещей, вроде трех сестер Парок и прочих отраслей науки) действительно скончался, или, если можно выразиться проще, отошел в лучший мир.

Г о б б о. Господи упаси! Да ведь мальчуган был истинным посохом моей старости, истинной моей подпорой!

Л а н ч е л о т. Неужто ж я похож на палку или на балку, на посох или на подпорку? Вы меня не узнаете, батюшка?

Г о б б о. Ох, нет! Я вас не знаю, молодой синьор. Но, прошу вас, скажите мне правду: что мой мальчик — упокой, господь, его душу — жив или помер?

Л а н ч е л о т. Неужто вы не узнаете меня, батюшка?

Г о б б о. Ох, горе, я ведь почти что ослеп; не признаю вас.

Л а н ч е л о т. Ну, по правде, даже будь у вас глаза в порядке, вы и то могли бы не узнать меня; умен тот отец, что узнает собственного ребенка. Ладно, старик, я вам все расскажу про вашего сына. (*Становится на колени.*) Благослови меня. Правда должна выйти на свет: убийства долго скрывать нельзя! Кто чей сын, это скрыть можно, но в конце концов правда выйдет наружу.

Г о б б о. Встаньте, синьор, встаньте, пожалуйста; это невозможно, чтобы вы были Ланчелот, мой мальчик.

Л а н ч е л о т. Бросим дурачиться; благослови меня. Я, Ланчелот, был твоим мальчуганом, остался твоим сыном и буду всегда твоим детищем.

Г о б б о. Не могу поверить, что вы мой сын.

Л а н ч е л о т. Не знаю, что мне об этом подумать; но я — Ланчелот, слуга жида, и уверен в одном: что жена твоя Марджери — моя мать.

Г о б б о. Да, ее зовут Марджери, верно... И могу дать присягу, что если ты Ланчелот, так ты плоть и кровь моя. Господи! Будь благословенно имя твое! Какую ты бороду отрастил! Да у тебя на подбородке больше волос, чем у моего коренника Доббина в хвосте.

Л а н ч е л о т. Значит, у Доббина хвост короче стал; когда я его последний раз видел, у него в хвосте куда больше волос было, чем у меня на подбородке.

Г о б б о. Господи, как ты изменился! Как же ты ладишь со своим хозяином? Я ему подарок принес. Как вы с ним ладите?

Л а н ч е л о т. Ничего, хорошо. Но что до меня, я решил от него убежать; и до тех пор не присяду, пока не сделаю хорошего конца. Хозяин мой — настоящий жидюга. Ему — подарки дарить! Подари ему веревку, чтобы удавился; я у него на службе с голоду дохну. У меня все ребра можно пальцами пересчитать. Я очень рад, отец, что ты пришел. Отдай-ка свой подарок лучше синьору Бассанио; какие он, говорят, замечательные ливреи своим слугам заказывает! Если мне не удастся

поступить к нему, я убегу, на край света убегу. — Вот редкая удача! Он сам сюда идет. К нему, отец! Потому — будь я жид, если еще останусь служить у жид.

Входит Бассанио с Леонардо и другими слугами.

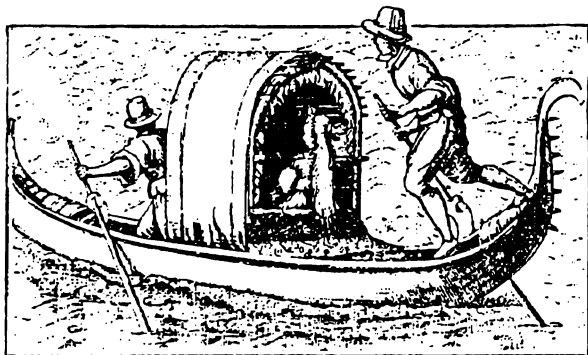
Бассанио. Это вы можете сделать; но поторопитесь: ужин — не позднее пяти часов. Отправьте эти письма, отдайте ливреи в работу и попросите Грациано зайти ко мне домой.

Один из слуг уходит.

Ланчелот. Прямо к нему, отец.

Гоббо. Спаси, господи, вашу милость!

Бассанио. Очень благодарен. Тебе что-нибудь нужно от меня?

Венецианская гондола. Художник Джакомо Франко

Г о б б о. Вот, синьор, сын мой, бедный малый...

Л а н ч е л о т. Не бедный малый, синьор, а слуга богатого жида, который хотел бы... как вам объяснит мой отец...

Г о б б о. Он, синьор, как говорится, спит и видит...

Л а н ч е л о т. Словом, долго ли, коротко ли, я служу у жида, а желательно мне, как вам объяснит мой отец...

Г о б б о. С позволения вашей милости, нельзя сказать, чтобы он жил со своим хозяином душа в душу.

Л а н ч е л о т. Короче говоря, сущая правда в том, что жид меня всячески притеснял, а это меня и заставляет, как мой отец, старый человек, божьей милостью вам изложит...

Г о б б о. Тут вот у меня блюдо из голубей; я осмелюсь предложить его вашей милости, и просьбица моя...

Л а н ч е л о т. Чтобы не тратить даром слов, просьба эта меня очень интерцедирует, как узнает ваша милость от этого честного старика... потому... хоть я сам это говорю, хоть и старик он, бедняга, а все-таки отец мой.

Б а с с а н и о. Говорите кто-нибудь один. Чего вы хотите?

Л а н ч е л о т. Служить у вас, синьор.

Г о б б о. Вот и весь дефект нашей просьбы!

Б а с с а н и о

Тебя я знаю, и исполню просьбу.

Тебя хвалил мне нынче твой хозяин;

Повышен ты, коль это повышение —

Оставить дом богатого жида,

Чтобы служить такому бедняку.

Л а н ч е л о т. Старая пословица прекрасно поделилась между моим хозяином Шейлоком и вами, синьор: у вас — божья благодать, а у него — деньги.

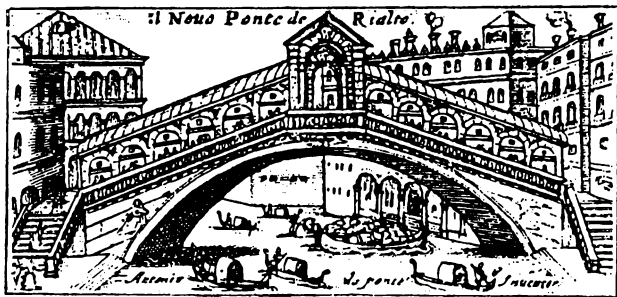
Б а с с а н и о

Ты хорошо сказал. Ступайте оба;
Простись с хозяином и приходи
Тогда в мой дом.

(Слугам.)

Ему ливрею выдать
Наряднее других. Исполнить точно.

Л а н ч е л о т. Пойдем, отец. А! Так мне не найти себе места? А! Так у меня языка во рту нет? Ладно! (Смотрит на свою ладонь.) Найдите-ка во всей Италии еще такую счастливую

Мост Риальто в Венеции. Гравюра художника Джакомо Франко

ладонь. Готов ее положить на библию для присяги, что я буду удачлив. Вы посмотрите-ка, нечего сказать, простая линия жизни: женщин-то, женщин сколько! Пятнадцать женщин, пустое дело; одиннадцать вдов, девять девиц — для одного человека недурной доходец. Кроме того, трижды буду тонуть на краю гибели. Да еще смертельная опасность на краю перины. Это я называю — удачное спасение. Ну, если фортуна женщина, она добрая бабенка в таких делах. Пойдем, отец; я с жидом прощусь в одно мгновенье ока. *(Уходит вместе со старым Гоббо.)*

Б а с с а н и о

Так позаймись, прошу, друг Леонардо,
Всем этим. Закупив и все устроив,
Скорей вернись; я нынче угощаю
Друзей ближайших. Поспеш! Ступай.

Л е о н а р д о

Со всем усердьем все исполню я.

Входит Г р а ц и а н о.

Г р а ц и а н о

Где господин ваш?

Л е о н а р д о

Вот он там, синьор.

(Уходит.)

Г р а ц и а н о

Синьор Бассанио...

Б а с с а н и о

Грациано!

Г р а ц и а н о

К вам просьба есть...

Б а с с а н и о

Заранее согласен.

Г р а ц и а н о. Вы не должны мне отказывать в этом: я должен ехать с вами в Бельмонт.

Б а с с а н и о

Должны? Так едем!— Но, Грациано, слушай:
Ты слишком резок, пылок, неводержан
В речах. Тебе идут такие свойства,—
В глазах у нас все это — не пороки;
Покажешься ты дерзким; постарайся ж
Прибавить несколько холодных капель
Терпения в свой пылкий дух,— иначе
Ты повредишь мне диким поведением,
И все надежды рухнут!

Г р а ц и а н о

О Бассанио!

Коль не приму я скромный вид, не буду
Учтиво говорить, ругаться редко,
Молитвенник носить, взирать смиренно,
Во время предобеденной молитвы,
Глаза прикрывши шляпою, вздыхать:
“Аминь”, и строго соблюдать приличья,
Как тот, кто смотрит бабушке в угоду
Святошей, — больше вы не верьте мне.

Б а с с а н и о

Отлично; мы увидим.

Г р а ц и а н о

Но эта ночь не в счет: вы не судите
Меня по ней.

Б а с с а н и о

Нет, это было б жаль.
Скорей просил бы вас надеть одежды
Смелейшего веселья: жду друзей я
Повеселиться! А теперь прощайте.
Есть дело у меня.

Г р а ц и а н о

А я иду к Лоренцо и к другим,
Но к ужину мы будем все у вас.

Уходят.

Сцена 3

Там же. Комната в доме Шейлока.

Входят Джессика и Ланчелот.

Джессика

Мне жаль, что ты отца оставить хочешь.
Наш дом ведь ад; а ты, веселый дьявол,
Подчас мне помогал рассеять скуку.
Но — в добрый час... А вот тебе дукат.—
Да, Ланчелот, за ужином увидишь
Ты у Бассанио в гостях Лоренцо:
Отдай ему письмо; но только тайно.
Прощай. Не надо, чтоб отец мой видел,
Что мы с тобою говорим.

Ланчелот. Будьте здоровы! Слезы застилают мой язык.
Прекраснейшая язычница, очаровательнейшая жидовка! Если какой-нибудь христианин не пойдет из-за тебя на мошенничество, чтобы только заполучить тебя,— я буду положительно обманут. Но... будьте здоровы! Эти глупые слезы затопляют мой мужественный дух. Будьте здоровы! (*Уходит.*)

Джессика

Прощай, друг Ланчелот!
Увы, какой постыдный грех — стыдиться,
Что я ребенок моего отца!

Но я ведь дочь ему по крови только,
Не по душе. Сдержи обет, Лоренцо, —
И стану я, покончивши с борьбой,
И христианкой и твоей женой.

(Уходит.)

Сцена 4

Там же. Улица.

Входят Грациано, Лоренцо, Саларино
и Саланио.

Лоренцо

Так; мы тайком от ужина сбежим
Ко мне, наденем маски и вернемся;
За час успеем.

Грациано

Но ничего у нас ведь не готово.

Саларино

Не заказали мы факелоносцев.

Саланио

Устраивать кой-как — да это гадость!
Уж лучше не устраивать совсем.

Л о р е н ц о

Сейчас четыре; два часа у нас,
Чтоб все успеть...

Входит Ланчелот с письмом.

Что нового, приятель?

Ланчелот. А вот, если вы изволите распечатать вот это, — так, верно, узнаете, что нового. *(Дает ему письмо.)*

Л о р е н ц о

Я знаю руку... Дивная рука!
Белей листка, написанного ею,
Та ручка нежная!

Г р а ц и а н о

Письмо любви?

Ланчелот. Разрешите откланяться, синьор.

Лоренцо. Куда идешь ты?

Ланчелот. Да вот, синьор, иду приглашать моего прежнего хозяина — жида отужинать у моего нового хозяина — христианина.

Л о р е н ц о

На вот, возьми. И Джессике прелестной
Скажи секретно, что приду. Ступай.

Ланчелот уходит.

Merchant of Venice

Идем приготовляться к маскараду.
Факелоносец у меня уж нанят.

С а л а р и н о

Ну что ж, иду сейчас же; я готов.

Джессика.

С картины художника Кини Мидоуса

С а л а н и о

Приду и я.

Л о р е н ц о

Так через час сойдемся
Мы все у Грациано на дому.

С а л а р и н о

Придем, отлично.

Саларино и Саланио уходят.

Г р а ц и а н о

Письмо от Джессики прелестной было?

Л о р е н ц о

Тебе доверюсь я. Она мне пишет,
Как от отца ее мне увезти;
Что у нее есть золото и камни
И что костюм пажа она достала.
Да, если жид попасть на небо может,
Так только из-за дочери прелестной,
И если ей несчастье посмеет
Путь преградить, так только под предлогом,
Что Джессика — дочь гнусного жида.
Пойдем со мной; прочти письмо дорогой.
Мне милая факелоноском будет.

Уходят.

Сцена 5

Там же. Перед домом Шейлока.

Входят Шейлок и Ланчелот.

Шейлок

Увидишь сам. Твои глаза рассудят;
Меж ним и мною разницу увидишь.—
Эй, Джессика!— Не будешь обжираться,
Как у меня...— Эй, Джессика!— Не будешь
Спать и храпеть и рвать свою одежду.
Да что ж ты, Джессика?

Ланчелот

Эй, Джессика!

Шейлок

Ты что кричишь? Тебя кричать не просят.

Ланчелот. Ваша милость всегда меня бранили, что я
ничего не умею без приказанья.

Входит Джессика.

Джессика

Вы звали? Что угодно?

Шейлок

Я, Джессика, сегодня зван на ужин.

Джессика и Шейлок. Художник Р.Смит

Возьми ключи. — Но стоит ли идти?
Зовет не дружба — лесть. Но я пойду,
Из ненависти буду есть: пусть платит
Мот-христианин. — Ну, мое дитя,
Смотри за домом. — Лучше б не ходить мне.
Грозит несчастье моему покою:
Всю ночь мешки с дукатами мне снились.

Л а н ч е л о т. Сделайте милость, пожалуйте, синьор; мой молодой господин надеется на ваше отвращение.

Ш е й л о к. Как и я — с его стороны.

Л а н ч е л о т. Там целый заговор; я не говорю, что будет маскарад, но увидите, что недаром у меня в чистый понедельник кровь из носу шла с шести часов утра, — а это был как раз тот день, что четыре года тому назад выпал на покаянную среду.

Ш е й л о к

Как, маскарад? Ну, Джессика, так послушай:
Запрись кругом. Заслышишь барабаны
Иль писк противный флейты кривоносою —
Не смей на окна лазить да не вздумай
На улицу высовывать и носа,
Чтобы глазеть на крашенные хари
Безмозглых христиан; но в нашем доме
Заткни все уши, то есть окна все,
Чтоб не проникнул шум пустых дурачеств
В мой дом почтенный. Ох, клянусь жезлом

Шейлок и Джессика. Художник Генрих Горман

Иакова, что мне не до пирушек!
Но я отправлюсь.— Ну, ступай вперед;
Скажи — приду.

Л а н ч е л о т Иду, синьор!— А вы, синьора, поглядывайте
все-таки в окошко:

Христианин придет сейчас,—
Стоит он еврейки глаз.

(Уходит.)

Ш е й л о к

Что шут сказал, Агари семя? А?

Д ж е с с и к а

Сказал “прощайте”, больше ничего.

Ш е й л о к

Не злой бездельник, но обжора страшный.
В работе — что улитка; спит весь день,
Как кот. А мне не надо трутней в улье;
Так я и уступил его другому,—
Пусть он ему опустошать поможет
Заемный кошелек. Ну, дочь, домой!
Быть может, я сейчас же возвращусь.
Все сделай, как сказал я; да запрись.
Запрешь плотней — найдешь верней —
Пословица хозяйственных людей.

(Уходит.)

Д ж е с с и к а

Прощай! Захочет мне судьба помочь —
Отца я потеряю, ты же — дочь.

(Уходит.)

Сцена 6

Там же.

Входят Г р а ц и а н о и С а л а р и н о в масках.

Г р а ц и а н о

Вот тот навес, где подождать Лоренцо
Просил нас.

С а л а р и н о

Час его почти прошел.

Г р а ц и а н о

Не чудо ль, что опаздывает он?
Любовники бегут скорей часов.

С а л а р и н о

О! Голуби Венеры в десять раз
Быстрей летят скрепить пыл новой страсти,
Чем прежних клятв спешат сдержать обет.

Г р а ц и а н о

Да, так всегда. Кто ж от стола встает
С таким же аппетитом, как садился?
Где конь, чтобы бежал в обратный путь
Наскучивший с таким же пылким рвением,
Как начал бег? За каждой вещью в мире
Нам слаще гнаться, чем иметь ее.
Как с юным мотом схож корабль, когда,
Весь в флагах, покидает порт родимый,
Ласкаемый непостоянным ветром!
Как, возвращаясь, схож он с блудным сыном:
Бока помяты, паруса в лохмотьях,
Он порван, смят непостоянным ветром!

С а л а р и н о

Вот и Лоренцо. Ну, об этом после.

Входит Л о р е н ц о.

Л о р е н ц о

Друзья мои, простите промедленье.
Не я — дела мои виной задержки.
Когда жену украсть вы захотите,
Я столько ж буду ждать вас. Подойдите;
Живет здесь тесть мой, жид. — Эй! Кто там есть?
В окне показывается Д ж е с с и к а в мужском платье.

Д ж е с с и к а

Кто вы? Для верности скажите мне,
Хоть клятву дам, что голос ваш я знаю.

Л о р е н ц о

Лоренцо я, твоя любовь!

Д ж е с с и к а

Лоренцо — так; моя любовь — да, верно.
Кого ж еще я так люблю? Но вот что:
Кто знает, кроме вас, что я-то — ваша?

Л о р е н ц о

Бог и твой ум — свидетели тому.

Д ж е с с и к а

Лови мой ларчик; этого он стоит.
Я рада ночи: вам меня не видно, —
Так я стыжусь наряда моего.
Но ведь любовь слепа, и тот, кто любит,
Не видит сам своих безумств прелестных;
Не то сам Купидон бы покраснел,
Меня увидев мальчиком одетой.

Л о р е н ц о

Спустишь; ты будешь мне факелоносцем.

Д ж е с с и к а

Как? Мне самой же освещать свой стыд?
Ах, он и без того уж слишком ясен.
Я буду всем видна, — а мне ведь надо
Скрываться, милый.

Л о р е н ц о

Ангел мой, ты скрыта
Прелестнейшим мальчишеским нарядом.
Но выходи!
Ведь ночь уж скоро обратится в бегство, —
А нас Бассанио на ужин ждет.

Д ж е с с и к а

Я все запру, позолочу себя
Еще червонцами — и выйду к вам.

(Скрывается.)

Г р а ц и а н о

Клянусь вам клубуком моим — она
Язычница, но вовсе не жидовка!

Л о р е н ц о

Будь проклят я, коль не люблю ее.
Она умна, как я могу судить;
Прекрасна, коль мои глаза не лгут мне;

Верна, что доказала мне сама.
Такой же умной, верной и прекрасной
Любовь моя к ней вечно в сердце будет!

Входит Джессика.

А, ты уж здесь? Итак, друзья, вперед!
Давно уж масок сборище нас ждет.
(Уходит вместе с Джессикой и Саларино.)

Входит Антонио.

Антонио

Кто это здесь?

Грациано

Синьор Антонио!

Антонио

Фу, стыд, Грациано! Где же остальные?
Девятый час; друзья давно вас ждут.
Пир отменен: подул попутный ветер, —
Бассанио торопится отплыть.
Я двадцать человек послал за вами.

Грациано

Я рад! Мне выше счастья не найти —
Под парусами нынче ж быть в пути.

Уходят.

Посмотрим; надписи перечитаю.

Что говорит свинец?

“Со мной ты все отдашь, рискнув всем,
что имеешь”.

Дать — за свинец? Рискнуть — из-за свинца?

Ларец грозит. Ведь тот, кто всем рискует,

Надеется на выгоду большую.

Ум золотой не соблазнится шлаком.

Нет не рискну ничем я за свинец!

Что скажет серебро с невинным цветом?

“Со мной получишь то, чего достоин ты”.

Чего достоин?.. Стой, Марокканский принц!

Рукою твердой цену взвесь себе.

Ты много стоишь. Но такое “много”

Быть может малым для прекрасной дамы.

Однако ж сомневаться мне в своих

Достоинствах — бессилие и слабость.

Чего достоин?.. Я ее достоин!

Ее я стою родом и богатством,

И красотой, и также воспитаньем,

Но более всего — моей любовью.

Что если, не колеблясь, выбрать это?

Прочту еще на золоте я надпись:

“Со мной получишь то, что многие
желают”.

Ее, конечно! Все ее желают,

Со всех концов земли сюда стремятся —

Облобызать алтарь живой святыни;
Гиркании пустыни, даль степной
Аравии — путем проезжим стали
Для принцев, к дивной Порции спешащих.
И царство волн, чьи дерзкие вершины
Плюют в лицо небес, уж не преграда
Для чужестранцев; море, как ручей,
Переплывают, чтоб ее увидеть.
В одном из трех — ее портрет небесный.
Ужель в свинцовом? Нет! Кошунством
было б

Так думать; слишком было бы жестоко
Ее в могиле мрачной заключить.
Иль в серебро ее замуровали,
Что золота дешевле в десять раз?
Грех думать так: кто видел ценный перл
В оправе ниже золота? Монета
Есть в Англии: там вычеканен ангел
На золоте; но только он снаружи,
А здесь — внутри, на ложе золотом
Мой ангел! — Дайте ключ — ларец закрыт.
Вот, выбор сделан. Что судьба решит?

П о р ц и я

Вот... Если там портрет найдете мой, —
Я ваша.

П р и н ц М а р о к к а н с к и й
(отпирает золотой ларец)

Смерть и ад! Что предо мной?
Тут череп и в его пустой глазнице
Бумаги свиток. Я прочту его.

(Читает.)

“Не все то золото, что блестит,—
Вот что мудрость говорит.
Жизнь продать иной спешит,
Чтобы лицезреть мой вид.
Червь в злаченном гробе скрыт.
Будь твой ум с отвагой слит,
Разум зрел,— хоть юн твой вид,—
Ты б не был холодом убит.
Так прощай, твой путь открыт”.

Холод, да! Мой труд пропал!
Прощай, тепло: мороз настал!

(Порции.)

Прости! Мне тяжело; длить не стану муку.
Так проигравший вынесет разлуку.

(Уходит.)

П о р ц и я

Избавились!— Спустить завесу. Что ж!
Вот так бы всем, кто с ним по виду схож!

(Уходит.)

Сцена 8

Венеция. Улица.

Входят Саларино и Саланио.

Саларино

Ну что ты, друг? Я видел, как отплыл
Бассанио и вместе с ним Грациано;
Лоренцо, я уверен, с ними нет.

Саланио

Жид поднял дожа воплями с постели;
Он обыскать решил корабль Бассанио.

Саларино

Он опоздал: корабль уж отошел.
Но дожу в это время сообщили,
Что видели в одной гондоле вместе
Лоренцо с Джессикой его влюбленной.
К тому ж Антонио заверил дожа,
Что их на корабле Бассанио нет.

Саланио

Не видел я страстей подобной смены,
Неистовой и странной, как когда
Собака-жид на улице вопил:
“О дочь моя! Мои дукаты! Дочь
Сбежала с христианином! Пропали

Дукаты христианские! Где суд?
Где правосудье? Дочь моя украла
Мешок — нет, два — червонцев за печатью,
Двойных дукатов! Дочь моя украла!
И камни! Два бесценнейших брильянта
Украла дочь! Найти девчонку, суд!
При ней ведь все — и камни и дукаты!”

С а л а р и н о

Со всей Венеции за ним мальчишки
Бегут, крича: “Где камни? Дочь? Дукаты?”

С а л а н и о

Пусть не просрочит дня Антонио добрый —
Не то за все заплатит он.

С а л а р и н о

Да, кстати,—

Вчера один француз мне рассказал,
Что затонул в проливе нешироком
Меж Францией и Англией корабль
Из наших стран, богато нагруженный.
Мысль об Антонио сразу мне пришла;
Подумал: только б не его корабль!

С а л а н и о

Про это надо бы сказать Антонио,—
Но исподволь, чтоб он не огорчился.

С а л а р и н о

Добрей его нет в мире человека.
Я видел, как с Бассанио он прощался.
Бассанио обещал скорей вернуться;
Он отвечал: “О, нет! Из-за меня
Не делай дела кое-как, Бассанио!
Жди, чтоб оно от времени созрело;
И векселем, что выдал я жиду,
Не омрачай души, любовью полной.
Будь весел; мысли посвяти всецело
Ты сватовству и нежным проявлениям
Любви, какие нужными найдешь”.
Сказал и со слезами на глазах,
Отворотясь, он руку протянул
И с нежностью глубокою пожал
Бассанио руку; так они расстались.

С а л а н и о

Он любит жизнь из-за Бассанио только,
Мне кажется! Прошу, пойдем к нему,
Чтоб разогнать хоть чем-нибудь веселым
Привычную тоску его.

С а л а р и н о

Отлично.

Уходят.

Сцена 9

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входит Нерисса в сопровождении слуги.

Нерисса

Скорей, скорей отдерни занавеску.
Принц Арагонский клятву уж принес,
И к выбору сейчас приступит он.

Роговая музыка. Входят принц Арагонский, Порция
и их свита.

Порция

Вот, благородный принц, здесь три ларца.
Коль правильно ваш выбор будет сделан,
Немедленно свершим союз мы брачный;
Но если нет, — без дальних слов, мой принц,
Тотчас же вы уедете отсюда.

Принц Арагонский

Я клятву дал исполнить три условия:
Во-первых, никому не открывать,
Какой ларец я выбрал; во-вторых,
Себе другой невесты не искать;
И, наконец,
Коль в выборе Фортуна не поможет,
Тотчас же вас покинуть и уехать.

Порция

Клянется в этом каждый, кто рискует
Судьбой за недостойную меня.

Принц Арагонский

На все пошел я. Помоги, Фортуна,
Надежде сердца!— Золото я вижу,
И серебро, и низменный свинец.

“Со мной ты всем рискнешь, отдав все,
что имеешь”.

Будь ты красивей, я б рискнул, быть может!

Что скажет золотой ларец? Посмотрим.

“Со мной получишь то, что многие желают”.

Так, “многие”; но многие — ведь это

Та пошлая толпа, что выбирает

По виду, слушается глупых глаз,

Не смотрит внутрь,— как стриж, что на ветру

Гнездо возводит на стене наружной,

Открытое всем прихотям ненастья.

Не выберу по вкусу большинства,

Чтоб не смешаться с пошлыми умами

Или сравняться с варварской толпой.

К тебе, серебряный казнохранитель!

Еще раз повтори мне свой девиз.

“Со мной получишь то, чего ты заслужил”.

Прекрасно сказано! И кто же вправе

Обманывать судьбу, искать почета,
Не заслуживши? Пусть никто не смеет
Величье незаслуженно носить.
О, если б званья, должности, чины
Не низкими, бесчестными путями,
А истинной заслугой добывались,
Накрылся б гордо тот, кто спину гнет,
И подчинился б, кто повелевает!
А сколько плевелов бы отмелось
От чистых зерен чести! Сколько славы
От гибели веков бы уцелело,
Чтоб снова заблестеть!— Но выбор ждет.
“Со мной получишь то, чего достоин ты”.
Возьму — чего достоин.— Дайте ключ,
И пусть моя откроется удача!

(Открывает серебряный ларец.)

П о р ц и я
(в сторону)

Не стоила находка долгой речи.

П р и н ц А р а г о н с к и й

Что вижу я? Бессмысленная рожа
Записку держит! Я ее прочту.—
О, как на Порцию ты не похож,
На все мои надежды и заслуги!
“Со мной получишь то, чего достоин ты”.

Ужель достоин я дурацкой рожи?
Вот мне награда? Лучшей я не стою?

П о р ц и я

Ответчик и судья — два разных звания.
Различны свойства их.

П р и н ц А р а г о н с к и й

Что здесь? Посмотрим.

“Семь раз испытан я огнем;
Семь раз испытан разум в том,
Кто ошибок не имел.
Тот, кто тень поймать хотел,
Счастья тень — того удел.
Много есть глупцов кругом,
Как я, покрытых серебром.
Кого бы ты не взял женой,
Я — портрет навеки твой.
В путь! Покончено с тобой!”.

Тем глупее я кажусь,
Чем здесь дольше нахожусь.
Пришел с дурацкой головой, —
Две их уношу с собой.
Милая, прости... Молчу:
Свой обет сдержать хочу.

(Уходит.)

П о р ц и я

Моль налетела на свечу...
О мудрые глупцы! Коль выбирают,
То разум свой из-за ума теряют.

Н е р и с с а

В пословице недаром говорится:
“Все от судьбы — жениться ль, удавиться ль”.

П о р ц и я

Идем; задерни занавес, Нерисса.

Входит слуга.

С л у г а

Синьора где?

П о р ц и я

Здесь. Что тебе, синьор?

С л у г а

Синьора, к вашим воротам подъехал
Венецианец молодой с известьем,
Что вслед прибудет господин его,
Который шлет вещественный привет:
Помимо слов учтивых и поклонов —
Богатые дары. Я не видал

Приятнее посланника любви.
Апрельский день не возвещал так нежно
Роскошнейшего лета приближенье,
Как своего владыку этот вестник.

П о р ц и я

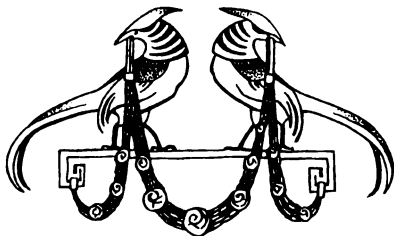
Прошу, довольно. Я боюсь, ты скажешь,
Что он тебе сродни, — так расточаешь
По-праздничному ум на похвалы!
Пойдем, пойдем, Нерисса; жажду видеть
Посла любви, что так учтив и мил.

Н е р и с с а

Дай бог любви, чтоб то Бассанио был.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Венеция. Улица.

Входят Саланио и Саларино.

Саланио. Ну, что нового на Риальто?

Саларино. Да что? По-прежнему упорно держится слух, что корабль Антонио с богатым грузом потерпел крушение в Узком проливе. Гудвинские пески,— кажется, так оно называется,— роковое место, очень опасная мель, где лежит не один остов большого корабля, если только кумушка-молва, от которой я это знаю, честная женщина и говорит правду.

Саланио. Хотел бы я, чтобы в данном случае она оказалась самой отъявленной лгуньей из всех кумушек, какие когда-либо грызли имбирные конфеты или уверяли соседей, что оплакивают смерть третьего мужа. Но, видно, правда,— если говорить без всяких околичностей и ничем не преграждать ровной дороги толков,— правда, что добрый Антонио, честный Антонио... О, если бы я нашел эпитет, достойный сопровождать его имя!..

С а л а р и н о. Довольно; поставь точку!

С а л а н и о. А? Что ты говоришь? Ну, словом, конец тот, что Антонио потерял корабль.

С а л а р и н о. Хотел бы я, чтобы это было концом его потерь!

С а л а н и о. Дай скорей сказать “аминь”, чтобы дьявол не помешал моей молитве; вон он сам идет во образе жида.

Входит Ш е й л о к.

Что скажешь, Шейлок? Что нового в купеческом мире?

Ш е й л о к. Вы же знаете, — никто не знает лучше вас, — что у меня сбежала дочь!

Шейлок после бегства Джессики. Рис. Дж. Джильберта

С а л а р и н о. Совершенно верно. Я даже знаю портного, который ей делал крылышки, на которых она улетела.

С а л а н и о. А Шейлок сам знал, что птичка уже оперилась. В эту пору они все улетают от родителей — такова уж их природа.

Ш е й л о к. Будь она за это проклята!

С а л а р и н о. Непременно — если судьей ей будет дьявол.

Ш е й л о к. Моя собственная плоть и кровь взбунтовалась!

С а л а н и о. Ах ты, старая падаль! Взбунтовалась в такие годы!

Ш е й л о к. Я говорю: дочь моя, моя собственная плоть и кровь.

С а л а н и о. Между твоей плотью и ее больше разницы, чем между черной амброй и слоновой костью; а между вашей кровью — больше, чем между красным вином и рейнвейном. Но скажи, что ты слышал: потерял Антонио корабль на море или нет?

Ш е й л о к. Вот еще моя беда! Банкрот, мот, который едва смеет нос показать на Риальто; нищий, а привык таким щеголем расхаживать по рынку! Пусть попомнит о своем векселе! Он все называл меня ростовщиком — пусть попомнит о своем векселе! Он давал деньги в долг из христианского человеколюбия — пусть попомнит о своем векселе!

С а л а р и н о. Ну, я уверен, если он и просрочит, не станешь же ты требовать его мяса: на что оно годится?

Ш е й л о к. Чтобы рыбу на него ловить! Пусть никто не насытится им, — оно насытит месть мою. Он меня опозорил,

помешал мне заработать по крайней мере полмиллиона, насмехался над моими убытками, издевался над моими барышами, поносил мой народ, препятствовал моим делам, охлаждал моих друзей, разгорячал моих врагов; а какая у него для этого была причина? Та, что я жид. Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся? Если нас отравить — разве мы не умираем? А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить? Если мы во всем похожи на вас, то мы хотим походить и в этом. Если жид обидит христианина, что тому внушает его смирение? Мсть! Если христианин обидит жида, каково должно быть его терпение по христианскому примеру? Тоже, мсть! Вы нас учите гнусности, — я ее исполню. Уж поверьте, что я превзойду своих учителей!

Входит слуга.

Слуга. Синьоры, мой господин, синьор Антонио, дома и желал бы побеседовать с вами обоими.

Саларино. А мы его сами везде искали.

Входит Тубал.

Саларино. Вот еще один из их племени; третьего им под стать не подберешь — разве сам дьявол обратится в жида!

Саланио, Саларино и слуга уходят.

Шейлок. Ну что, Тубал, какие новости из Генуи? Нашел ты дочь мою?

Тубал. Во многих местах слышал о ней, но найти ее не мог.

Шейлок. Ну так, так, так, так! Пропал брильянт, за который я заплатил во Франкфурте две тысячи дукатов! До сих пор проклятие еще не обрушивалось так тяжело на наше племя; я его никогда не чувствовал так до сих пор. Две тысячи червонцев — в одном этом брильянте, и еще другие драгоценные камни! Хотел бы я, чтобы моя дочь лежала мертвой у ног моих с драгоценными камнями в ушах! Чтобы ее похоронили у моих ног, а червонцы положили в гроб! Так ничего о них не слышно? Ну, конечно! А сколько истрачено на поиски — я и не знаю! О, чтоб тебя! Убыток за убытком! Столько-то украл вор, да столько-то — чтобы найти вора, и никакого удовлетворения, никакого отмщения. Нет такого несчастья, как то, что на меня обрушилось! Нет вздохов, кроме моих; нет слез, кроме тех, что я проливаю.

Тубал. Нет, и у других людей бывают несчастья. Антонио, как я слышал в Генуе...

Шейлок. Что? Что? Что? Несчастье, несчастье?

Тубал. У него потерпел крушение корабль, возвращавшийся из Триполиса.

Шейлок. Благодарю бога! Благодарю бога! Это верно? Это верно?

Тубал. Я говорил с несколькими матросами, спасшимися при кораблекрушении.

Ш е й л о к. Благодарю тебя, добрый Тубал! Добрые вести! Добрые вести! Ха-ха! Где же это? В Генуе?

Т у б а л. Дочь ваша истратила в Генуе, как я слышал, в один вечер восемьдесят дукатов.

Ш е й л о к. Ты в меня вонзаешь кинжал! Не видать мне никогда больше моего золота! Восемьдесят дукатов зараз! Восемьдесят дукатов!

Т у б а л. Со мной приехали в Венецию несколько кредиторов Антонио; они клянутся, что он должен неминуемо обанкротиться.

Ш е й л о к. Очень рад этому! Я его истерзаю! Я его заму чаю! Я рад этому!

Т у б а л. Один из них показал мне кольцо, которое он получил от вашей дочери за обезьяну.

Ш е й л о к. Проклятье ей! Ты меня терзаешь, Тубал; это была моя бирюза, — я получил ее от Лии, когда был еще холостым. Я бы не отдал ее за целую обезьянью рощу!

Т у б а л. Но Антонио безусловно пропал.

Ш е й л о к. Да, это верно, это совершенно верно! Ступай, Тубал, найми мне заранее пристава, договори его за две недели до срока. Я вырежу у Антонио сердце, если он только просрочит; когда его не будет в Венеции, тогда я буду волен делать дела, как хочу. Ступай, ступай, Тубал! Мы встретимся в нашей синагоге; ступай, добрый Тубал; в нашей синагоге, Тубал.

Уходят.

Сцена 2

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят Бассанио, Порция, Грациано, Нерисса и свита

Порция

Помедлите, день-два хоть подождите
Вы рисковать; ведь если ошибетесь —
Я потеряю вас; так потерпите.
Мне что-то говорит (хоть не любовь),
Что не хочу терять вас; вам же ясно,
Что ненависть не даст подобной мысли.
Но, если вам не все еще понятно
(Хоть девушке пристойней мысль, чем слово), —
Я б месяц-два хотела задержать вас,
Пока рискнете. Я б вас научила,
Как выбрать... Но тогда нарушу клятву.
Нет, ни за что! Итак, возможен промах.
Тогда жалеть я буду, что греха
Не совершила! О, проклятье взорам,
Меня околдовавшим, разделившим!
Две половины у меня: одна
Вся вам принадлежит; другая — вам...
Мне — я сказать хотела; значит вам же, —
Так ваше все ! Злой рок преграду ставит
Между владельцем и его правами —
И я хоть ваша, но не ваша... Если
Случится, что я вашею не стану, —

Пошлите в ад судьбу, а не меня.
Я слишком много говорю; но это,
Чтоб, время задержав и протянув,
Замедлить выбор ваш.

Б а с с а н и о

Позвольте выбрать;
Жить так, как живу я, ведь это пытка.

П о р ц и я

Как пытка? А какую же измену
К любви вы примешали? Сознавайтесь.

Б а с с а н и о

Лишь гадкую измену — недоверье,
Мещающее мне поверить в счастье.
Меж снегом и огнем возможней дружба,
Чем меж изменой и моей любовью.

П о р ц и я

Боюсь, не говорите ль вы под пыткой:
Под пыткой люди могут все сказать.

Б а с с а н и о

Даруйте жизнь мне — я сознаюсь в правде.

П о р ц и я

Признайтесь — и живите.

Б а с с а н и о

“И любите”.

Вот все мое признание. О пытка
Блаженная, когда палач мой сам
Меня ответам учит для спасенья!
Пустите же меня к моей судьбе — к ларцам.

П о р ц и я

Пусть так!

Открывают занавес, за которым находятся ларцы.

В одном из них скрываюсь я.
Коль любите меня вы, так найдете.
Нерисса, стань подальше с остальными.
Пусть музыка сопровождает выбор...
Коль проиграет, кончит он, как лебедь,
Исчезнув с песней. Чтоб сравненье было
Верней, мои глаза потоком будут,
Где влажный смертный одр найдет он. Если ж
Он победит... чем станут эти звуки?
Фанфарой труб, склоняющей народ
Пред нововенчанным его монархом,
Небесно-сладкой песнью на заре,
Что проникает в грезы жениха,
Зовя к венчанью.— Вот, идет, с не меньшим
Величием, но с большею любовью,
Чем молодой Алкид, освобождавший

Скорбящей Трои девственную дань
От чудища морского. Я как жертва
Стою. Вдали — дарданянки с глазами,
Опухшими от слез, глядят, чем подвиг
Окончится. Иди, мой Геркулес!
Живи — я буду жить! Страшней сторицей
Мне видеть битву, чем тебе — сразиться.

П Е С Н Я

(пока Бассанио рассматривает ларцы)

Скажи мне, где любви начало?
Ум, сердце ль жизнь ей даровало?
И чем питаться ей пристало?

Ответь, ответь!

В глазах впервые возникает,
От взглядов пищу получает,
В своей же люльке умирает.
Пусть отпоеет ее наш звон.
Я начинаю: динь-динь-дон!

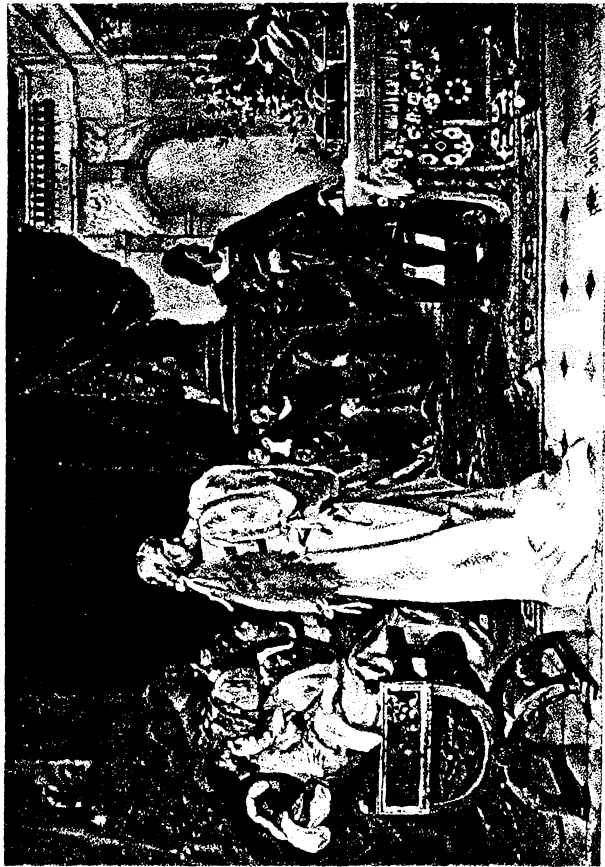
В с е

Динь-динь-дон!

Б а с с а н и о

Так внешний вид от сущности далек:
Мир обмануть не трудно украшеньем;
В судах нет грязных, низких тяжб, в которых

Бассанио выбирает один из ларцов. Художник Ф. Барт

Нельзя бы было голосом приятным
Прикрыть дурную видимость. В религии —
Нет ереси, чтоб чей-то ум серьезный
Не принял, текстами не подтвердил,
Прикрыв нелепость пышным украшеньем.
Нет явного порока, что б не принял
Личину добродетели наружно.
А сколько трусов, чьи сердца неверны,
Как лестница песчаная, имеют
На подбородках бороды такие,
Как Геркулес или суровый Марс, —
А вскрой их печень — молока белей,
Но на лице знак мужества являют,
Чтоб страх вселять. На красоту взгляните —
И ту теперь на вес купить возможно:
И часто мы в природе видим чудо,
Что легче те, на ком надето больше.
Так, эти золотые кудри-змейки,
Что шаловливо с ветерком играют
Над мнимую красавицей, нередко
Принадлежат совсем другой головке,
И череп, что их вырастил, — в могиле.
Вся эта пышность — лишь коварный берег
Опаснейшего моря, шарф прелестный,
Сокрывший индианки красоту.
Да, ты личина правды, под которой
Наш хитрый век и самых мудрых ловит, —

Ты, золото блестящее! Мидаса
Ты жесткий корм! Я не хочу тебя!—
И не тебя посредник тусклый, пошлый
Между людьми!— Но ты, простой свинец,
Скорей грозящий, чем сулящий блага,—
Ты бледностью своей красноречив:
Беру тебя — будь выбор мой счастлив!

П о р ц и я
(в сторону)

Как все другое отлетело вдруг:
Сомнение, отчаянье, испуг
И муки ревности зеленоглазой!
Сдержись, любовь, сдержи порыв восторга;
Дождь радости слегка останови:
О, слишком сильно счастье любви —
Не вынести боюсь!

Б а с с а н и о
(открывая свинцовый ящик)

Что я найду?
Твой дивный лик! О, что за полубог
Природу так постиг? Глаза живут!
Иль потому, что движутся мои,
Так кажется? Уста полуоткрыты,
Разделены дыханьем сладким губы —
Друзьям прелестным милая преграда.

А волосы! Художник, как паук,
Сплел золотую сеть — ловить сердца,
Как мошек в паутину. Но глаза —
Как мог он их создать и не ослепнуть?
Один из них его б лишил обоих,
Неконченным оставшись. Но насколько
Моя хвала на эту тень клеветает,
Не в силах оценить ее, — настолько ж
Хромает тень за сущностью вослед.
Вот свиток: в нем судьбы моей решенье.

“На внешность ты не стал смотреть, —
Столь же будь удачлив впредь!
Если рок так повелел —
Оцени ты свой удел;
Коль по сердцу он тебе,
Ты рай нашел в своей судьбе:
Ты красавицей своей
С поцелуем завладей!”

Благой приказ! Позвольте же синьора
Мне взять и дать согласно приговору.

(Целует Порцию.)

Как тот, кто победил из двух борцов, —
Хотя в успех свой верить был готов, —
А после, слыша крик, рукоплесканья,
В каком-то колебании, растерян,
Не знает, для него ль прием такой, —
Красавица, так я перед тобой

Стою в сомненьи и поверю лишь,
Коль ты скрепишь, подпишешь, подтвердишь.

П о р ц и я

Вы видите меня, синьор Бассанио,
Такою, как я есть; хоть для себя
Во мне честолюбивых нет желаний
Быть много лучше, но для вас хотела б
Я в двадцать раз свою утроить цену:
Быть во сто раз красивей и богаче,
Чтоб высоко подняться в вашем мненье,
Талантов, красоты, друзей, богатства
Иметь без счета, но итог мой полный —
Вполне ничтожен; в сущности вот он:
Простая девушка, без всяких знаний,
Тем счастлива, что уж не так стара,
Чтоб не учиться; а еще счастливей —
Что не глупа и сможет научиться;
Счастливей же всего, что дух покорный
Вверяет вам, мой господин, мой царь.
И я и все мое — отныне ваше.
Вам отдано; доныне я была
Хозяйкой замка, госпожою слугам,
Сама себе царицей; ныне ж, ныне
Мой дом и слуги, я сама — все ваше.
Супруг мой, все даю вам с этим перстнем;
Расставшись с ним, отдав иль потеряв,

Предскажете конец своей любви
И повод мне дадите к обвиненью.

Б а с с а н и о

Синьора, вы меня лишили слов!
Лишь в жилах кровь моя вам отвечает.
В моей душе такое же смятенье,
Какое после речи благосклонной
Любимого монарха наступает
В жужжащей, полной радости толпе,
Когда в ней воедино все слилось,
Смешалось в хаос радости всеобщей
С словами и без слов. Коль этот перстень
Расстанется со мной, — расстанусь с жизнью;
Тогда скажите вы: Бассанио умер!

Н е р и с с а

Синьора и синьор, теперь для нас,
Увидивших венец своих желаний,
Настал черед кричать; дай бог вам счастья!

Г р а ц и а н о

Синьор Бассанио, милая синьора,
Желаю вам всего, что вы хотите.
Мне к этому ведь нечего добавить!
Когда же брачных клятв своих обмен
Торжественно свершите вы, прошу —
Тотчас и мне позвольте обвенчаться.

Б а с с а н и о

От всей души, коль ты найдешь жену.

Г р а ц и а н о

Благодарю; вы мне ее уже нашли.
Мой взгляд, синьор не меньше быстр, чем ваш;
Вы госпожу увидели, а я —
Прислужницу. Вы полюбили — также
И я. Как вы, я мешкать не люблю.
Вот здесь, в ларцах, судьба таилась ваша,
Но так же и моя, как оказалось.
За нею я ухаживал до поту
И клялся так, что в горле пересохло
От пылких клятв; и наконец, вполне
Растрогавши красавицу, добился
Согласия — с условием, если счастье
Отдаст вам госпожу.

П о р ц и я

Неррисса, правда?

Н е р и с с а

Да, госпожа, коль вы на то согласны.

Б а с с а н и о

И ты, Грациано, говоришь серьезно?

Г р а ц и а н о. О, да, синьор!

Б а с с а н и о. Наш пир весьма украсит ваша свадьба.

Г р а ц и а н о. Мы с ним побьемся об заклад, у кого родится первый мальчик — на тысячу червонцев.

Н е р и с с а. Как, и поставим все на карту?

Г р а ц и а н о. Нет; в этом выиграть нельзя, если все поставить на карту.

Но кто идет сюда? Лоренцо с милой
Язычницей? Как! Старый друг Салерио?

Входят Лоренцо, Джессика и Салерио, посланец из Венеции.

Б а с с а н и о

Лоренцо и Салерио, прошу вас, —
Коль новость положенья моего
Мне власть дает прицять вас. — Разрешите,
Мой ангел, мне друзей и земляков
Просить гостями быть?

П о р ц и я

И я прошу их:

Я рада им, супруг мой.

Л о р е н ц о

Благодарю, синьора. — Я, синьор,
Не собирался навестить вас здесь;
Но встретился с Салерио по пути —
И он просил меня, чтоб с ним пошел я,
Не принимая отговорок.

Салерио

Да,
На то причины есть. — Синьор Антонио
Привет вам шлет.

(Отдает Бассанио письмо.)

Бассанио

Еще не вскрыв письма,
Прошу сказать, как друг мой поживает.

Салерио

Не болен он, коль не считать души;
И не здоров — душой. Его письмо
Вам объяснит все дело.

Бассанио читает письмо.

Грациано

Нерисса, чужестранку обласкай.
Салерио, руку. Что в Венеции слышно?
Как царственный купец, Антонио
добрый?

Удаче нашей будет рад он, знаю;
Мы, как Язоны, добыли руно.

Салерио

Найди вы то руно, что он утратил!

П о р ц и я

Не добрые в письме, должно быть, вести —
Согнали краску всю с его лица.
Друг умер, верно; чтоб еще могло
Так выражение изменить мужчины
Столь твердого? Как! Хуже все и хуже? —
Бассанио! Я ведь ваша половина:
Позвольте ж мне по праву половину
Того, что есть в письме.

Б а с с а н и о

Любовь моя,
Здесь самые ужасные слова,
Когда-либо чернившие бумагу!
Я честно вам сказал, что все богатство
Мое в крови: я истый дворянин.
Я правду вам сказал; но, дорогая,
Себя считая за ничто, и тут
Похвастал я, сказав, что ничего
Я не имею, — должен бы сказать я,
Что меньше я имею, чем ничто.
Себя всего я другу заложил,
А друга — злейшему его врагу,
Чтоб денег мне достать. Вот вам письмо:
Бумага эта — точно тело друга;
На ней слова — зияющие раны —
Кровоточат. — Но правда ли, Салерио,

Ужель погибло все, без исключения?
Из Триполи, из берберийских стран,
Из Мексики, двух Индий, Лиссабона,
Из Англии? И ни один корабль
Не спасся? Все разбились об утесы,
Грозу купцов?

С а л е р и о

Нет, ни один, синьор.
Притом теперь, хотя б имел он деньги
Наличные, чтоб уплатить жиду, —
Тот не взял бы. Я не встречал создания
Во образе людском, чтобы так жадно
Стремилось человека погубить!
Он день и ночь не отстает от дождя:
Твердит, что попрана свобода будет
В Венеции, когда ему откажут.
Знатнейшие сенаторы, сам дож,
Купцы — его все тщетно убеждали;
Не хочет он от кляуз злых отречься:
“Просрочка... правосудье... неустойка!”

Д ж е с с и к а

Еще при мне он клялся — я слыхала —
Тубалу с Хусом, землякам своим,
Что хочет получить он лучше мясо
Антонио, чем в двадцать раз ту сумму,

Что задолжал он. И синьор, я знаю, —
Когда закон, и высший суд, и власти
Не вступятся — погиб Антонио бедный!

П о р ц и я

Ваш близкий друг в такой беде, скажите?

Б а с с а н и о

Ближайший друг, добрейший человек
С душой честнейшею, не устающей
Творить добро; да, человек, в котором
Дух древних римлян больше проявился,
Чем в ком-либо, в Италии рожденном.

П о р ц и я

Что должен он жиду?

Б а с с а н и о

Три тысячи червонцев за меня.

П о р ц и я

Как! Только? Шесть ему вы заплатите
И выкупите вексель; вдвое, втрое —
Скорей!.. Чтоб допустить такого друга
Хоть волос потерять из-за Бассанио!
Пойдем же в храм; меня вы назовете
Женой, а там — скорее в Венецию, к другу!
Вы не должны у Порции в объятиях

Покоиться с тревожною душой.
Дам золота, чтоб в двадцать раз покрыть
Ничтожный долг! Потом вернитесь с другом
Сюда; а мы пока с Нериссой будем,
Как девушки и вдовы, ждать. Вперед!
В день свадьбы вас отъезд немедля ждет.
Приветствуйте друзей с веселым видом:
Так дорого купив, я вас не выдам
Но прочитайте мне его письмо.

Б а с с а н и о (*читает*). “Милый мой Бассанио, все корабли мои погибли. Кредиторы мои делаются жестоки; положение мое очень плохое. Мой вексель жиду просрочен. И так как, заплатив по нему, мне невозможно будет остаться в живых, то между нами — все долги уплачены, и я только хотел бы увидеть тебя перед смертью. Однако поступай по своему усмотрению; если твоя любовь ко мне не побудит тебя приехать, пусть не побуждает и мое письмо.”

П о р ц и я

Любовь моя, брось все и поезжай!

Б а с с а н и о

Коль ехать ты даешь мне позволение,
Спешу! Пока я не вернусь домой,
Постель виной не будет промедленья,
Разлучником не будет отдых мой.

Уходят.

Сцена 3

Венеция. Улица.

Входит Шейлок, Саларино, Антонио и тюремщик.

Шейлок

Смотри за ним, тюремщик! Нет пощады;
Вот он — глупец, ссужавший деньги даром.
Смотри за ним!

Антонио

Послушай, добрый Шейлок...

Шейлок

Мой вексель! Против векселя ни слова!
Я клятву дал, что получу сполна.
Ты звал меня собакой без причины.
Собака я! Страшись моих клыков!
Дождь будет справедлив. Я удивляюсь,
Дрянной тюремщик, — слишком уж ты глуп:
Едва попросит, ходишь с ним на волю.

Антонио

Прошу, дай мне сказать...

Шейлок

Мой вексель! Ничего не стану слушать.

Шейлок и Антонио. Художник Р. Вестоль

Плати по векселю; ни слова больше.
Я не из тех глупцов, унылых, слабых,
Что, охая и головой качая,
На просьбы христиан идут. Довольно!
Не слушаю. По векселю плати!

(Уходит.)

С а л а р и н о

Бесчувственнейший пес, какого знаю
Среди людей!

А н т о н и о

Оставь его. Не стану
Бесцельно больше умолять его.
Моей он ищет смерти. Но причину
Я знаю: часто от его сетей
Спасал несчастных я, и вот за это
Меня он ненавидит.

С а л а р и н о

Я уверен —
Такого иска не признает дож.

А н т о н и о

Не может дож законы нарушать:
Ведь он, отняв у чужестранцев льготы,
В Венеции им данные, доверье

К законам государства подорвет;
А наши и торговля и доходы —
В руках всех наций. Потому — довольно.
Я изнурен потерями и горем
Так, что едва-едва себе фунт мяса
Найдет мой кровожадный кредитор.

(Тюремщику.)

Идем!— Дай бог, чтоб увидал Бассанио,
Как долг его я заплачу; а там...

Уходят.

Сцена 4

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят Порция, Нерисса, Лоренцо, Джессика и
Бальтазар.

Лоренцо

Синьора, я в глаза вам говорю:
Постигли благородно вы и верно
Божественную дружбу, — доказали
Вы это тем, как сносите разлуку.
Но знай лишь вы, кому вы честь дарите,
Какому благороднейшему мужу,
Какому другу вашего супруга, —
Конечно, больше б вы гордились этим,
Чем свойственно при вашей доброте.

П о р ц и я

Я до сих пор ни разу не жалела
О сделанном добре; так и теперь.
Ведь меж друзей, что вместе жизнь проводят,
Чей дух несет одно ярмо любви,
Гармония должна быть несомненно
В чертах лица, и в нравах, и в душе;
И потому я думаю: Антонио,
Как друг сердечный мужа моего,
С ним, верно, схож. А если это так,
Как мало я истратила на то,
Чтобы спасти души моей подобье
От дьявольской жестокости! Но это
Походит уж на самовосхваленье, —
Так лучше потолкуем о другом. —
Лоренцо, я вручаю все хозяйство
И управленье домом в ваши руки
До возвращенья моего супруга.
Сама ж дала обет я тайный небу:
С Нериссою, пока мой повелитель
И муж ее не возвратятся к нам,
Жить в тихом созерцанье и молитвах.
Есть монастырь отсюда мили за две;
Там будем жить мы. Я бы вас просила
В моем желанье мне не отказать.
Не только дружба — и необходимость
Обязывают вас к услуге этой.

Л о р е н ц о

От всей моей души готов, синьора,
Я выполнить все ваши приказанья.

П о р ц и я

Желания мои известны слугам;
Они вам с Джессикой повиноваться,
Как мне и моему супругу, будут.
Прощайте же, до нового свиданья.

Л о р е н ц о

Дай бог вам светлых мыслей, ясных дней!

Д ж е с с и к а

Я вам желаю радости сердечной.

П о р ц и я

Благодарю за ваши пожеланья
И их охотно возвращаю вам.
Прощайте, Джессика...

Джессика и Лоренцо уходят.

Ну, Бальтазар,
Ты был всегда и верен мне и честен,—
Будь и теперь таков. Возьми письмо
И, сколько хватит сил у человека,

Мчись в Падую. Там доктору Белларио,
Кузену моему, вручишь посланье,
А он тебе бумаги даст и платье;
Затем доставишь все скорей как можно
Ты к перевозу, где паром отходит
В Венецию. Не трать напрасно слов,
Но поспеши; там ждать тебя я буду.

Б а л ь т а з а р

Синьора, поспешу как хватит сил.

(Уходит.)

П о р ц и я

Идем, Нерисса, у меня есть план.
Не знаешь ты... Мы их скорей увидим,
Чем ждут они.

Н е р и с с а

А нас они увидят?

П о р ц и я

О да, увидят. Но в таких одеждах,
Нерисса, что у нас то заподозрят,
Чего нам не дано. Бьюсь об заклад,
Коль мы с тобой мужской наряд наденем,
Я буду лучший мальчик из двоих.
Изящней меч носить, чем ты, сумею;

Ломать свой голос, как при переходе
От мальчика к мужчине; мелкий шаг
Сменять мужской походкой; хвастать
дракой,
Как юный хват, и лгать напропалую
О том, как дамы бегали за мной,
Отвергнутые, чахли, умирали:
“Хоть я не виноват, но мне их жалко,—
Уж лучше бы я их не убивал”.
И двадцать небылиц таких прибавлю,
Что поклянутся все, что школу кончил
Я с год уже! Я знаю пропасть шуток
Во вкусе тех болтливых хвастунишек,—
Пушу их в ход!

Н е р и с с а

Так пол мужской нам нужен?

П о р ц и я

Фу, стыд! Какой вопрос!
Услышь тебя двусмысленные уши!
Пойдем, тебе мой замысел подробно
Я расскажу в карете. Ждет она
У въезда в парк,— теперь же не досужно;
Нам двадцать миль сегодня сделать нужно.

Уходят.

Сцена 5

Там же. Сад.

Входят Ланчелоти и Джессика.

Ланчелот. Да, уж это так; потому что, видите ли, грехи отцов взыскиваются на детях. Потому, уверяю вас, я за вас боюсь. Я всегда был с вами откровенен; и теперь выражаю вам свою ажитацию по этому поводу; поэтому, уж будьте спокойны, я уверен, что вы осуждены на вечные муки. Правда, есть еще одна надежда, которая могла бы вам помочь... Да и та вроде как незаконорожденная надежда...

Джессика. Что же это за надежда?

Ланчелот. А вот: вы отчасти можете надеяться, что не ваш отец произвел вас на свет и что вы не дочь жида.

Джессика. Действительно, какая-то незаконорожденная надежда: ведь тогда с меня взыщут грехи моей матери.

Ланчелот. В таком разе я боюсь, что вы осуждены на вечные муки и по батюшке и по матушке. Избегаю я Сциллы — вашего отца, так попадаю в Харибду — вашу мать. Так ли, сяк ли — пропали вы.

Джессика. Я спасусь через моего мужа: ведь он сделал меня христианкой.

Ланчелот. Правду говоря, за это его похвалить нельзя; нас, христиан, было и без того довольно: как раз столько, чтобы всем можно было прокормиться. А если еще понаделать христиан, то, пожалуй, повысится цена на свиней: коли мы

все начнем есть свинину, так скоро ни за какие деньги ломтя жареного сала не получишь!

Д ж е с с и к а. Все, что вы говорите, я расскажу моему мужу, Ланчелот; кстати, вот он идет.

Входит Л о р е н ц о.

Л а н ч е л о т. Я скоро начну ревновать к тебе, Ланчелот, если ты будешь шептаться с моей женой по углам.

Д ж е с с и к а. Нет, вам нечего за нас опасаться, Лоренцо: мы с Ланчелотом не в ладах. Он прямо заявляет, что нет мне милосердия в небесах, потому что я дочь жида; и прибавляет, что вы плохой гражданин республики, потому что, обращая в христианство евреев, вы повышаете цену на свинину.

Л о р е н ц о. Я за это перед республикой меньше отвечу, чем ты за то, что устроил негритянке брюшко; ведь арапка-то от тебя в положении, Ланчелот.

Л а н ч е л о т. Это одно предположение пока; но положим, что это и так... виной ее расположение ко мне.

Л о р е н ц о. Как любой дурак может играть словами! Скоро, действительно, остроумие будет выражаться в молчании, а болтовня будет поощряться только у попугаев. Ступай, скажи, чтобы все было готово к обеду.

Л а н ч е л о т. Все готово, синьор: аппетит имеется у всех.

Л о р е н ц о. Боже милостивый, что за остряк! Ну, так вели им готовить обед.

Л а н ч е л о т. И это сделано, синьор, остается только накрыть.

Л о р е н ц о. Ну, так вы можете накрыть, синьор.

Л а н ч е л о т. Накрыться, синьор? Ни в коем случае! Я знаю свое место.

Л о р е н ц о. Опять придрался к слову! Да что ты, хочешь свое богатство истратить за один раз? Прошу тебя, пойми простые слова просто: пойди к своим товарищам, прикажи им накрыть на стол, подай кушанье, а мы придем обедать.

Л а н ч е л о т. Что касается стола, синьор, он будет подан; что касается кушаний, они будут накрыты; а что касается вашего прихода к обеду, синьор, это уж зависит от вашего каприза и фантазии. (*Уходит.*)

Л о р е н ц о.

О, где ты, разум? Сколько лишних слов!
Какое полчище остроумцев дурак
Собрал в своем уме! Я многих знаю
Глупцов, стоящих выше, что, так точно
Вооружась, для острого словца
Вступают с правдой в бой.— Ну что, мой друг?
Как, Джессика? Скажи свое ты мнение.
Как ты нашла Бассанио супругу?

Д ж е с с и к а

Превыше всех похвал. Синьор Бассанио
Теперь примерной жизнью должен жить.
Такую благодать найдя в жене,
Он на земле вкусит всю радость неба;
А не захочет этого понять,

Так он поистине не стоит неба.
Когда б два бога бились об заклад
И на весы двух смертных женщин взяли, —
Будь Порция одной, к другой пришлось бы
Прибавить кое-что; ведь в жалком мире
Второй подобной нет!

Л о р е н ц о

Такого мужа
Во мне имеешь, как он в ней — жену.

Д ж е с с и к а

Не худо б моего спросить вам мнения.

Л о р е н ц о

Спрошу; но раньше мы пойдем обедать.

Д ж е с с и к а

Дай оценить тебя до насыщенья.

Л о р е н ц о

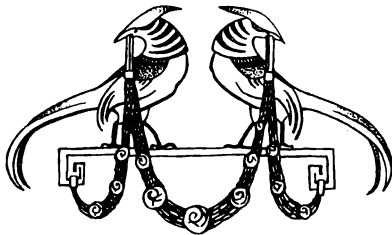
Нет, лучше за застольною беседой.
Тогда, что б ни сказала ты, я легче
Переварю.

Д ж е с с и к а

Так, ждет тебя оценка.

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Венеция. Зал суда.

Входят дож, сенаторы, Антонио, Бассанио, Грациано,
Салерио и другие.

Д о ж

Что, здесь Антонио?

А н т о н и о

Готов я, ваша светлость.

Д о ж

Мне очень жаль тебя: имеешь дело
Ты с каменным врагом, бесчеловечным,
На жалость не способным; нету в нем
Ни капли милосердия.

А н т о н и о

Я слышал,

Что вы, светлейший дож, смягчить старались

В зале суда. С картины Э.Стейнли

Жестокий иск; но раз он так настойчив
И нет законных средств меня спасти
От злобных козней, — противопоставлю
Свое терпенье бешенству его;
Вооружась спокойствием душевным,
Снесу его тиранство и жестокость.

Д о ж

Подите, позовите в зал жида.

С а л е р и о

Он у дверей, светлейший дож; вот он.

Входит Ш е й л о к.

Д о ж

Посторонитесь; пусть пред нами станет.
Все думают, — и я со всеми, Шейлок, —
Что видимость злодейства сохранишь ты
Лишь до развязки дела, а потом
Проявишь милость, поразив сильнее,
Чем мнимою жестокостью своей;
И хоть сейчас ты требуешь в уплату
Фунт мяса у несчастного купца —
Не только не возьмешь ты неустойки,
Но, движим человеческою любовью,
Ему простишь ты половину долга,
Взглянувши с состраданьем на потери,

Что на него обрушились: их хватит,
Чтоб царственный купец был разорен
И возбудил участие в медных душах,
И в каменных сердцах, и в непреклонных
Татарах или турках, не превыкших
К делам любви и жалости. Итак,
Мы все ждем доброго ответа, жид.

Ш е й л о к

Я вашей светлости уж объяснял:
Поклялся я святой субботой нашей,
Что получу по векселю сполна.
Мне отказав, вы ввергнете в опасность
Республики законы и свободу.
Вы спросите, зачем предпочитаю
Фунт падали трем тысячам дукатов?
На это не отвечу. Или, скажем,
Таков мой вкус! Что, это не ответ?
Что, если дом мой беспокоит крыса
И, чтоб ее стравить, хоть десять тысяч
Готов я дать? Что, это не ответ?
Один не любит поросычьей морды;
Другой при виде кошки прямо сходит
С ума; а третий, услышав волюнку,
Не может удержать мочи. Так склонность,
Страстей хозяйка, направляет их
К любви иль отвращенью. Вот ответ мой!

Как объяснить нельзя определенно,
Из-за чего один свиней не любит,
Другой — невинной и полезной кошки,
Волянки — третий, но неодолимо
Он слабости постыдной поддается
И, угнетенный, угнетает сам,—
Так не могу и не хочу назвать
Других причин тому, что я веду
Безвыгодный процесс против Антонио,
Чем ненависть. Что, это не ответ?

Б а с с а н и о

Нет, бессердечный, не такой ответ,
Чтоб мог он оправдать твою жестокость!

Ш е й л о к

Тебе ответом угождать не должен!

Б а с с а н и о

Да можно ль всех убить кого не любишь?

Ш е й л о к

А можно ль ненавидеть тех, кого
Убить не хочешь?

Б а с с а н и о

Неужели сразу
Должна обида ненависть родить?

Шейлок

Как! Дать змее себя ужалить дважды?

Антонио

Прошу, подумай — споришь ты с жидом.
Скорей ты можешь стать на берегу
И повелеть понизиться приливу;
Скорей у волка спросишь, почему
Овцу заставил плакать о ягненке;
Скорее запретишь ты горным соснам
Качать вершиной и шуметь ветвями,
Когда их клонит ураган небесный;
Скорее ты свершишь труднейший подвиг,
Чем умягчить (что в мире жестче?) сердце
Его еврейское! Я умоляю,
Оставьте все попытки, все старанья,
Но коротко и ясно: пусть свершится
Мой приговор, как хочет жид того.

Бассанио

Наместо трех шесть тысяч я даю!

Шейлок

Когда б во всех дукатах этих каждый
На шесть частей делился по дукату, —
Я б не взял их, а взял бы неустойку.

Д о ж

Как можешь ты надеяться на милость,
Когда ее не проявляешь сам?

Ш е й л о к

Какой же суд мне страшен, если прав я?
У вас немало купленных рабов;
Их, как своих ослов, мулов и псов,
Вы гоните на рабский труд презренный,
Раз вы купили их. Ну что ж, сказать вам:
“Рабам вы дайте волю; пожените
На ваших детях; чем потеть под ношей,
Пусть спят в постелях мягких, как у вас,
Едят все то, что вы”? В ответ услышу:
“Они — мои рабы”. И я отвечу:
“Фунт мяса, что я требую, купил я
Не дешево; он мой, хочу его!”
Откажете — плюю на ваш закон!
Венеции декреты не надежны.
Я буду ждать суда. Ответьте — будет он?

Д о ж

Я властен заседание отложить,
Пока Белларио, ученый доктор,
За кем послал я для решения дела,
К нам не придет.

С а л е р и о

Ваша светлость, ждет
Здесь посланный от доктора с письмом,
Из Падуи прибывший.

Д о ж

Пусть он войдет; а мне письмо подайте.

Б а с с а н и о

Антонио, бодрись, не все пропало.
Отдам жиду и плоть и кровь я раньше,
Чем за меня прольешь ты каплю крови.

А н т о н и о

Друг, в стаде я паршивая овца, —
Всех ближе к смерти: слабый плод всех раньше
На землю падает. Дай мне упасть.
Тебе ж приличней жить, Бассанио,
И надписью меня почтить надгробной.

Входит Н е р и с с а, одетая писцом адвоката.

Д о ж

Белларио вас из Падуи прислал?

Н е р и с с а

Да, ваша светлость. Он вам шлет почтение.

(Передает ему письмо.)

Бассанио
(Шейлоку)

Зачем ты так усердно точишь нож?

Шейлок
Чтоб резать у банкрота неустойку.

Грациано
Об душу, гнусный жид, не о подошву

Английский актер Мэклин в роли Шейлока

Ты точишь нож; но ни один металл,—
Секира палача не так остра,
Как злость твоя. Мольбы тебя не тронут

Шейлок

Нет, не найдет твой ум такой мольбы.

Грациано

О, будь ты проклят, пес неумолимый!
Вся жизнь твоя — закону злой укор.
Во мне почти поколебал ты веру;
И я почти поверить с Пифагором
Готов в переселенье душ животных
В тела людей. Твой гнусный дух жил в волке,
Повешенном за то, что грыз людей:
Свирепый дух, освободясь из петли,
В утробе подлой матери твоей
В тебя вселился; да, таков твой дух:
Несытный, волчий, кровожадный, хищный.

Шейлок

Хулой печати с векселя не снимешь,—
Тебе не стоит портить легких криком.
Побереги свой ум, юнец любезный,
Иль даром пропадет.— Я жду суда.

Дож

Белларио рекомендует нам

Ученого юриста молодого.
Где он?

Н е р и с с а

Тут, недалеко; ждет ответа.
Угодно будет вам его принять?

Д о ж

О, с радостью.— Пусть кто-нибудь пойдет;
Его сюда учтиво проводите.—
А суд пока заслушает письмо.

П и с е ц (*читает*). “Да будет известно вашей светлости, что письмо ваше застало меня тяжело больным; но в момент прибытия вашего гонца у меня находился дружески навестивший меня молодой законовед из Рима, — имя его Бальтазар. Я ознакомил его с делом, возникшим между жидом и купцом Антонио. Мы просмотрели вместе множество книг. Мнение мое он знает и, придав ему своей ученостью, обширность которой я не могу достаточно восхвалить, много большую ценность, он изложит его вам, заняв мое место ввиду полной невозможности мне прибыть. Прошу вас, пусть молодость не препятствует достодожной оценке его; я никогда не встречал в таком юном теле такой старчески мудрой головы. Поручаю его вашей благосклонности; но испытание его на деле будет ему наилучшей рекомендацией”.

Д о ж

Вы слышали, что пишет нам Белларио?

Входит П о р ц и я, одетая доктором прав.

Д о ж

А вот, должно быть, доктор.— Вашу руку!
Так это вы от старого Белларио?

П о р ц и я

Да, ваша светлость.

Д о ж

Мой привет; садитесь.
Скажите, вы уже знакомы с тяжбой,
Которую здесь разбирает суд?

П о р ц и я

Я с делом ознакомился подробно.
Который здесь купец? Который жид?

Д о ж

Антонио, старый Шейлок, — подойдите.

П о р ц и я

Зовут вас Шейлок?

Ш е й л о к

Шейлок — мое имя.

П о р ц и я

Вы предъявили иск необычайный;

Но все по правилам, — закон Венеции
Не может запретить вам этот иск.

(К Антонио.)

И с вас взыскать он вправе по суду?

А н т о н и о

Он так сказал.

П о р ц и я

Вы признаете вексель?

А н т о н и о

Да.

П о р ц и я

Ну, так должен жид быть милосердным.

Ш е й л о к

А по какой причине должен? А?

П о р ц и я

Не действует по принуждению милость;
Как теплый дождь, она спадает с неба
На землю и вдвойне благословенна:
Тем, кто дает и кто берет ее.
И власть ее всего сильнее у тех,
Кто властью облечен. Она приличней
Венчанному монарху, чем корона.

Знак власти временной есть царский скипетр:
Он — атрибут величья и почета,
Внушающий пред царской мощью трепет;
Но милость выше мановенья скиптра,
И трон ее живет в сердцах царей.
Она есть свойство бога самого;
Земная власть тогда подобна божьей
Когда с законом милость сочетает.
Жид, за тебя закон; но вспомни только,
Что если б был без милости закон,
Никто б из нас не спасся. Мы в молитве
О милости взываем — и молитва
Нас учит милости. — Все это я
Сказал, чтобы смягчить тебя; но если
Ты требуешь, то строгий суд Венеции
Обязан вынести приговор купцу.

Ш е й л о к

На голову мою мои дела!
Я требую закона и уплаты.

П о р ц и я

Но разве он внести не может денег?

Б а с с а н и о

О да, я пред судом здесь предлагаю
Удвоить сумму; если это мало,

Я обязуюсь удесятерить.
Ручаюсь головой, рукой и сердцем, —
Коль мало этого, так, значит, зло
Попрало истину. Я вас молю,
Закон хоть раз своей склоните властью;
Для высшей правды малый грех свершите
И обуздайте дьявольскую волю.

П о р ц и я

Нет, так нельзя; в Венеции нет власти,
Чтоб изменить уставленный закон.
То был бы прецедент, и по примеру
Его немало вторглось бы ошибок
В дела республики. Нет, так нельзя.

Ш е й л о к

О, Даниил здесь судит! Даниил!
Почет тебе, о мудрый судия!

П о р ц и я

Прошу вас, дайте мне взглянуть на вексель.

Ш е й л о к

Вот, вот он, мой почтенный доктор, вот он.

П о р ц и я

Вам втрое сумму предлагают, Шейлок.

Шейлок

А клятва? Клятва? Небу дал я клятву!
Так неужель мне душу погубить?
Нет, нет, за всю Венецию...

Порция

Итак,
Просрочен вексель. Жид законно может
Потребовать фунт мяса у купца
Как можно ближе к сердцу. — Смиლოსердись!
Возьми втройне и дай порвать мне вексель.

Шейлок

Когда он будет полностью оплачен.
Как видно, вы достойный судия:
Вы знаете закон; решение ваше
Прекрасно. Именем того закона,
Которому вы служите опорой,
Прошу — кончайте суд. Клянусь
душою,

Ничей язык меня разубедить
Не в силах; я за вексель мой стою.

Антонио

От всей души я умоляю суд
Произнести свой приговор.

П о р ц и я

Пусть так.

Вот он: готовьте грудь его ножу.

Ш е й л о к

Судья прекрасный! Юноша достойный!

П о р ц и я

И дух и текст закона совершенно
Находятся в согласье с неустойкой,
Которая здесь в векселе стоит.

Ш е й л о к

Так, точно так, судья правдивый, мудрый!
Насколько же ты старше, чем на вид!

П о р ц и я

Так обнажите грудь.

Ш е й л о к

Да! Грудь его!

Так в векселе стоит, судья почтенный, —
Не так ли? Ближе к сердцу — так стоит там.

П о р ц и я

Да, так. А есть ли здесь весы, чтоб взвесить
Фунт мяса?

Шейлок

Я принес их.

Порция
(Шейлоку)

Хирурга на свой счет возьмите — раны
Перевязать, иль изойдет он кровью.

Шейлок

А в векселе написано об этом?

Порция

Нет, не написано; но что ж такое?
Из милосердия надо это сделать.

Шейлок

Ну, нет: об этом в векселе ни слова.

Порция

Купец, что вы имеете сказать?

Антонио

Не много: я готов, вооружен.
Дай руку мне, Бассанио; прости
И не скорби, что за тебя я гибну.
Судьба ко мне добрее, чем обычно:

Г р а ц и а н о

И я люблю жену, но был бы рад,
Чтоб в небесах она уже могла
Молить все силы неба о смягченье
Жестокого жида!

Н е р и с с а

Вот хорошо,
Что за ее спиной вы так сказали:
Не то б у вас тревожно стало в доме.

Ш е й л о к

(в сторону)

Вот браки христиан! Я дочь имею...
О, лучше бы из племени Варравы
Ей муж достался, чем христианин!—
Мы тратим время. Приговор исполним.

П о р ц и я

Фунт мяса от купца по праву твой.
Так суд решил, и так велит закон.

Ш е й л о к

Судья премудрый!

П о р ц и я

И мясо можешь вырезать из груди;
Так повелел закон, так суд решил.

Шейлок

Судья мудрец! Вот приговор! Готовься!

Порция

Постой немного; есть еще кой-что.
Твой вексель не дает ни капли крови;
Слова точны и ясны в нем: фунт мяса.
Бери же свой долг, бери же свой фунт мяса;
Но, вырезая, если ты прольешь
Одну хоть каплю христианской крови,
Твое добро и земли по закону
К республике отходят.

Грациано

Судья достойный! — Жид, заметь! — О мудрый!

Шейлок

Таков закон?

Порция

Его ты можешь видеть.
Ты хочешь правосудья? Будь уверен —
Его получишь больше, чем желаешь.

Грациано

Мудрец! Что, жид? Заметь: судья ученый!

Порция и Шейлок на суде. Художник Адольф Шмитц

Шейлок

Так я согласен получить втройне,
И пусть идет христианин!

Бассанио

Вот деньги.

Порция

Постойте!

Жид хочет правосудья; не спешите, —
Он должен получить лишь неустойку.

Грациано

О жид! Что за судья — достойный, мудрый!

Порция

Итак, готовься мясо вырезать,
Но крови не пролей. Смотри, отрежь
Не больше и не меньше ты, чем фунт:
Хотя б превысил иль уменьшил вес
На часть двадцатую двадцатой доли
Ничтожнейшего скрупула, хотя бы
На волосок ты отклонил иглу
Твоих весов, — то смерть тебя
постигнет,
Имущество ж твое пойдет в казну.

Г р а ц и а н о

О новый Даниил!— Жид!— Даниил!—
А, нехристь, ты теперь-таки попался!

П о р ц и я

Что медлит жид? Бери же неустойку!

Ш е й л о к

Отдайте деньги мне, и я уйду.

Б а с с а н и о

Я приготовил их тебе — возьми.

П о р ц и я

Он пред судом от денег отказался,—
По праву он получит неустойку.

Г р а ц и а н о

О Даниил! Да, новый Даниил!—
Спасибо, жид, что подсказал мне слово.

Ш е й л о к

Ужель не получу я капитала?

П о р ц и я

Получишь ты одну лишь неустойку,—
Бери ее на собственный свой страх.

Шейлок

Так пусть же черт берет ее себе.
Мне нечего здесь делать!

Порция

Жид, постой;
Претензию к тебе имеет суд.
В Венеции таков закон, что если
Доказано, что чужестранец прямо
Иль косвенно посмеет покуситься
На жизнь кого-либо из здешних
граждан, —
Получит потерпевший половину
Его имущества, причем другая
Идет в казну республики, а жизнь
Преступника от милосердья дожа
Зависит: он один решает это.
Вот ныне положение твое:
Улики ясные нам подтверждают,
Что посягал ты косвенно и прямо
На жизнь ответчика и тем навлек
Опасность на себя, как я сказал.
Пади же ниц — и милости проси!

Грациано

Моли, чтоб сам повеситься ты мог;
Хоть, раз в казну идет твое богатство,

Тебе не хватит денег на веревку.
Казна тебя повесит за свой счет.

Д о ж

Чтоб ты увидел наших чувств различье,
Дарую жизнь тебе еще до просьбы.
Имущество твоё разделим мы
Между Антонио и государством.
Покайся — мы заменим это штрафом.

Порция

Да, что касается той половины,
Которую получит государство;
Другая же к Антонио отойдет.

Шейлок

Берите жизнь и все; прощать не надо.
Берите вы мой дом, отняв опору,
Чем он держался; жизнь мою
берите.
Отнявши все, чем только я живу.

Порция

Окажет ли ему Антонио милость?

Г р а ц и а н о

Веревку даром даст; а что же больше?

А н т о н и о

Коль вы, светлейший дож и суд, решите
Взять штраф взамен законной половины,
С меня довольно, если он запишет
Вторую половину на меня,—
Чтоб после смерти Шейлока я отдал
Ее тому, кто дочь его похитил.
Еще: во-первых, чтоб за эту милость
Немедленно он принял христианство;
И, во-вторых, чтоб здесь, перед судом,
Он тотчас завещал все, что имеет,
По доброй воле дочери и зятю.

Д о ж

Быть по сему: иначе отменю я
Прощение, что даровал ему.

П о р ц и я

Доволен ли ты этим, жид? Что скажешь?

Ш е й л о к

Доволен.

П о р ц и я

Пусть писец составит акт.

Ш е й л о к

Прошу вас, разрешите мне уйти;

Мне худо. Документ ко мне пришлите, —
Я подпишу.

Д о ж

Ступай, но все исполни.

Г р а ц и а н о

Двух крестных ты получишь при крестинах;
Будь я судьей, прибавил бы десяток;
На виселицу бы тебя они,
А не к святой купели проводили.

Шейлок уходит.

Д о ж

(Порции)

Прошу вас отобедать у меня.

П о р ц и я

Прошу прощенья, ваша светлость: должен
Я в Падуе сегодня ж ночью быть,
И мне пора уж отправляться в путь.

Д о ж

Жаль, что досуг не позволяет вам. —
Антонио, наградите вы синьора;
По-моему, вы перед ним в долгу.

Дож со свитой уходит.

Б а с с а н и о

Синьор почтеннейший, меня и друга
Избавили вы мудростью своей
От страшного несчастья, и за это
Те деньги, что жиду предназначались,
Позвольте вам за славный труд вручить.

А н т о н и о

И все ж в долгу остаться неоплатном,
Любя вас и служа вам весь свой век.

П о р ц и я

Нет лучшей платы, чем большая радость;
А я, освободив вас, очень рад
И, значит, щедро плату получил
Корыстнее я не был никогда!
Прошу меня признать при новой встрече.
Желаю счастья вам. Итак, прощайте.

Б а с с а н и о

Синьор мой, все ж настаивать я буду:
На память что-нибудь от нас примите —
Как дань любви, не плату. Я прошу вас
Не отказать мне и простить меня.

П о р ц и я

Вы так настойчивы, что уступлю я.

(К Антонио.)

Перчатки я возьму у вас на память.

(К Бассанио.)

А вы мне дайте перстень в знак любви.

Отдернули вы руку? Не хочу я

Иного; если любите, отдайте.

Б а с с а н и о

Синьор... Мой перстень — это ведь безделка!

Мне стыдно вам дарить такой пустяк.

П о р ц и я

Я не желаю ничего другого —

Такая мне фантазия пришла.

Б а с с а н и о

Тут дело не в цене; вам подарю

В Венеции я самый лучший перстень,

Найдя его посредством объявления.

Но этот удержать позвольте мне.

П о р ц и я

Я вижу — вы щедры на обещанья!

Сперва меня просить вы научили,

Теперь же учите, — я вижу ясно, —

Как надо попрошайкам отвечать.

Б а с с а н и о

Синьор, жена дала мне этот перстень,
Взяв клятву, что не буду никогда
Его дарить, терять иль продавать.

П о р ц и я

Предлог удобный — отказать в подарке.
Коль не сошла с ума у вас жена, —
Узнав, чем заслужил я этот перстень,
Она на вас разгневаться не может,
Что дали мне его. Что ж, будьте здоровы.

Порция и Нерисса уходят.

А н т о н и о

Бассанио, отдай ему ты перстень.
Его заслуги и любовь ко мне
Должны жены твоей приказ превысить.

Б а с с а н и о

Беги, Грациано, догони его,
Дай перстень; приведи его, коль сможешь,
К Антонио в дом. Ступай же, торопись!

Грациано уходит

Пойдем; отправимся и мы туда же.
А завтра рано утром устремимся
В Бельмонт с тобою мы. Идем, Антонио.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Улица.

Входят Порция и Нерисса, все еще переодетые.

Порция

Спроси, где дом жида; дай акт ему —
Пускай подпишет. Мы уедем в ночь
И раньше, чем мужа, домой вернемся.
Лоренцо будет рад бумаге этой.

Входит Грациано.

Грациано

Ну вот, я и догнал вас!
Синьор Бассанио после размышленья
Вам перстень шлет и очень просит вас
С ним отобедать!

Порция

Это невозможно.
Но перстень с благодарностью
приму, —
Так и скажите. Кстати, укажите
Дом Шейлока вы моему писцу.

Грациано

Исполню с радостью!

Н е р и с с а

Синьор, два слова.

(Тихо Порции.)

Удастся ль выманить у мужа перстень,
Что клялся он хранить, я посмотрю.

П о р ц и я

(тихо, Нериссе)

Ручаюсь я, что да. Вот будут клясться,
Что перстни отдали они мужчинам!
Но мы их уличим и переспорим.

(Громко.)

Спеши! Ты знаешь, где я буду ждать.

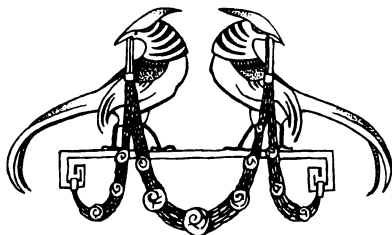
Н е р и с с а

(к Грациано)

Пойдем; вы мне укажите дорогу.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Бельмонт. Аллея, ведущая к дому Порции.

Входит Лоренцо и Джессика.

Лоренцо

Как ярок лунный свет... В такую ночь,
Когда лобзал деревья нежный ветер,
Не шелестя листвою,— в такую ночь
Троил всходил на стены Трои, верно,
Летя душой в стан греков, где Крессиды
Покоилась в ту ночь.

Джессика

В такую ночь
Пугливо по росе ступала Фисба
И, тень от льва увидев раньше льва,
Бежала в ужасе...

Лоренцо

В такую ночь

Дидона, с веткой ивы грустно стоя
На берегу морском, манила друга
Вернуться в Карфаген.

Д ж е с с и к а

В такую ночь
Медея, верно, собирала травы
Волшебные, чтоб молодость вернуть
Эзону старому.

Л о р е н ц о

В такую ночь,
Покинув дом богатого жида,
С беспутным другом Джессика бежала
Из города в Бельмонт!

Д ж е с с и к а

В такую ночь
Лоренцо юный клялся ей в любви
И клятвами украл ее он душу;
Все клятвы были ложь!

Л о р е н ц о

В такую ночь
Хорошенькая Джессика-малютка,
Обидчица-шалунья, клеветала
На милого, и он ее простил.

Д ж е с с и к а

Нашла б ночей я больше, если б мы
Одни здесь были; но шаги я слышу.

Входит Стефано.

Л о р е н ц о. Кто так спешит сюда в молчанье ночи?

С т е ф а н о. Ваш друг!

Л о р е н ц о. Друг? Что за друг? Как ваше имя, друг?

С т е ф а н о

Стефано!

Я вам приношу известье,
Что на рассвете госпожа моя
В Бельмонте будет; у крестов она
Сейчас коленопреклоненно молит
О счастии в супружестве!

Л о р е н ц о

Кто с ней?

С т е ф а н о

Святой монах с ней и служанка только.
Прошу, скажите — наш синьор вернулся?

Л о р е н ц о

Нет, и о нем не слышно ничего.
Пойдем, однако, Джессика; с тобою

Торжественную встречу как-нибудь
Мы приготовим для хозяйки дома.

Входит Ланчелот

Ланчелот. Ола́, ола́, о-го-го! Ола́-ола́!

Лоренцо. Кто там зовет?

Ланчелот. Ола́, ола́! Не видали ли вы господина Лоренцо, господина Лоренцо?

Лоренцо. Перестань орать, малый, я здесь.

Ланчелот. Ола́! Где, где?

Лоренцо. Здесь.

Ланчелот. Скажите ему, что от хозяина прибыл гонец; его почтовый рог набит добрыми вестями. Хозяин будет дома еще до утра. (*Уходит.*)

Лоренцо

Душа моя, пойдем; там ждать их будем.

А, впрочем, для чего идти нам в замок?

Стефано, друг, прошу вас, сообщите

Домашним, что хозяйка их уж близко,

И музыкантов позовите в сад.

Стефано уходит.

Как славно дремлет лунный свет на горке!

Дай сядем здесь, — пусть музыки звучанье

Нам слух ласкает; тишине и ночи

Подходит звук гармонии сладчайший.

Сядь, Джессика. Взгляни, как небосвод

Джессика и Лоренцо в Бельмонте. Художник Вильям Годжес

Весь выложен кружками золотыми;
И самый малый, если посмотреть,
Поет в своем движенье, точно ангел,
И вторит юнооком херувимам.
Гармония подобная живет
В бессмертных душах; но пока она
Земною, грязной оболочкой праха
Прикрыта грубо, мы ее не слышим.

Входят музыканты.

Сюда! Диану разбудите гимном.
Хозяйки вашей слух плените сладко
И привлеките музыкой ее.

Музыка.

Д ж е с с и к а

От сладкой музыки всегда мне грустно.

Л о р е н ц о

Причина та, что слушает душа.
Заметь: степные дикие стада
Иль необъзженных коней табун
Безумно скачут, и ревут, и ржут,
Когда в них кровь горячая играет;
Но стоит им случайно звук трубы
Или иную музыку услышать,
Как тотчас же они насторожатся;
Их дикий взор становится спокойней

Под кроткой властью музыки. Поэты
Нам говорят, что музыкой Орфей
Деревья, скалы, реки чаровал.
Все, что бесчувственно, сурово, бурно,—
Всегда, на миг хоть, музыка смягчает;
Тот, у кого нет музыки в душе,
Кого не тронут сладкие созвучья,
Способен на грабеж, измену, хитрость;
Темны, как ночь, души его движенья
И чувства все угрюмы, как Эреб:
Не верь такому.— Слушай эту песню.

Входят Порция и Нерисса — в отдалении.

Порция

Ты видишь? В зале свет, горит огонь.
Как далеко свеча бросает луч!
Так добрые дела блестят в злом мире.

Нерисса

При лунном свете не видна свеча.

Порция

Так меркнет слава меньшая пред высшей.
Наместник ведь сияет, как король,
Пока король в отсутствии; а после
Его величье тонет, точно в море
Ручей ничтожный.— Музыка! Ты слышишь?

Нерисса

Синьора, это ваш оркестр домашний.

Порция

Все хорошо, когда бывает кстати;
Мне звуки слаще кажутся, чем днем.

Нерисса

Молчанье придает им эту прелесть.

Порция

Крик ворона и жаворонка пеньё
Равны, коль им внимают равнодушно.
И соловей, — когда б запел он днем,
Когда гогочет каждый гусь, —
считался б
Не лучшим музыкантом, чем щегленок.
Как многое от времени зависит
В оценке правильной и в совершенстве! —
Довольно! Спит луна с Эндимионом;
Не хочет просыпаться!

Музыка прекращается.

Л о р е н ц о

Это голос

Синьоры Порции — иль я ошибся?

Венецианский купец

П о р ц и я

Меня узнал он, как слепой — кукушку,
По голосу дурному.

Л о р е н ц о

О синьора,
Добро пожаловать!

П о р ц и я

Мы за мужей
Молились и надеюсь, что успешно.
Они вернулись?

Л о р е н ц о

Нет еще, синьора;
Но был сейчас от них гонец с известьем,
Что едут оба!

П о р ц и я

Так ступай, Нерисса,
И слуг предупреди, чтобы молчали
О том, что отлучались мы из дома.
И вы, Лоренцо; Джессика, и вы.

Звуки труб.

Л о р е н ц о

Супруг ваш близко: слышу я, трубят.
Не бойтесь, не болтливы мы, синьора.

Порция

Какая ночь! Как будто день больной;
Немногим лишь бледнее. Это день
Такой, как день, когда сокрылось солнце.

Входят Бассанио, Антонио, Грациано
и свита.

Бассанио

У нас бы день был, как у антиподов,
Являйся вы в часы, когда нет солнца.

Порция

Пусть я сияю, — только бы не жгла;
Ведь плохо на жене обжечься мужу, —
Я этого Бассанио не желаю.
А, впрочем, это все как бог захочет!..
Синьор, добро пожаловать в ваш дом.

Бассанио

Благодарю, синьора. Встретьте лаской
И друга моего: вот мой Антонио,
Кому так бесконечно я обязан.

Порция

Да, вы ему обязаны во всем:
Ведь он за вас немалым обязался!

А н т о н и о

Со мною расквитался он вполне.

П о р ц и я

Синьор, вы гость желанный в нашем доме;
Но это вам докажут не слова, —
Так сокращу словесную любезность.

Г р а ц и а н о
(Нериссе)

Клянусь луной, что ты несправедлива;
Поверь, его я дал писцу судьи.
Да пусть он стал бы евнухом, по мне,
Раз ты так это к сердцу принимаешь.

П о р ц и я

Ого! Уже и ссора? В чем же дело?

Г р а ц и а н о

В колечке золотом, в пустой безделке,
Что подарила мне она; с девизом —
Точь-в-точь стишок на черенке ножа:
“Люби меня, со мной не расставайся”.

Н е р и с с а

Что говоришь ты про девиз и цену?

Ты поклялся, когда ты перстень брал,
Что будет он с тобой до самой смерти
И что с тобой его положат в гроб.
Берег бы ты его из уваженья
Хоть не ко мне, так к этим громким клятвам!
Писцу судьи? Нет, нет! Бог мне судья:
Писец твой век останется безусым!

Г р а ц и а н о

Усатым будет, если доживет.

Н е р и с с а

Да, если женщина мужчиной станет!

Г р а ц и а н о

Клянусь рукой, я дал его юнцу,
Мальчишке, малышу, который ростом
Не выше был тебя: писцу судьи.
Он выклянчил его за труд в награду;
Ну, духу не хватило отказать.

П о р ц и я

Вас можно упрекнуть, — скажу вам прямо, —
Что с первым даром молодой жены
Расстались так легко. Надет он с клятвой
И этим с вашей верностью был скован.
Я тоже перстень мужу подарила;

Он клятву дал не расставаться с ним.
Вот он, и я готова клятву дать:
Он с пальца никогда его не снимет
За все богатства мира. Нет, Грациано,
Жену вы слишком больно огорчили.
Будь так со мной, с ума бы я сошла.

Б а с с а н и о
(в сторону)

Мне лучше б руку левую отсечь
И клятву дать, что с ней утратил перстень.

Г р а ц и а н о

Синьор Бассанио тоже отдал перстень
Судье, который попросил его
И заслужил, поистине! А мальчик,
Его писец, за труд просил мое.
Тот и другой не пожелали взять
Иное что-нибудь: просили только
Два этих перстня.

П о р ц и я

Что ж это за перстень
Вы отдали ему? Не мой, надеюсь?

Б а с с а н и о

Когда б к вине я мог прибавить ложь,

Я б отрицал; но видите — на пальце
Нет перстня вашего: я с ним расстался.

П о р ц и я

Так с верностью рассталось ваше сердце!
Свидетель бог: не стану вам женой,
Пока я перстня не увижу!

Н е р и с с а

Да!

И я, пока я перстня не увижу!

Б а с с а н и о

Знай ты, мой друг, кому я отдал перстень.
Знай ты, из-за кого я отдал перстень.
Пойми лишь ты, за что я отдал перстень,
И как я неохотно отдал перстень,
Когда принять хотели только перстень,—
Смягчила б ты свое негодование.

П о р ц и я

Знай вы, как драгоценен этот перстень,
Знай цену той, что отдала вам перстень,
Знай честь, что вам хранить велела перстень.
Вы б никогда не отдали тот перстень;
И кто ж бы был настолько неразумен,—
Когда бы вы отстаивали перстень

Бассанио и Порция. Художник Р. Вестоль

С горячностью, — кто был бы так нескромен,
Чтоб требовать то, что другим святыня?
Нерисса подсказала, что мне думать:
Хоть умереть — у женщины мой перстень.

Б а с с а н и о

Нет, не у женщины. Клянусь вам честью,
Клянусь душой, у доктора мой перстень, —
Достойный доктор денег не хотел,
Просил он перстень; отказал сперва я
И дал ему уйти в большой досаде —
Ему, что другу моему спас жизнь!
Что мне сказать, прекрасная супруга?
Я принужден был вслед ему послать;
Меня терзали стыд и долг приличья;
Мне честь пятнать себя не позволяла
Неблагодарностью. Простите ж мне;
Священными светилами ночными
Клянусь: будь вы со мной, меня б вы сами
Просили доктору отдать тот перстень.

П о р ц и я

Не допускайте доктора вы к дому,
Раз у него любимый перстень мой,
Что из любви ко мне клялись хранить вы.
Я щедростью хочу сравняться с вами:
Ни в чем не будет доктору отказа,

В моей любви и в брачном вашем ложе.
Я с ним сойдусь, уверена я в этом.
Не отлучайтесь на ночь, стерегите
Меня, как Аргус; чуть одна останусь, —
Клянусь я честью (честь еще моя),
Что доктора возьму к себе в кровать.

Н е р и с с а

А я — писца; так сами посудите —
Как без надзора оставлять меня?

Г р а ц и а н о

Ну ладно, пусть он мне не попадется, —
Не то пропасть перу его придется.

А н т о н и о

К несчастью, я причина этой распри.

П о р ц и я

Не огорчайтесь; все ж вы нам желанны.

Б а с с а н и о

Прости мне, Порция, мой грех невольный;
В присутствии друзей клянусь тебе
Твоими же прекрасными глазами,
Где вижу сам себя...

П о р ц и я

Заметьте это!

В моих глазах себя вдвойне он видит —
По разу в каждом... Двойственной душой
Клянись: доверья это стоит!

Б а с с а н и о

Слушай,

Прости мой грех, и я клянусь душой,
Что больше ввек я клятвы не нарушу.

А н т о н и о

Я тело заложил свое для счастья
Его; когда б не получивший перстень,
Оно погибло б; а теперь я душу
Отдам в залог того, что ваш супруг
Уж не нарушит верности обетов.

П о р ц и я

Вы за него порукой. Так отдайте
Ему; пусть лучше бережет, чем первый.

(Отдает Антонио перстень.)

А н т о н и о

(передавая перстень Бассанио)

Возьми Бассанио; клянись хранить.

Б а с с а н и о

Мой бог! Тот самый, что судье я дал!

П о р ц и я

Он отдал мне его; прости, Бассанио.
За это я спала с ним этой ночью.

Н е р и с с а

И ты прости, мой милый Грациано:
Писец судьи, мальчишка недорослый,
Вчера со мной за этот перстень спал.

Г р а ц и а н о

Да разве же дороги чинят летом,
Когда они в порядке? Что за черт!
Не заслужив рога, уж мы их носим.

П о р ц и я

Оставьте грубость. Вы удивлены?
Вот вам письмо, прочтите на досуге.
Из Падуи оно к вам, от Белларио:
Вы из него узнаете, что доктор
Был Порция, писец же был Нерисса.
Лоренцо подтвердит, что мы за вами
Уехали и только что вернулись.
Я в доме не была еще. Антонио,
Я припасла для вас такие вести,

Каких не ждете вы. Письмо прочтите;
Стоит в нем, что три ваши корабля
С богатым грузом возвратились в гавань.
Не стану говорить, как странный случай
Мне в руки дал письмо.

А н т о н и о

Я онемел!

Б а с с а н и о

Ты доктором была — и не узнал я?

Г р а ц и а н о

Так ты писец, что мне рога наставил?

Н е р и с с а

Да; но писец тебе их не наставит,
Пока мужчиною не станет он.

Б а с с а н и о

Прелестный доктор, ложе мы разделим;
А без меня ты спи с моей женой.

А н т о н и о

Синьора милая, вы жизнь мне дали
И средства к ней; за верное здесь пишу:
Суда мои пришли.

П о р ц и я

Ну, что, Лоренцо?
Писец мой кое-чем и вас утешит.

Н е р и с с а

Да, и за это платы не возьму.
Вот я вам с вашей Джессикой вручаю
Формальный акт, которым жид богатый
Вам отказал богатства все свои.

Л о р е н ц о

Красавицы, небесной манной вы
Осыпали голодных.

П о р ц и я

Скоро утро;
А, верно, вы подробно знать хотите,
Как все случилось. Так пойдемте в дом;
Там можете подвергнуть нас допросу,
И мы ответим честно вам на все.

Г р а ц и а н о

Ну, так вопрос мой первый, на который
Нерисса даст ответ мне под присягой:
Желает ли она до завтра ждать,
Или пойти на два часа в кровать?

Я ж предпочел бы утру мрак ночной,
Чтоб дольше мой писец лежал со мной.
Всю жизнь бояться буду одного:
Не потерять бы перстня твоего!

Уходят.

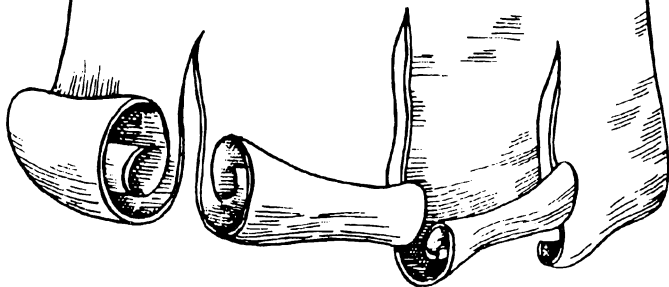

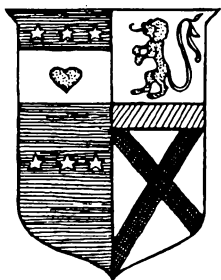

Сон в летнюю ночь

комедия в V актах

Перевод Т.Щепкиной-Куперник

Действующие лица

Тезей, герцог афинский.

Эгей, отец Гермии.

Лизандр | влюбленные

Деметрий | в Гермию.

Филострат, распорядитель увеселений при дворе
Тезея.

Пигва, плотник.

Миляга, столяр.

Основа, ткач.

Дудка, починщик раздувальных мехов.

Рыло, медник.

Заморыш, портной.

Ипполита, царица амазонок, обрученная
с Тезеем.

Гермия, влюбленная в Лизандра.

Елена, влюбленная в Деметрия.

Оберон, царь фей и эльфов.

Титания, царица фей и эльфов.

Пэк, или Добрый Малый Робин, маленький эльф.

Душистый горошек

Паутинка

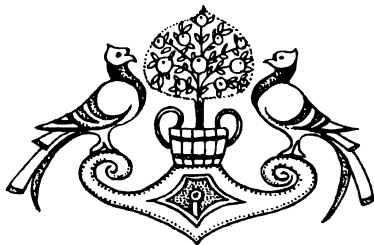
Мотылек

Горчичное Зерно

| эльфы.

Феи и эльфы, покорные Оберону и Титании,
свита.

Место действия — Афины и лес поблизости.

АКТ I

Сцена I

Афины, дворец Тезея.

Входят Тезей, Ипполита, Филострат и свита.

Тезей

Прекрасная, наш брачный час все ближе:
Четыре дня счастливых — новый месяц
Нам приведет. Но ах, как медлит старый!
Стоит он на пути к моим желаньям,
Как мачеха иль старая вдова,
Что юноши доходы заедает.

Ипполита

Четыре дня в ночах потонут быстро;
Четыре ночи в снах так быстро канут...
И полумесяц — лук из серебра,
Натянутый на небе, — озарит
Ночь нашей свадьбы!

A Midsummer Night's Dream

Тезей

Филострат, ступай!

Расшевели всю молодежь в Афинах
И резвый дух веселья пробуди.
Печаль для похорон пусть остается:
Нам на пиру не нужно бледной гостьи.

Филострат уходит.

Тезей

Тебя мечом я добыл, Ипполита,
Угрозами любви твоей добился,
Но свадьбу я в ином ключе сыграю:
Торжественно, и весело, и пышно!

Входят Эгей, Гермия, Лизандр и Деметрий.

Эгей

Будь счастлив, славный герцог наш Тезей!

Тезей

Благодарю тебя, Эгей! Что скажешь?

Эгей

Я в огорченье, с жалобой к тебе
На Гермия — да, на родную дочь! —
Деметрий, подойди! — Мой государь,
Вот тот, кому хотел отдать я дочь. —

“Сон в летнюю ночь”. Рис. Дж.Джилберта

Лизандр, и ты приблизься!— Государь мой!
А этот вот околдовал ей сердце.—
Ты, ты, Лизандр! Ты ей писал стихи,
Залогами любви менялся с ней,
Под окнами ее при лунном свете
Притворно пел любви притворной песни!
Ты в ход пускал, чтобы пленить ей сердце,
Браслеты, кольца из волос, конфеты,
Цветы, безделки, побрякушки — все,
Что юности неискушенной мило!
Коварством ты ее любовь похитил,
Ты послушанье, должное отцу,
В упрямство злое превратил!— Так если
Она при вас, мой государь, не даст
Согласия Деметрию, взываю
К старинному афинскому закону:
Раз дочь моя, могу всецело ею
Располагать; а я решил: Деметрий
Или — как предусмотрено законом
В подобных случаях — немедля смерть!

Т е з е й

Ну, Гермия, прекрасная девица,
Что скажешь ты? Обдумай хорошенько.
Отца должна считать ты как бы богом:
Он создал красоту твою, и ты —
Им отлитая восковая форма;

Ее оставить иль разбить — он вправе.
Деметрий — человек вполне достойный.

Г е р м и я

Лизандр мой — также.

Т е з е й

Да, сам по себе;
Но если твой отец не за него,
То, значит, тот достойней.

Г е р м и я

Как бы я
Хотела, чтоб отец смотрел моими
Глазами!

Т е з е й

Нет! Скорей твои глаза
Должны его суждению подчиняться.

Г е р м и я

Простите, ваша светлость, умоляю.
Сама не знаю, где нашла я смелость,
И можно ли, не оскорбляя скромность,
При всех мне так свободно говорить.
Но заклинаю, мне узнать позвольте:
Что самое плохое предстоит мне,
Когда я за Деметрия не выйду?

Тезей

Что? Смерть! Иль отречение навеки
От общества мужчин. Вот почему,
О Гермия, проверь себя. Подумай:
Ты молода... Свою спроси ты душу,
Когда пойдешь против отцовской воли:
Способна ль ты надеть наряд монашки,
Навек быть заключенной в монастырь,
Всю жизнь прожить монахиней бесплодной
И грустно петь луне холодной гимны?
Стократ блажен, кто кровь свою смиряет,
Чтоб на земле путь девственный свершить;
Но роза, в благовонье растворясь,
Счастливей той, что на кусте невинном
Цветет, живет, умрет — все одинокой!

Гермия

Так я цвести, и жить, и умереть
Хочу скорей, чем девичьи права
Отдать ему во власть! Его ярму
Душа моя не хочет покориться.

Тезей

Обдумай, Гермия! В день новолуния
(В день, что меня с моей любовью свяжет
На вечное содружество) должна
Ты быть готова: или умереть

За нарушение отцовской воли,
Иль обвенчаться с тем, кого он выбрал,
Иль дать навек у алтаря Дианы
Обет безбрачья и суровой жизни.

Д е м е т р и й

Смягчись, о Гермия! — А ты, Лизандр,
Моим правам бесспорным уступи.

Л и з а н д р

Деметрий, раз отец тебя так любит,
Отдай мне дочь, а сам женись на нем!

Э г е й

Насмешник дерзкий! Да, любовь отца —
За ним и с ней все то, чем я владею.
Но дочь — моя, и все права над нею
Я отдаю Деметрию сполна!

Л и з а н д р

Но, государь, с ним равен я рождением,
Да и богатством; я люблю сильнее;
По положенью я ничем не ниже,
Скорее даже выше, чем Деметрий;
А главное — что превышает все —
Я Гермией прекрасною любим!
К чему ж от прав моих мне отрекаться?

Деметрий — да, скажу ему в лицо —
В Елену, дочь Недара, был влюблен.
Ее увлек он. Нежная Елена
Непостоянного безумно любит,
Боготворит пустого человека!

Т е з е й

Признаться, я кой-что об этом слышал
И даже думал с ним потолковать;
Но, занятый важнейшими делами,
Забыл о том. — Иди со мной, Деметрий,
И ты, Эгей! Со мной идите оба,
И мы найдем, о чем поговорить! —
Ты ж, Гермия, старайся подчинить
Свои мечты желанию отца,
Не то предаст тебя закон афинский
(Которого мы изменить не в силах)
На смерть или на вечное безбрачье. —
Ну, Ипполита... Что, любовь моя?
Идем... — Деметрий и Эгей — за мною:
Я поручу вам кое-что устроить
К торжественному дню и потолкну
О том, что вас касается обоих.

Э г е й

Исполнить долг наш рады мы всегда.

Тезей, Ипполита, Эгей, Деметрий и свита уходят.

Л и з а н д р

Ну что, моя любовь? Как бледны щеки!
Как быстро вдруг на них увяли розы!

Г е р м и я

Не оттого ль, что нет дождя, который
Из бури глаз моих легко добыть.

Л и з а н д р

Увы! Я никогда еще не слышал
И не читал — в истории ли, в сказке ль, —
Чтоб гладким был путь истинной любви.
Но — или разница в происхожденье...

Г е р м и я

О горе! Вышему — плениться низшей!..

Л и з а н д р

Или различье в годах...

Г е р м и я

О насмешка!
Быть слишком старым для невесты юной!

Л и з а н д р

Иль выбор близких и друзей...

Г е р м и я

О мука!

Но как любить по выбору чужому?

Л и з а н д р

А если выбор всем хорош,— война,
Болезнь иль смерть всегда грозят любви
И делают ее, как звук, мгновенной,
Как тень, летучей и, как сон, короткой.
Так молния, блеснув во мраке ночи,
Разверзнет гневно небеса и землю,
И раньше, чем воскликнем мы: “Смотри!”—
Ее уже поглотит бездна мрака —
Все яркое так быстро исчезает.

Г е р м и я

Но если для влюбленных неизбежно
Страданье и таков закон судьбы,
Так будем в испытаньях терпеливы:
Ведь это для любви обычной крест,
Приличный ей,— мечты, томленья, слезы,
Желанья, сны — любви несчастной свита!

Л и з а н д р

Да, ты права... Но, Гермия, послушай:
Есть тетка у меня. Она вдова,
Богатая, бездетная притом.

Живет отсюда милях так в семи.
Так вот: она меня как сына любит!
Там, Гермия, мы можем обвенчаться.
Жестокие афинские законы
Там не найдут нас. Если правда любишь,
Ты завтра в ночь уйди тайком из дома.
В лесу, в трех милях от Афин, в том месте,
Где встретил вас с Еленой (вы пришли
Свершать обряды майским утром, помнишь?),
Тебя я буду ждать.

Г е р м и я

О мой Лизандр!

Клянусь крепчайшим луком Купидона,
Его стрелой лучшей, золотой,
Венериных голубок чистотой,
Огнем, в который бросилась Дидона,
Когда троянец поднял паруса, —
Всем, что любовь связуют небеса,
Тьмой клятв мужских, нарушенных безбожно
(В чем женщинам догнать их невозможно),
Клянусь: в лесу, указанном тобой,
Я буду завтра ночью, милый мой!

Входит Е л е н а.

Л и з а н д р

Ты сдержишь клятву... Но смотри — Елена!

Г е р м и я

Привет! Куда идешь, мой друг прекрасный?

Е л е н а

Прекрасна — я? О, не шути напрасно.
Твоя краса Деметрия пленяет,
Счастливица! Твой взор ему сияет
Светлей, чем звезды, голос твой милей,
Чем жаворонка песнь среди полей...
Будь красота прилипчивый недуг, —
Я б заразилась у тебя, мой друг!
Переняла бы у тебя украдкой
И блеск очей и нежность речи сладкой...
Будь мой весь мир, — Деметрия скорей
Взяла б себе я; всем другим — владей!
Но научи меня: каким искусством
Деметрия ты завладела чувством?

Г е р м и я

Я хмрю бровь — он любит все сильней.

Е л е н а

Такую власть — улыбке бы моей!

Г е р м и я

Клянусь его — в нем только ярче пламя!

Е л е н а

О, если б мне смягчить его мольбами!

Г е р м и я

Чем жестче я, тем он нежней со мной!

Е л е н а

Чем я нежней, тем жестче он со мной!

Г е р м и я

В его безумье — не моя вина.

Е л е н а

Твоей красы! О, будь моей, — вина!

Г е р м и я

Я больше с ним не встречусь: не страдай.

Мы навсегда покинем этот край!

Пока я здесь жила, любви не зная,

Афины мне казались лучше рая...

И вот — любовь! Чем хороша она,

Когда из рая сделать ад вольна?

Л и з а н д р

Елена, друг, открою все тебе я:

Назавтра в ночь, едва узрит Фебея

Свой лик сребристый в зеркале речном,
Камыш усыпав жидким жемчугом, —
В час, что влюбленных тайны бережет,
Мы выйдем с ней из городских ворот.

Г е р м и я

В лесу, где часто лежат меж цветами,
Делились мы девичьими мечтами,
Лизандр мой должен встретиться со мной,
И мы покинем город наш родной,
Ища иных друзей, иного круга.
Прощай же, детских дней моих подруга!
Прошу, о нашей помолись судьбе,
И бог пошли Деметрия тебе. —
Так помни уговор, Лизандр: до ночи
Должны поститься будут наши очи.

Л и з а н д р

Да, Гермия моя...

Гермия уходит.

Прощай, Елена!
Деметрия любви тебе желаю.

(Уходит.)

Е л е н а

Как счастлива одна в ущерб другой!
В Афинах с ней равна я красотой...

Рисунок с греческой вазы

Что из того? Он слеп к моей красе:
Не хочет знать того, что знают все.
Он в заблужденье, Гермией плененный;
Я — также, им любуясь ослепленно.
Любовь способна низкое прощать
И в доблести пороки превращать,
И не глазами — сердцем выбирает:
За то ее слепой изображают.
Ей с здравым смыслом примириться
трудно.

Без глаз — и крылья: символ безрассудной
Поспешности!.. Ее зовут — дитя;
Ведь обмануть легко ее шутя.
И как в игре божатся мальчуганы,
Так ей легки и нипочем обманы.
Пока он не был Гермией пленен,
То градом клятв в любви мне клялся он;
Но лишь от Гермии дохнуло жаром, —
Растаял град, а с ним все клятвы даром.
Пойду, ему их замыслы открою:
Он, верно, в лес пойдет ночной порою;
И если благодарность получу,
Я дорого за это заплачу.
Но мне в моей тоске и это много —
С ним вместе в лес и из лесу дорога!

(Уходит.)

Сцена 2

Афины. Комната в хижине.

Входят Пигва, Миляга, Основа, Дудка, Рыло
и Заморыш.

П и г в а. Вся ли наша компания в сборе?

О с н о в а. А ты лучше сделай переключку: вызови нас всех по списку.

П и г в а. Вот список с именами всех, кого нашли мало-мальски пригодными, чтобы представить нашу интермедию перед герцогом и герцогиней вечером в день их бракосочетания.

О с н о в а. Прежде всего, добрейший Питер Пигва, скажи нам, в чем состоит пьеса, потом прочти имена актеров, — так и дойдешь до точки!

П и г в а. Правильно! Пьеса наша — “Прежалостная комедия и весьма жестокая кончина Пирама и Фисбы”.

О с н о в а. Превосходная штука, заверяю вас словом, и превеселая! Ну, добрейший Питер Пигва, теперь вызови всех актеров по списку. Граждане, стройтесь в ряд!

П и г в а. Отвечайте по вызову!.. Ник Основа!

О с н о в а. Есть! Назови мою роль и продолжай переключку.

П и г в а. Тебя, Ник Основа, наметили на Пирама.

О с н о в а. Что такое Пирам? Любовник или злодей?

П и г в а. Любовник, который предоблестно убивает себя из-за любви.

О с н о в а. Ага! Значит, тут требуются слезы, чтобы сыграть его как следует. Ну, если я возьмусь за эту роль, — готовь, публика, носовые платки! Я бурю подниму... Я в некоторой степени сокрушаться буду... Но, сказать по правде, главное мое призвание — роли злодеев. Е р к у л е с а я бы на редкость сыграл или вообще такую роль, чтобы землю грызть и все кругом в щепки разносить!

Послышится рев,
Удары бойцов —
И рухнет засов
Жестокой темницы.
А Фиб, светлый бог,
Далек и высок,
Изменит злой рок
Со своей колесницы!

Каково это было? Отменно, а? Ну, вызывай других актеров. Вот вам была манера Еркулеса, характер злодея; любовник — куда слезоточивее.

П и г в а. Френсис Дудка, починщик раздувальных мехов!

Д у д к а. Есть, Питер Пигва!

П и г в а. Ты должен взять на себя роль Фисбы.

Д у д к а. А кто это будет Фисба? Странствующий рыцарь?

П и г в а. Нет, это дама, в которую влюблен Пирам.

Д у д к а. Нет, честью прошу, не заставляйте меня играть женщину: у меня борода пробивается!

П и г в а. Ничего не значит; можешь играть в маске и будешь пищать самым тоненьким голоском.

О с н о в а. А! Если можно играть в маске,— давайте, я вам и Фисбу сыграю: я могу говорить чудовищно тоненьким голосом. “Твоя, твоя... Ах, Пирам, мой любовник дорогой! Я твоя Фисба дорогая, я твоя дама дорогая!”

П и г в а. Нет! нет! Ты должен играть Пирама, а ты, Дудка,— Фисбу.

О с н о в а. Ну ладно. Валяй дальше!

П и г в а. Робин Заморыш, портной!

З а м о р ы ш. Есть, Питер Пигва!

П и г в а. Заморыш, ты будешь играть мать Фисбы.— Томас Рыло, медник!

Р ы л о. Есть, Питер Пигва!

П и г в а. Ты — Пирамов отец. Я сыграю Фисбина отца. Миляга, столяр, ты получишь роль Льва. Ну вот, надеюсь, что пьеса расходится у нас прекрасно.

М и л ы г а. А у вас роль Льва переписана? Вы мне теперь же ее дадите, а то у меня память очень туга на ученье.

П и г в а. Тут и учить-то нечего, и так сыграешь: тебе придется только рычать.

О с н о в а. Давайте, я вам и Льва сыграю! Я так буду рычать, что у вас сердце радоваться будет; я так буду рычать, что сам герцог обязательно скажет: “А ну-ка, пусть его еще порычит, пусть еще порычит!”

П и г в а. Ну, если ты будешь так страшно рычать, ты, пожалуй, герцогиню и всех дам насмерть перепугаешь; они тоже завопят, а этого будет довольно, чтобы нас всех перевешали!

В с е. Да, да, перевешают всех до одного!

О с н о в а. Это я с вами, друзья, согласен, что если мы настрашаем дам, так лучшего ничего не придумают, как нас всех вздернуть. Но я сумею так переделать мой голос, что буду рычать нежно, что твой птенчик-голубенок; буду вам рычать, что твой соловушка!

П и г в а. Никакой тебе роли нельзя играть, кроме Пирама, потому что Пирам — красивый молодец, как раз такой настоящий мужчина во цвете лет, первосортный мужчина, благовоспитанный, с манерами, ну, словом, точь-в-точь такой, как ты... Тебе только и играть Пирама.

О с н о в а. Ладно, согласен, беру роль. А в какой бороде мне ее играть?

П и г в а. Да в какой хочешь.

О с н о в а. Ладно. Я вам его представлю в бороде соломенного цвета. Или лучше в оранжево-бурой? Или в пурпурово-рыжей! Или, может быть, цвета французской короны — чисто желтого цвета?

П и г в а. У некоторых французских корон и вовсе никаких волос нет, и придется тебе играть с голой физиономией...— Ну, граждане, вот вам ваши роли, и я прошу вас, умоляю вас и заклинаю вас — вызубрить их наизусть к завтрашнему вечеру. А вечером приходите в дворцовый лес, в одной миле от города: там мы при лунном свете устроим репетицию. А то, если будем собираться в городе, об этом пронюхают и выболтают нашу затею. А пока что я составлю список бутафории, которая нам нужна для пьесы. И прошу вас — не подведите меня.

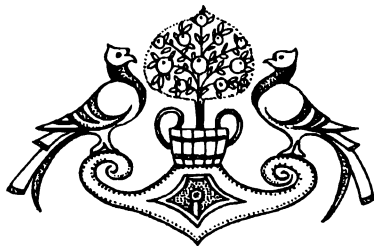
О с н о в а. Придем обязательно. Там можно будет репетировать, как говорится, бесцеремоннее, вольнее. Постарайтесь, не ударьте в грязь лицом! Пока будьте здоровы!

П и г в а. Встреча — у герцогского дуба.

О с н о в а. Ладно. Хоть удавитесь, а будьте на месте.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Лес поблизости от Афин.

Появляются с разных сторон фея и Пэк.

Пэк. А, фея! Здравствуй! А куда твой путь?

Фея

Над холмами, над долами,
Сквозь терновник, по кустам,
Над водами, через пламя
Я блуждаю тут и там!
Я лечу луны быстрее,
Я служу царице фей,
Круг в траве кроплю росой.
Буквицы — сс конвой.
Видишь золотой наряд?
Пятнышки на нем горят:
То рубины, цвет царицы,
В них весь аромат таится.

Для буквиц мне запас росинок нужен —
Вдеть каждой в ушки серьги из жемчужин.
Прощай, дух-увалень! Лечу вперед.
Сюда ж царица с эльфами придет.

П э к

Мой царь здесь ночью будет веселиться, —
Смотри, чтоб с ним не встретилась царица!
Он на нее взбешен, разгневан — страх!
Из-за ребенка, что при ней в пажих

Пэк и фея. Силуэт Поля Коневки

(Похищен у индийского султана).
Она балует, рядит мальчугана,
А Оберон-ревнивец хочет взять
Его себе, чтоб с ним в лесах блуждать.
Царица же всю радость видит в нем,
Не отдает! С тех пор лишь над ручьем,
На озаренной светом звезд полянке
Они сойдутся — вмиг за перебранки,
Да так, что эльфы все со страху — прочь,
Залезут в желудь и дрожат всю ночь!

Ф е я

Да ты... не ошибаюсь я, пожалуй:
Повадки, вид... ты — Добрый Малый Робин?
Тот, что пугает сельских рукодельниц,
Ломает им и портит ручки мельниц,
Мешает масло сбить исподтишка,
То сливки поснимает с молока,
То забродить дрожжам мешает в браге,
То ночью водит путников в овраге;
Но если кто зовет его дружком, —
Тем помогает, счастье носит в дом.
Ты — Пэк?

П э к

Ну да, я — Добрый Малый Робин,
Веселый дух, ночной бродяга шалый.

В шутах у Оберона я служу...
То перед сытым жеребцом заржу,
Как кобылица; то еще дурачусь:
Вдруг яблоком печеным в кружку спрячусь,
И лишь сберется кумушка хлебнуть,
Оттуда я к ней в губы — скок! И грудь
Обвислую всю окачу ей пивом.
Иль тетке, что ведет рассказ плаксиво,
Трехногим стулом покажусь в углу:
Вдруг выскользну — тррах! — тетка на полу.
Ну кашлять, ну вопить! Пойдет потеха!
Все умирают, лопааясь от смеха,
И, за бока держась, твердит весь хор,
Что не смеялись так до этих пор...
Но, фея, прочь! Вот царь. Ступай отсюда.

Ф е я

А вот она! Ах, не было бы худа!

Входят с одной стороны О б е р о н со своей с в и т о й,
с другой Т и т а н и я со своей.

О б е р о н

Не в добрый час я при сиянье лунном
Надменную Титанию встречаю.

Т и т а н и я

Как, это ты, ревнивец Оберон?—

Летимте, эльфы, прочь! Я отреклась
От общества и ложа Оберона.

Оберон

Постой, негодная! Не я ль супруг твой?

Титания

Так, я — твоя супруга! Но я знаю,
Как ты тайком волшебный край
покинул

И в образе Корина на свирели
Играл весь день и пел стихи любви
Филлиде нежной. А зачем ты здесь?
Из дальней Индии затем явился,
Что дерзкую любовницу твою,
В котурнах амазонку, нынче в жены
Берет Тезей, и хочешь ты их ложу
И счастье и радость даровать?

Оберон

Стыдись, стыдись, Титания! Тебе ли
Меня за Ипполиту упрекать?
Я знаю ведь твою любовь к Тезею!
Не ты ль его в мерцанье звездной ночи
От бедной Перигены увела?
Не для тебя ль безжалостно он бросил
Эгмею, Ариадну, Антиопу?

Титания. С картины К.Медоуса

Т и т а н и я

Всё измышленья ревности твоей!
Уж с середины лета мы не можем
Сойтись в лугах, в лесу, у шумной речки,
У камнем обнесенного ключа,
На золотом песке, омытом морем,
Водить круги под свист и песни ветра,
Чтоб криком не мешал ты нашим играм!
И ветры нам напрасно пели песни.
В отместку подняли они из моря
Зловредные туманы. Те дождем
На землю пали. Реки рассердились
И вышли, возгордясь, из берегов.
С тех пор напрасно тянет вол ярмо,
Напрасно пахарь льет свой пот: хлеба
Сгнивают, усиков не отрастив.
Пусты загоны в залитых полях,
От падали вороны разжирели...
Грязь занесла следы веселых игр;
Тропинок нет в зеленых лабиринтах:
Зарос их след, и не найти его!
Уж смертные зимы скорее просят;
Не слышно песен по ночам у них...
И вот луна, властительница вод,
Бледна от гнева, воздух весь омыла
И ревматизм всюду развела.
Мешаются все времена в смятенье:

И падает седоголовый иней
К пунцовой розе в свежие объятья;
Зато к короне ледяной зимы
Венок душистый из бутонов летних
В насмешку прикреплен. Весна и лето,
Рождающая осень, и зима
Меняются нарядом, и не может
Мир изумленный различить времен!
Но бедствия такие появились
Все из-за наших ссор и несогласий:
Мы — их причина, мы их создаем.

Оберон

В твоих руках все изменить: к чему
Титания перечит Оберону?
Ведь я прошу немного: отдай
Ты мальчика в пажи мне!

Титания

Будь спокоен:
За весь твой край волшебный не отдам!
Ведь мать его была моею жрицей.
С ней в пряном воздухе ночей индийских
На золотых нептуновых песках
Сидели часто мы, суда считая.
Смеялись с ней, смотря, как паруса,
Беременные ветром, надувались...

Она шутя им мило подражала
(В то время тяжела она была
Моим любимцем) и плыла, как будто
С какой-нибудь безделкой возвращаясь
Ко мне, как бы из плавания с товаром...
Но смертною была моя подруга,
И этот мальчик стоил жизни ей.
Любя ее, ребенка я взлелею;
Любя ее, я не отдам его!

Оберон

Как долго ты пробудешь здесь в лесу?

Титания

Должно быть, до венчания Тезея.
Коль хочешь с нами мирно танцевать
И веселиться при луне, — останься.
Коль нет, — ступай, и я уйду подальше.

Оберон

Отдай ребенка, я пойду с тобой!

Титания

Ни за волшебный край! — За мною, эльфы!
Коль не уйдешь, — поссоримся навек.

Титания и ее свита уходят.

Оберон

Иди! Ты не уйдешь из леса раньше,
Чем за обиду я не отомщу, —
Мой милый Пэк, пойдя сюда! Ты помнишь,
Как слушал я у моря песнь сирены,
Взобравшейся к дельфину на хребет?
Так сладостны и гармоничны были
Те звуки, что сам грубый океан
Учтиво стихнул, внемля этой песне,
А звезды, как безумные, срывались
С своих высот, чтоб слушать песнь...

Пэк

Я помню!

Оберон

В тот миг я увидал (хоть ты не видел):
Между луной холодной и землею
Летел вооруженный Купидон.
В царящую на Западе Весталку
Он целился и так пустил стрелу,
Что тысячи сердец пронзить бы мог!
Но огненная стрелка вдруг погасла
Во влажности лучей луны невинной,
А царственная жрица удалилась
В раздумье девственном, чужда любви.
Но видел я, куда стрела упала:

Сирена, Купидон и царственная Весталка. Художник Б.Шоу

На Западе есть маленький цветок;
Из беслого он алым стал от раны!
“Любовью в праздности” его зовут.
Найди его! Как он растет, ты знаешь...
И если соком этого цветка
Мы смажем веки спящему, — проснувшись,
Он в первое живое существо,
Что он увидит, влюбится безумно.
Найди цветок и возвратись скорее,
Чем милою проплывет Левиафан.

П э к

Весь шар земной готов я облететь
За полчаса.

(Исчезает.)

О б е р о н

Добывши этот сок,
Титанию застигну спящей я,
В глаза ей брызну жидкостью волшебной,
И первый, на кого она посмотрит,
Проснувшись, — будь то лев, медведь иль волк,
Иль бык, иль хлопотливая мартышка, —
За ним она душою устремится,
И раньше, чем с нее сниму я чары
(Что я могу другой травой сделать),
Она сама мне мальчика отдаст!

Но кто сюда идет? Я невидимкой
Могу подслушать смертных разговор.

Входит Деметрий; Елена следует за ним.

Деметрий

Я не люблю тебя! Оставь меня!
Ну, где же Гермия и где Лизандр?
Хочу убить его, — убит я сую!
Сказала ты: они бежали в лес...
Ну вот, я здесь — я пнем стою в лесу,
А Гермии здесь нету и в помине!
Пошла ты прочь и не тянись за мной!

Елена

Ты притянул меня, магнит жестокий,
Хоть не железо тянешь ты, а сердце,
Которое в любви верней, чем сталь.
Брось привлекать — не стану я тянуться.

Деметрий

Да разве я любезничал с тобою?
Я завлекал тебя? Сказал я прямо,
Что не люблю, не полюблю тебя.

Елена

А я зато люблю тебя все больше.
Ведь я твоя собачка: бей сильнее —

Я буду лишь в ответ вилять хвостом.
Ну, поступай со мной, как с собачонкой:
Пинай ногою, бей, гони меня;
Позволь одно мне только, недостойной
(Могла ли бы я меньшее просить?) —
Чтоб, как собаку, ты меня терпел.

Д е м е т р и й

Не искушай ты ненависть мою.
Меня тошнит, когда тебя я вижу.

Е л е н а

А я больна, когда тебя не вижу.

Д е м е т р и й

Свою ты скромность подвергаешь риску,
Покинув город и отдав себя
Тому на волю, кто тебя не любит:
Ты доверяешь искушениям ночи
И злым внушениям этих мест пустынных
Сокровище невинности своей.

Е л е н а

Твоя же честь защитой будет мне!
Твое лицо мне освещает ночь.
Пустынным этот лес я не считаю;
Ты здесь со мной, ты для меня — весь мир.

Как я могу сказать, что я одна,
Когда весь мир здесь смотрит на меня?

Д е м е т р и й

Я убегу и спрячусь в чаще леса,
Тебя ж зверям я брошу на съеденье.

Е л е н а

Ах! Самый лютый зверь добрей! Ну что ж,
Беги. Пусть переменятся все сказки:
Пусть гонится за Аполлоном Дафна,
Голубка — за грифоном, лань — за тигром, —
Бесцельная погоня, если храбрость
Бежит, а робость гонится за ней!

Д е м е т р и й

Довольно, не хочу я больше слушать!
Пусти! А если побежишь за мною,
Тебе в лесу я причиню обиду!

Е л е н а

Ах, ты давно обиды мне наносишь
Везде — во храме, в городе и в поле.
Стыдись! Во мне ты оскорбил всех женщин.
Нам не пристало за любовь сражаться:
Нас молят, ваше дело — умолять.
Я не отстану. Ад бывает раем,
Коль от руки любимой умираем.

Деметрий и Елена уходят.

Оберон

Путь добрый, нимфа! Минет ночь — и будешь
Ты убегать, он гнаться за тобой!

Появляется Пэк.

Привет мой, странник! Что, нашел цветок?

Пэк

Да, вот он!

Оберон

О! Давай его скорей!

Есть холм в лесу: там дикий тмин растет,
Фиалка рядом с буквицей цветет,
И жимолость свой полог ароматный
Сплела с душистой розою мускатной;
Там, утомясь веселою игрой,
Царица любит отдыхать порой,
Из сброшенной змеей блестящей кожи —
Для феи покрывало там на ложе.
Там ей в глаза впущу волшебный сок,
Чтоб странный бред Титанию увлек.
Но часть — возьми: блуждает здесь по лесу
Красавица, в надменного повесу
Влюбленная. Ему глаза ты смажь,
Но постарайся, чтоб красавец наш

Ее увидел, чуть откроет вежды.
Ищи: на нем афинские одежды.
Да сделай так, смотри, чтоб непременно
Сильней ее влюбился он мгновенно.
Вернись, покуда не пропел петух.

П э к

Не бойся, все исполнит верный дух.

Уходят.

Сцена 2

Другая часть леса.

Входит Титания со своей свитой.

Титания

Составьте круг теперь и спойте песню!
Потом на треть минуты — все отсюда:
Кто — убивать червей в мускатных розах,
Кто — добывать мышей летучих крылья
Для эльфов на плащи, кто — сов гонять,
Что ухают всю ночь, дивясь на нас.
Теперь вы убаюкайте меня,
Потом ступайте: я хочу уснуть.

Первый эльф
(поет)

В пестрых пятнах медяницы

Эльфы. Рисунок Дж.Джилберта

И колючие ежи,
Прочь, подальше от царицы,
Змеи, черви и ужи!

Х о р

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!
Баю, баю, баю, баю, баю, баю, бай!
Козни, чары вражьих ков,
Не смущайте светлых снов.
Спи, царица, отдыхай.
Доброй ночи, баю, бай!

Ее увидел, чуть откроет вежды.
Ищи: на нем афинские одежды.
Да сделай так, смотри, чтоб непременно
Сильней ее влюбился он мгновенно.
Вернись, покуда не пропел петух.

П э к

Не бойся, все исполнит верный дух.

Уходят.

Сцена 2

Другая часть леса.

Входит Т и т а н и я со своей свитой.

Т и т а н и я

Составьте круг теперь и спойте песню!
Потом на треть минуты — все отсюда:
Кто — убивать червей в мускатных розах,
Кто — добывать мышей летучих крылья
Для эльфов на плащи, кто — сов гонять,
Что ухают всю ночь, дивясь на нас.
Теперь вы убаюкайте меня,
Потом ступайте: я хочу уснуть.

П е р в ы й э л ь ф
(поет)

В пестрых пятнах медяницы

Эльфы. Рисунок Дж.Джилберта

И колючие ежи,
Прочь, подальше от царицы,
Змеи, черви и ужи!

Х о р

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!
Баю, баю, баю, баю, баю, баю, баю, бай!
Козни, чары вражьих ков,
Не смущайте светлых снов.
Спи, царица, отдыхай.
Доброй ночи, баю, бай!

Первый эльф

Вы не смейте делать худа,
Долгоножки-пауки!
Все улитки, прочь отсюда!
Сгиньте, черные жуки!

Хор

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!
Баю, баю... и т.д.

Второй эльф

Спокойно все... Теперь — летим.
Один — останься часовым!

Эльфы исчезают. Титания засыпает. Появляется Оберон.

Оберон

(выжимая цветок на глаза Титании)

Что увидишь, как проснешься,
Всей душой тем увлечешься.
Пусть любовь тебя гнетет:
Будь то волк, медведь, иль кот,
Иль с щетиной жесткой боров. —
Для твоих влюбленных взоров
Станет он всего милей.
Как придет, проснись скорей!

(Исчезает.)

Спящая Титания и Оберон. Художник Поль Туман

A Midsummer Night's Dream

Входят Лизандр и Гермия.

Лизандр

Любовь моя! Устала ты блуждать,
Но признаюсь, что сбился я с дороги.
Не хочешь ли прилечь и подождать,
Чтоб новый день рассеял все тревоги?

Гермия

Ну что ж, тогда найди себе приют;
А я на мшистый склон прилягу тут.

Лизандр

На тот же мох и я прилягу тоже:
Одно в нас сердце, пусть одно и ложе!

Гермия

Нет, нет, Лизандр мой! Я тебя люблю,
Но ляг подальше, я о том молю!

Лизандр

Мой друг, пойми невинность слов моих,
Любовь тебе понять поможет их.
Хотел сказать я, что любовь чудесно
В одно слила два наших сердца тесно
И клятвою их так связала оба,
Что верность в них одна живет до гроба.

В местечке рядом мне не откажи:
Поверь, что не способен я ко лжи.

Г е р м и я

Словами ты играешь преискусно;
Но гордости моей как было б грустно,
Когда в тебе я допустила б ложь!
Но уваженье и любовь ты все ж
Докажешь мне, коль дальше отойдешь:
Для юноши с девицей стыд людской
Не допускает близости такой...
Ляг дальше. Спи спокойно, без забот;
И только с жизнью пусть любовь пройдет.

Л и з а н д р

Аминь, аминь, — вослед твоей мольбе,
И пусть умру, коль изменю тебе.
Здесь лягу я. Во сне найди вновь силы!

Г е р м и я

Того же и тебе желаю, милый!

Засыпают. Входит П э к.

П э к

Я прошел весь лес насквозь:
Никого там не нашлось,
Чтоб на нем проверить мог
Я цветка волшебный сок.

Ночь... Молчанье... Тсс! Кто там?
Да не он ли это сам?
Это он, сомненья нет:
По-афински он одет.
Вот и девушка здесь тоже
Сладко спит на влажном ложе.
Ах, бедняжка! Так нежна...
И не смела лечь она
К бессердечному поближе?
О злодей! Ну, погоди же!

Лизандр, Гермия и Пэк. Силуэт Поля Коневки

(Выжимает сок цветка на глаза Лизандру.)

Властью чар поработен,
Пусть, едва проснется он,
От любви утратит сон.
Я ж лечу: ждет Оберон!

(Исчезает.)

Входит Деметрий, за ним бежит Елена.

Елена

О, подожди! Убей меня, убей!

Деметрий

Я говорю: прочь с глаз моих скорей!

Елена

Одну меня ты бросишь? Пощади!

Деметрий

Оставь меня, не то... Пусти! Уйди!

(Убегает.)

Елена

Нет сил! В погоне я изнемогаю.

Чем больше просьб, тем меньше достигаю.

О, счастье ей, — где б ни была она, —

Что прелесть звезд глазам ее дана!

И почему те звезды так блестящи?

Не от соленых слез: я плачу чаще!

Нет, я дурна, противна, как медведь!
Зверь на меня боится посмотреть.
Так как же мне Деметрию дивиться,
Что он, как зверь, прочь от меня стремится?
Как, зеркало, ты, лживое стекло,
Равняться с ней позволить мне могло?
Но что это? Лизандр? Он здесь лежит!
Но мертв иль спит? Нет крови, не убит.
Проснитесь, о Лизандр, мой друг! Что с вами?

Л и з а н д р
(просыпаясь)

Я за тебя с восторгом кинусь в пламя,
Прозрачная Елена! Вижу я,
Как в красоте сквозит душа твоя.
Деметрий где? Вот имя для того,
Кто от меча погибнет моего!

Е л е н а

Нет, нет, Лизандр, вы так не говорите.
Пускай ее он любит; но поймите:
Она вас любит — этого довольно!

Л и з а н д р

Довольно? Нет! Мне тяжело и больно,
Что с ней я тратил время добровольно!
Не Гермию люблю — люблю Елену.
Голубку взял вороне я в замену.

Ведь у рассудка воля в подчиненье,
А он сказал: ты выше без сравненья!
До времени ведь не созреть плодам:
Я молод был доселе по годам,
Но разум мой созрел до основанья
И ныне стал вождем моим желаньям.
В твоих глазах читаю в этот миг
Рассказ любви в прекраснейшей из книг.

Е л е н а

За что обречена я на мученья?
Чем заслужила эти оскорбленья?
Иль мало вам, иль мало вам того,
Что ласки я не вижу от него,
Что надо мной смеялись вы безбожно?
Нет, хуже поступить едва ль возможно!
Стыдиться б надо шутики вам дурной:
В насмешку вдруг ухаживать за мной!
Прощайте! Но должна я вам заметить,
Что больше рыцарства ждала в вас встретить.
О боги! Быть отвергнутой одним,
Чтоб грубо быть осмеянной другим!

(Убегает.)

Л и з а н д р

А! Гермии не видела она!
Спи, Гермия! Ты мне уж не нужна.

Да, так в нас вызывает отвращенье
Излишек в лакомстве иль пресыщенье.
Так ересь после возмущает тех,
Кого прельщала, — точно тяжкий грех.
Была такой ты ересью моей:
Пусть все тебя клянут, я — всех сильнее!
Все силы я отдам во власть Елены:
Любить ее, служить ей без измены.

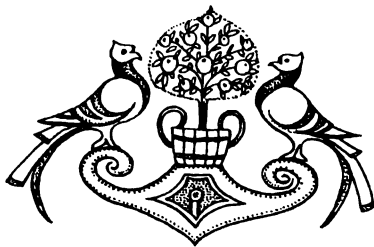
(Убегает.)

Г е р м и я
(просыпаясь)

Лизандр мой, помоги! Скорей приди,
Ползучую змею сорви с груди!..
О страшный сон!.. Дрожу от страха я.
Мне снилось, что ужасная змея
Мне грызла сердце. Было тяжело, душно,
А ты смотрел с улыбкой равнодушно.
Лизандр! Как! Нет? Ушел? О мой супруг!..
Не слышит он? Откликнись, милый друг,
Во имя всей любви! Да что же это?
Лишаюсь чувств от страха. Нет ответа?
Так, значит, мне на поиски идти?
Найти его — иль смерть свою найти!

(Убегает.)

АКТ III

Сцена 1

Лес.

Титания спит.

Входят Пигва, Миляга, Основа, Дудка, Рыло и
Заморыш.

Основа. Вся ли наша компания в сборе?

Пигва. Все налицо. А вот и замечательно подходящее местечко для нашей репетиции. Вот эта зеленая лужайка будет нашей сценой, эти кусты боярышника — уборной, и мы можем представлять все в точности, как перед самым герцогом.

Основа. Питер Пигва!

Пигва. Что скажешь, удалец Основа?

Основа. А то, что в этой комедии о Пираме и Фисбе есть вещи, которые никому не понравятся. Во-первых, Пираму придется вынуть меч, чтобы заколоться; а дамы этого совершенно не выносят. Что же вы на это можете ответить?

Рыло. Ах ты, сделай милость, — это опасная штука!

Заморыш. Я полагаю, что придется нам в конце концов самоубийство вымарать.

О с н о в а. Ничего подобного! Я придумал такую хитрую штуку, что все великолепно обойдется. Напишите вы мне пролог, и пусть этот Пролог доложит публике, что, мол, мечи наши никакой беды наделать не могут и что Пирам на самом деле вовсе не закаляется; а чтобы окончательно их уверить в этом, пусть он скажет, что, мол, я, Пирам, вовсе и не Пирам, а ткач Основа: это всех совершенно и успокоит.

П и г в а. Отлично, закажем пролог, велим его написать восьмисложными и шестисложными стихами.

О с н о в а. Не пожалейте лишних двух стоп: пусть уж будут восьмисложные с восьмисложными.

Р ы л о. А не испугаются дамы Льва?

З а м о р ы ш. Ох, боюсь, что испугаются, — ручаюсь вам.

О с н о в а. Друзья, об этом надо хорошенько подумать! Вывести льва к дамам!.. Сохрани нас бог! Это страшная затея. Ведь опаснее дичины нет, чем лев, да еще живой! Надо это иметь в виду.

Р ы л о. Так пускай другой пролог объяснит, что Лев совсем не лев.

О с н о в а. Нет, вот что: надо, чтобы он назвал себя по имени. Потом, чтобы полфизиономии его было видно из-под львиной шкуры. А он сам пусть заговорит и скажет что-нибудь в таком роде: “сударыня, позвольте мне просить вас...” или: “позвольте мне умолять вас...” или: “позвольте мне заклинать вас — не дрожать и не бояться: я готов за вас жизнь свою отдать! Будь я в самом деле львом — плохо мне пришлось бы здесь. Но я вовсе не лев, ничего подобного, я такой же человек,

как и все другие”. И тут пусть он себя назовет: так прямо и скажет, что он, мол, столяр Миляга!

П и г в а. Ладно, так и порешим. Теперь остаются еще две трудности. Как устроить лунный свет в комнате? Потому что, знаете ли, у Пирама и Фисбы — свидание при лунном свете.

Р ы л о. А будет луна в вечер нашего представления?

О с н о в а. Календарь, календарь! Поглядите в альманах: найдите луну, найдите луну!

П и г в а. Да, будет луна.

О с н о в а. Так чего проще — открыть пошире окно в той комнате, где мы будем играть: луну и будет видно.

П и г в а. Пожалуй. А то можно еще так: кто-нибудь должен войти с кустом и с фонарем и объяснить, что он фигурирует, то есть изображает лунный свет. Отлично! А второе вот что: в комнате еще необходима стена, потому что, по пьесе, Пирам и Фисба разговаривают через щель в стене.

Р ы л о. Стену в комнату втащить никак невозможно. Что ты скажешь, Основа?

О с н о в а. Опять-таки кто-нибудь нам сыграет стену! Мы его подмажем штукатуркой, глиной и цементом; это и будет значить, что он — стена. А пальцы он пускай вот так растопырит, и сквозь эту щель Пирам и Фисба и будут шептаться.

П и г в а. Ну, раз все так хорошо устраивается, то у нас все обстоит благополучно. Садитесь, и пусть каждый твердит свою роль. Пирам, тебе начинать! Как только отговоришь свои слова, так ступай в кусты. И так — каждый, сообразно своей роли.

Сзади них появляется П э к.

П э к

Что здесь за сброд мужланов расшумелся
Так близко от царицы? Ба! Тут пьеса!
Ну что ж, я буду зрителем у них,
При случае, быть может, и актером!

П и г в а. Начинай, Пирам! А ты, Фисба, приготовься.

О с н о в а

“О Фисба, цвет цветочков бездыханных!”

П и г в а

“Цветов благоуханных!”

О с н о в а

“...цветов благоуханных!
Твое дыхание, о Фисба, друг драгой!
Но чу! Я слышу глас! Останься здесь покуда:
А вскоре, вскоре вновь я здесь с тобою буду!”

(Уходит.)

П э к

(в сторону)

Чуднее я не видывал Пирама!

(Исчезает.)

Д у д к а. Теперь мне говорить?

П и г в а. Ну да, тебе. Имей в виду, он только пошел взглянуть, что там за шум, и сейчас должен вернуться.

Д у д к а

“Блистательный Пирам, чей лик, белей лилей
И алых роз алей, предивно расцветает!
Юнейший юноша, всех миленьких милей,
Верней, чем верный конь, что устали не знает...
Клянусь, мы встретимся у Ниновской гробницы...”.

П и г в а. “У Ниновой гробницы”, малый. Да только это еще рано говорить: это ты отвечаешь Пираму. А ты хочешь всю роль сразу отбарабанить! Пирам, ну что же ты! Ты реплику прозевал; твоя реплика: “Что устали не знает...”.

Д у д к а

О! “Верный конь, что устали не знает!”

Входят П э к и О с н о в а с ослиной головой.

О с н о в а

“Будь я прекрасней всех, о Фисба, все ж я твой!...”

П и г в а. О ужас! О чудо! Здесь нечистая сила! Молитесь, друзья! Спасайтесь, друзья!.. На помощь!

Пигва, Дудка, Миляга, Рыло и Заморыш убегают.

П э к

Я за вами пойду, я вас в круг заведу;
Сквозь кусты, через гать буду гнать и пугать.

То прикинусь конем, то зажгусь огоньком,
Буду хрюкать и ржать, жечь, реветь и рычать,
То как пес, то как конь, то как жгучий огонь!

(Убегает.)

О с н о в а. Чего это они все удирают? Знаю я: это штуки,
чтобы напугать меня.

Вбегает Р ы л о.

Пигва и Рыло, удивленные превращением Основы.

Рис. Дж.Джильберта

Р ы л о. Ох, Основа! Тебя подменили! Что это я на тебе вижу?

О с н о в а. Чего тебе видеть, кроме собственной ослиной головы?

Рыло убегает.

Вбегает П и г в а.

П и г в а. Спаси тебя бог, Основа, спаси тебя бог! Ты стал оборотнем! (*Убегает.*)

О с н о в а. Вижу я их плутни! Они хотят осла из меня сделать. Настращать меня! Кабы могли... А я и с места не сдвинусь, что бы они ни вытворяли. Буду здесь разгуливать да песни петь: пускай слышат, что я и не думаю бояться. (*Поет.*)

“Эй, черный дрозд, эй, черный хвост,
Оранжевый носок.
И сладкозвучный певчий дрозд,
И крошка-королек!”

Т и т а н и я
(*просыпаясь*)

О, что за ангел пробудил меня
Среди цветов?

О с н о в а
(*поет*)

“Щегленок, зяблик, воробей,
Кукушка с песнею своей,

Которой человек в ответ
Сказать не часто смеет: нет!”

Да и правда: кто станет спорить с такой глупой птицей? Кто ей скажет, что она врет, сколько бы она ни кричала свое “ку-ку”?

Т и т а н и я

Прошу, прекрасный смертный, спой еще!
Твой голос мне чарует слух, твой образ

Превращенный Основа и Пигва. Силузт Поля Коневки

Пленяет взор. Достоинства твои
Меня невольно вынуждают сразу
Сказать, поклясться, что тебя люблю я!

О с н о в а. По-моему, сударыня, у вас для этого не очень-то много резону. А впрочем, правду говоря, любовь с рассудком редко живут в ладу в наше время, — разве какие-нибудь добрые соседи возьмутся помирить их. Что? Разве я не умею пошутить при случае?

Т и т а н и я. Ты так же мудр, как и хорош собой!

Титания и Основа. Силуэт Поля Коневки

О с н о в а. Ну, это, положим, преувеличение. Но будь у меня достаточно смекалки, чтобы выбраться из этого леса, — вот бы с меня и хватило.

Т и т а н и я

Покинуть лес!.. Не думай и пытаться.
Желай иль нет — ты должен здесь остаться.
Могуществом я высшая из фей.
Весна всегда царит в стране моей.
Тебя люблю я. Следуй же за мной!
К тебе приставлю эльфов легкий рой,
Чтоб жемчуг доставать тебе со дна,
Баюкать средь цветов во время сна.
Я изменю твой грубый смертный прах:
Как эльф витать ты будешь в облаках.
Скорей ко мне, Горчичное Зерно,
Горошек, Паутинка, Мотылек!

Появляются четыре эльфа.

Д у ш и с т ы й Г о р о ш е к

Я здесь!

П а у т и н к а

И я!

М о т ы л е к и Г о р ч и ч н о е З е р н о

И мы!

Все четверо

Куда лететь нам?

Титания

Вот господин ваш: вы ему служите,
Его воздушной пляской окружите,
Кормите виноградом, ежевикой,
Берите мед ему от пчелки дикой,
А из пчелиных лапок восковых
Наделайте светильников ночных;
О звезды светляков их зажигайте
И милого на отдых провожайте,
Взяв крылья мотыльков на опахала,
Чтоб спать ему луна не помешала.
Склонитесь и приветствуйте его!

Эльфы

Привет тебе! Привет! Привет, о смертный!

О с н о в а. Сердечно признателен вашей милости. Нельзя ли узнать, как имя вашей милости?

П а у т и н к а. Паутинка.

О с н о в а. Очень рад буду с вами ближе познакомиться, любезная госпожа Паутинка. Если я обрежу себе палец, я обращусь к вам за помощью.— А ваше имя, почтеннейший?

Д у ш и с т ы й Г о р о ш е к. Душистый Горошек.

О с н о в а. Позвольте попросить вас передать поклон госпоже Горошине, вашей матушке, и господину Стручку, ваше-

му батюшке. Очень рад буду с вами поближе познакомиться.— А как вас зовут, сударь мой, прошу вас?

Горчи ч н о е З е р н о. Горчичное Зерно.

О с н о в а. Добрейший господин Горчичное Зерно! Я хорошо знаю ваше долготерпение. Этот бессовестный великан Ростбиф пожрал не одного члена вашей семьи. Уверяю вас, я не раз проливал слезы из-за вашей родни. Очень, очень рад буду с вами поближе познакомиться.

Т и т а н и я

Идите ж с милым к моему покою.
Луна как будто плачет в высоте.
Она в слезах; цветы полны тоскою
О чьей-нибудь погибшей чистоте.
Связав ему уста, ведите молча.

Уходят.

Сцена 2

Другая часть леса.

Входит О б е р о н.

О б е р о н

Хотел бы знать, проснулась ли царица
И кто ей первый на глаза попался
И стал предметом страсти роковой.

Появляется П э к.

Вот мой посол. — Ну, дух безумный мой,
Что нового в лесу у нас случилось?

П э к

В чудовище Титания влюбилась.
Пока в священном уголке своем
Покоилась царица крепким сном,
Поблизости толпа афинской черни —
Мастеровых, свободных в час вечерний, —
На репетицию явилась в лес,
Чтоб разучить глупейшую из пьес.
Сыграть ее взбрела им в ум затея
В день свадьбы благородного Тезея.
Нелепей всех в той кучке был Пирам.
Лишь он в кусты, я вмиг за ним и там
Дурацкую башку сменил ослиной.
Как только вышел с этой образиной
Он к Фисбе, тут все сразу — наутек.
Как гуси дикие, едва стрелок
Покажется, как пестрых галок стая
От выстрелов, крикливо улетаая,
В безумии взмывает к небесам, —
Все кинулись. В лесу и шум и гам:
Зовут на помощь; все в них ослабело.
Немые вещи тут взялись за дело:
Терновники протягивают лапки,
Хватают за руки, сбивают шапки,

Бежать мешают им кусты и пни...
Я их завел: пусть кружатся они!
Не выбраться оторопелой шайке.
Герой Пирам остался на лужайке,
Титания разбужена была;
Она влюбилась в тот же миг в осла.

Оберон

Удачней вышло все на этот раз,
Чем мог я ждать. А мой другой приказ?
Ты юноше глаза обрызгал соком?

Пэк

Обрызгал. Он лежал во сне глубоком,
С ним рядом афинянку я застиг:
Открыв глаза, ее увидит вмиг!

Входят Деметрий и Гермия.

Оберон

Стой! Вот и он!

Пэк

Кто? Я не понимаю:
Вот девушка, но ведь другой был с нею!

Деметрий

Не мучь того, кому ты дорога!
Оставь свой гнев для злейшего врага.

Г е р м и я

Боюсь, ты стал врагом мне настоящим;
Что, если ты убил Лизандра спящим?
По горло ты в крови; тебя клян
Недаром я... Нырять же в глубину
И с ним меня убей!
Как солнце — дню, был милый верен мне.
Чтоб бросил он меня, одну, во сне?
Скорей могла бы я себе представить,
Что шар земной возможно пробуравить
И, проскочив через него, луна
Смутит сиянье дня у антиподов.
Да, ты его убил! Не надо слов:
Глядишь убийцей, мрачен и суров.

Д е м е т р и й

Гляжу убитым я: убит тобою.
Да, ты пронзила сердце мне враждою.
Убийца же прекрасна и горда,
Как в небесах Венерина звезда.

Г е р м и я

Ах, что мне в том? О мой Лизандр, где ты?—
Отдай его, во имя доброты.

Д е м е т р и й

Отдать бы труп его собачьей своре!

Г е р м и я

О, сам ты пес! Собака! Горе! Горе!
Нет сил стерпеть. Так ты убил, злодей?
Отныне будь ты проклят средь людей!
Раз в жизни правду мне скажи! Ответь:
В глаза ему боялся ты смотреть?
Его убил ты спящим? Так постыдно
Мог поступить лишь гад, змея, ехидна.
Но что я? Нет, твой яд еще сильнее:
Так не ужалить ни одной из змей.

Д е м е т р и й

Ты сердишься... Но гнев твой беспричинен,
И я в крови Лизандра неповинен.
Да вряд ли что и приключилось с ним.

Г е р м и я

Скажи скорей: он жив и невредим?

Д е м е т р и й

А что за это будет мне наградой?

Г е р м и я

Что? Право на меня не кинуть взгляда.
О, ненавистен мне один твой вид:
Прочь от тебя, жив он или убит!

(Убегает.)

Д е м е т р и й

Она сейчас раздражена смертельно.
Останусь здесь: бежать за ней бесцельно.
Скорбь — тяжелей, когда не отдает
Своих долгов ей бедный Сон-банкрот.
Попробую заснуть хоть ненадолго:
Быть может, он вернет частицу долга.

(Ложится и засыпает.)

О б е р о н

Что сделал ты? Кого в беду вовлек?
Ты не тому впустил волшебный сок
И верность чьей-нибудь любви сердечной
Нарушил ты небрежностью беспечной.

П э к

Что делать? Уж таков судьбы закон:
На верную — фальшивых клятв мильон.

О б е р о н

Ступай, несись, как вихрь, лети быстрее!
Елену из Афин найди скорее.
Она бледна: болезнь ее — любовь.
Ей вздохи грусти отравляют кровь.
Сюда ее заманишь, в глубь лесную,
Пока его во сне я зачарую.

П э к

Я в путь готов! Смотри, как полетел!
Помчусь быстрее всех татарских стрел.

(Исчезает.)

О б е р о н

Ты, цветок пурпурный мой,
Ранен Эроса стрелой,
Сок в глаза ему пролей:
Пусть, проснувшись рядом с ней,
Он найдет ее прекрасной,
Как Венеру в тверди ясной.
Пробудясь, моли ее
Сердце вылечить твое.

Появляется П э к

П э к

Мой великий властелин,
Вот Елена из Афин.
Юноша пленен Еленой,
Полюбуйся этой сценой:
Молит он любви с тоской.
Как безумен род людской!

О б е р о н

Стань подальше! Что-то будет?
Шум Деметрия разбудит.

П э к

Два — в погоне за одной:
Это случай пресмешной.
Чем нелепей приключение,
Тем мне больше развлеченья.

Входят Лизандр и Елена.

Л и з а н д р

В чем видишь ты насмешку? Я не знаю.
Где видела в слезах насмешку ты?
Но плачу я, смотри; я заклинаю.
Рожденные в слезах слова чисты.
Возможно ль счесть насмешкою пустою
То, что сияет правды чистотою?

Е л е н а

О, как хитро вы боретесь со мной!
Убьет ли правда правдой? Клятвы
ваши

Принадлежат лишь Гермии одной.
Кладите ж клятвы ей и мне на чаши,
И равный вес получите на двух:
И тут и там — неуловимый пух.

Л и з а н д р

Утратил разум я, когда ей клялся.

Е л е н а

С изменою он к вам не возвращался.

Л и з а н д р

Ее Деметрий любит, не тебя.

Д е м е т р и й
(просыпаясь)

Елена! О богиня, свет, блаженство!
С чем глаз твоих сравню я совершенство?
Кристалл — тусклей! Уста твои цветут,
Они как вишни, что лобзанья ждут.
А белизна вершины Тавра снежной
Черна в сравненье с этой ручкой нежной.
О, дай же мне, о, дай поцеловать
Верх белизны и счастья печать!

Е л е н а

О стыд! О ад! Откуда эта злоба?
Терзать меня вы сговорились оба.
Будь вам учтивость не совсем чужда,
Вы б так не поступили никогда.
Мужчинами не будь вы только с виду,
Вы б женщине не нанесли обиду.
Довольно, что не терпите меня;
Но, издевательства соединя,

Хвалить меня и клясться так бесчестно,
Когда мне ваша ненависть известна!
Соперники вы были в страсти к ней, —
Соперники теперь в беде моей.
О рыцарство, о подвиг благородный!
Чтоб вызвать слезы скорби безысходной
У бедной девы шуткою холодной,
Насмешкою! О, как вы недобры!
Шутить над беззащитной — для игры!

Л и з а н д р

Нехорошо, Деметрий, неуместно!
Что Гермия ты любишь, всем известно.
Ее любовь тебе я уступлю
От всей души: другую я люблю.
Мне уступи любовь Елены милой:
Ее любить клянусь я до могилы.

Е л е н а

Пустых насмешек слушать нету силы!

Д е м е т р и й

Лизандр! Знай, Гермия мне не нужна.
Была любовь, теперь прошла она.
Ведь сердце только у нее гостило:
Теперь домой к Елене поспешило,
Чтоб с нею быть.

Л и з а н д р

Не верь его словам!

Д е м е т р и й

Смотри — любви, какой не знаешь сам,
Ты не порочь, иль будешь ты наказан!
Вот — та, кого ты любишь, с кем ты связан.

Входит Г е р м и я.

Г е р м и я

Ночная тьма глаза лишает зренья,
Но обостряет слух наш, без сомненья,
И если нам мешает видеть ночь,
С двойною силой может слух помочь.
Тебя, Лизандр, хоть взор мой не нашел,
Но, к счастью, слух меня к тебе привел.
Как мог меня покинуть ты?

Л и з а н д р

Где ж тот,
Кто станет медлить, если страсть зовет?

Г е р м и я

Какая страсть могла тебя заставить
Прочь от меня бежать, меня оставить?

Л и з а н д р

Любовь к Елене, блещущей среди ночи

Прекрасней, чем созвездий ярких очи.
Что хочешь ты? Ужель тебе вполне
Не ясно, как ты ненавистна мне?

Г е р м и я

Не думаешь того, что говоришь ты.
Не может быть!

Е л е н а

Как! С ними заодно?
Так вы все трое сговорились вместе,
Чтоб злую шутку надо мной сыграть?
О Гермия, коварная подруга!
И ты могла в их заговор вступить,
Чтоб сделать из меня себе потеху?
Так все, что прежде мы с тобой делили,
Как сестры, клятвы и часы досуга,
Когда мы время горько упрекали,
Что разлучает нас,— ах, все забыто?
Забыта дружба школьных дней невинных,
Когда, как два искусных божества,
Мы, сидя рядом, вместе вышивали
Один цветок по одному узору,
Одну и ту же песню пели в лад,
И наши души, голоса и руки —
Все было неразлучно. Мы росли
Двойняшкой-вишнею, хотя по виду

Разделены, но в сущности одно:
Две ягоды на стебельке одном,
Два тела, но одна душа в обеих,
Как бы два поля, что в одном гербе
Увенчаны нашлемником единым.
И хочешь ты порвать любовь былую,
С мужчинами глумиться над подругой?
Не дружеский, не девичий поступок!
Тебя за это весь наш пол осудит,
Хоть и одна обиду я терплю.

Г е р м и я

Не понимаю страстных слов твоих.
Я не глумлюсь, скорее ты глумишься.

Е л е н а

Кто ж, как не ты, Лизандру приказал
Преследовать меня и восхвалять?
А твоему поклоннику другому,
Что чуть меня ногою не толкал,—
Вдруг величать меня богиней, нимфой,
Божественной, и дивной, и небесной?
К чему так говорит он с ненавистной?
Зачем Лизандр отрекся от тебя
И мне клянется пламенно в любви?
Конечно, только с твоего согласия.
Увы, не так я счастлива, как ты,

Не так окружена любовью общей;
Несчастлива я: люблю — и не любима.
Тебе б жалеть, не презирать меня!

Г е р м и я

Не понимаю, что все это значит?

Е л е н а

Так, так. Глядя печально, притворяйся
И строй гримасы за моей спиной.
Перемигнувшись, продолжайте шутку,
Она, пожалуй, может вас прославить.
Когда б была в вас жалость или честь,
Вы б надо мною так не издевались.
Прощайте же! Тут и моя вина.
Но все исправит смерть или разлука.

Л и з а н д р

Стой, милая! Дай оправдаться мне,
Душа моя, любовь и жизнь, Елена!

Е л е н а

Чудесно!

Г е р м и я

Милый, не шути над ней!

Д е м е т р и й

Ты не упросишь, — я его заставляю.

Л и з а н д р

Ты не заставишь, ей — не упросить.
Здесь и угрозы и мольбы бессильны.
Клянусь я жизнью, что люблю Елену,
И жизнь отдам, чтоб доказать, что лжет,
Кто скажет, что Елену не люблю я!

Д е м е т р и й

А я клянусь, что я люблю сильнее.

Л и з а н д р

Так докажи своим мечом мне это.

Д е м е т р и й

Идем — сейчас!

Г е р м и я

Лизандр, да что же это?

Л и з а н д р

Прочь, эфиопка!

Д е м е т р и й

Славно, сударь, славно!

Ха-ха! Он притворился, что взбешен,
А сам ни с места — смирный малый, право!

Л и з а н д р

Прочь, кошка! Отцепись, отстань, репейник,
Не то тебя стряхну я, как змею!

Г е р м и я

Как груб со мною ты! Что за перемена?
Мой друг...

Л и з а н д р

Твой друг? Прочь, смуглая татарка!
Прочь, гадкое лекарство, прочь, микстура!

Г е р м и я

Ты шутишь?

Е л е н а

Да, он шутит, как и ты.

Л и з а н д р

Деметрий, слово я свое сдержу.

Д е м е т р и й

Не худо б нам условие подписать:
Тебя легко удерживает слабость.

Л и з а н д р

Что ж, мне ее побить, убить? Ей боли
Не причиню я, как ни ненавижу.

Г е р м и я

Какая боль мне может быть ужасней,
Чем ненависть твоя? Ко мне? За что?
Иль я не Гермия? Ты не Лизандр?
Я так же хороша, как и была.
Ты в эту ночь еще меня любил.
Но в эту ночь меня ты и покинул.
Так ты меня покинул не шутя?

Л и з а н д р

Какие шутки? Я ушел навек.
Оставь сомненья, просьбы и надежды
И знай вернее верного: тебя
Я ненавижу, а люблю Елену.

Г е р м и я

Так вот что! Ты — обманщица, ты — язва,
Воровка! Значит, ночью ты прокралась
И сердце у него украла?

Е л е н а

Славно!

Нет у тебя ни робости, ни капли

Девичьего стыда; ты хочешь вызвать
Мой кроткий дух на резкие слова.
Стыдись, стыдись, ты, лицемерка, кукла!

Г е р м и я

Что? Кукла я? Ах, вот твоя игра!
Так ты наш рост сравнила перед ним
И похвалялась вышиной своей,
Своей фигурой, длинною фигурой...
Высоким ростом ты его пленила
И выросла во мнении его
Лишь потому, что ростом я мала?
Как, я мала, раскрашенная жердь?
Как, я мала? Не так уж я мала,
Чтоб не достать до глаз твоих ногтями!

Е л е н а

(Деметрию и Лизандру)

Хоть вы смеетесь надо мной, у вас же
Прошу защиты: так меня никто
Не проклинал! На брань не мастерица,
Я робости девической полна.
Она меня побьет! Хотя она
И ниже ростом, я не справлюсь с нею.

Г е р м и я

Пониже ростом! Слышите, опять!

Е л е н а

Но, Гермия, не надо так сердиться.
Тебя всегда я, милая, любила,
Я слушалась тебя, не обижала.
Одно лишь — что, Деметрия любя,
Ваш план ему открыла. Он за вами
Отправился; я из любви — за ним.
Но он меня прогнал и угрожал

Эльф на страже. Силуэт Поля Коневки

Меня ударить, да: прибить, убить.
Пустите же меня: вернусь в Афины
С своим безумьем и за вами больше
Я следовать не буду. Отпустите!
Ты видишь, как проста я и кротка.

Г е р м и я

Ступай же прочь! Да кто тебя здесь
держит?

Е л е н а

То сердце глупое, что здесь оставлю.

Г е р м и я

С Лизандром?

Е л е н а

Нет, с Деметрием.

Л и з а н д р
(Елене)

Не бойся,

Она тебя и тронуть не посмеет.

Д е м е т р и й

О да, хотя б и ты ей помогал.

Е л е н а

Но Гермия страшна бывает в гневе;
Она была уже и в школе злючкой,
Хоть и мала, неистова и зла.

Г е р м и я

Опять “мала”! И все о малом росте!
Зачем вы ей даете издеваться?
Пустите к ней!

Л и з а н д р

Прочь, карлица, пигмейка,
Зачатая на спорынье! Прочь, желудь!
Прочь, бусинка!

Д е м е т р и й

Ты чересчур услужлив
Для тех, кто у тебя услуг не просит.
Оставь! Не смей Елену защищать
И о любви к ней говорить не смей,
Не то раскаешься!

Л и з а н д р

А, я свободен!
Иди ж за мной, коль смеешь, чтоб решить,
Кто больше прав имеет на Елену.

Д е м е т р и й

Я — за тобой? Ну нет, пойдем мы вместе.

Лизандр и Деметрий уходят.

Г е р м и я

Ну, милая, из-за тебя все это!..

Куда ты? Стой!

Е л е н а

Тебе не верю я.

И ненавистна близость мне твоя.

Хоть в драке руки у тебя сильнее, —

Чтоб бегать, ноги у меня длинней.

(Убегает.)

Г е р м и я

Как странно все! Не знаю, что подумать.

(Уходит.)

О б е р о н

Твоя оплошность! Вечные ошибки!

Но ты нарочно сплутывал, злодей!

П э к

Нет, верь мне: я ошибся, царь теней.

Подумай: мне велел искать героя

Ты по плащу афинского покроя.
Кого нашел я — тоже из Афин;
Так, значит, я был прав, мой властелин.
Но я-то рад, что вышло так забавно;
Над распрей их мы посмеемся славно.

Оберон

Для поединка в глушь пошли они.
Скорее, Робин, ночь им затемни
И затяни все звезды небосклона
Туманной мглой чернее Ахерона.
Соперников упрямых сбей с пути,
Чтоб им никак друг друга не найти.
То, голосу Лизандра подражая,
Дразни Деметрия не умолкая;
То за Деметрия — его брани,
Пока из сил не выбьются они.
Подобный смерти, встанет над врагами
Сон-нетопырь с свинцовыми ногами;
Тогда Лизандру веки смажь травой,
Чей сок своею силою благой
Рассеять может пагубный обман;
В глазах его прояснится туман.
Проснувшимся былые заблужденья
Покажутся игрою сновиденья.
Вернутся вновь они к местам родным;
Союз их будет вечно нерушим.

Пока займешься этим, поспешу
К царице я; отдать мне упрошу
Ребенка. Чары я сниму — очнется
Титания, и всюду мир вернется.

П э к

Но торопись: наш срок ведь все короче.
Быстрее летят драконы черной ночи,
Взошла звезда Авроры в небесах;
Ее завидев, духи впопыхах
Спешат домой скорее на кладбище,
А грешники, чье вечное жилище —
Дорог распутье иль речное дно,
Вернулись в мрачный свой приют давно;
Чтоб ясный день не видел их стыда,
Они сдружились с ночью навсегда.

О б е р о н

Но духи мы совсем другого рода.
Играть с зарею мне дана свобода.
В лесу мне, как охотнику, дан срок,
Пока огнем не заблестит восток
И в золото лучей блестящих струны
Не превратят зеленых волн Нептуна.
Однако все ж лети, спеши: пора!
Свои дела мы кончим до утра.

(Уходит.)

П э к

Их поведу я там и сям.
Меня боятся здесь и там,
По городам и по полям.
Веди их, дух, то здесь, то там!
Один пришел.

Входит Л и з а н д р.

Л и з а н д р

Где ж ты, гордец Деметрий? Отвечай!

П э к

Здесь! Меч готов! А где ты, негодяй?

Л и з а н д р

Иду к тебе.

П э к

Скорее! Тут ровней:
Иди за мной.

Лизандр уходит на голос Пэка.

Д е м е т р и й
(входя)

Откликнись же, злодей!
Лизандр, эй, жалкий трус, да где же ты?
Куда со страха спрятался в кусты?

П э к

Сам трус! Ты что же, хвалишься кустам,
Звездам кричишь, что рвешься в бой, а сам
Скрываешься? Мальчишка! Проучу
Тебя я розгой: нечего мечу
С тобою делать.

Д е м е т р и й

А, ты здесь? Постой!

П э к

Не место драться здесь: иди за мной!

Уходят.

Л и з а н д р
(входя)

Он прочь бежит, меня же вызывает.
Приблизусь я — он снова убегает.
Куда проворнее меня, злодей!
Как я ни мчался, он бежал скорей.
Я наконец упал во тьме ужасной.
Прилягу здесь...

(Ложится.)

Приди, о день прекрасный!
Блеснуть лишь стоит первому лучу —
Найду врага и мстью отплачу.

Входят Пэк и Деметрий.

Пэк

Го-го! Чего ж ты прячешься трусливо?..

Деметрий

Так подожди! Скрываешься ты живо;
Чуть догоню, ты прячешься, как тать:
Не смеешь посмотреть, не смеешь встать.
Да где же ты?

Пэк

Я здесь. Иди-ка ближе!

Деметрий

Смеешься надо мной? Ну, погоди же!
Дай встретиться с тобой при свете дня.
Ступай! Усталость вынудит меня
Холодную постель собой измерить.
Жди утром гостя — можешь мне поверить.

(Ложится и засыпает.)

Входит Елена.

Елена

О долгая, мучительная ночь!
Умерь часы, пошли хоть луч с востока,
Чтоб я могла уйти в Афины прочь

От тех, чья ненависть ко мне жестока.
Сон, взор тоски смыкающий порой,
Ты от себя самой меня укрой.

(Ложится и засыпает.)

П э к

Спите, спите сладким сном.
Я тайком своим цветком
Исцелю тебя, влюбленный.

(Выжимает сок на глаза Лизандра.)

Пробудись, в нее взглядишь,
Прежним счастьем упоенный.
Пусть пословица на вас
Оправдается сейчас:
Всяк сверчок знай свой шесток,
Всякий будь с своею милой,
Всяк ездок — с своей кобылой,
А конец — всему венец.

(Исчезает.)

АКТ IV

Сцена 1

Там же.

Лизандр, Гермия, Деметрий, Елена спят.
Входят Титания с Основой, за ними эльфы.
В глубине Оберон, невидимый для них.

Титания

Любовь моя, здесь на цветы присядь!
Я голову поглажу дорожую.
Дай розами тебя мне увенчать.
Дай уши я большие расцелую.

Основа. Где Душистый Горошек?

Душистый Горошек. Я здесь.

Основа. Почеши-ка мне голову, Душистый Горошек.—

А где Паутинка?

Паутинка. Здесь!

Основа. Госпожа Паутинка, любезная госпожа Паутинка, возьмите-ка оружие в руки и убейте вон того красноногого шмеля, что сидит на репейнике, и, милейшая моя, принесите

мне его медовый мешочек. Да смотрите, милейшая госпожа Паутинка, берегитесь, чтобы мешочек не лопнул: мне будет очень прискорбно, если вы обольетесь медом, синьора.— А где господин Горчичное Зернышко?

Горчичное Зерно. Я здесь.

О с н о в а. Пожалуйте-ка сюда вашу лапку, господин Горчичное Зернышко. Да бросьте всякие церемонии, прошу вас, любезный мой господин Горчичное Зернышко.

Горчичное Зерно. Что вам угодно приказать?

Эльфы приветствуют Основу. Рис. Дж.Джилберта

О с н о в а. Ничего особенного, почтеннейший, только помогите кавалеру Душистому Горошку чесать меня. Надо бы мне к цирюльнику, любезнейший: мне сдается, что у меня лицо слишком уж заросло волосами. А я такой нежный осел: чуть меня волосок где-нибудь пощекочет — я должен скрестись.

Т и т а н и я

Не хочешь ли ты музыки послушать,
Любовь моя?

О с н о в а. О, что до музыки — у меня отличное ухо. Ну что ж, пожалуй, сыграйте мне что-нибудь на щипцах и на костяшках.

Грустная музыка.

Т и т а н и я

А может быть, скажи мне, нежный друг,
Желаешь ты чего-нибудь покушать?

О с н о в а. Что ж, я, пожалуй, съел бы гарнец-другой корму: пожалуй, пожевал бы хорошего, сухого овсеца. Нет, вот что: самое лучшее — дайте мне охапку сена. С хорошим, сладким сеном ничто не сравнится.

Т и т а н и я

Есть у меня один отважный эльф:
У белочек обыщет склады он
И принесет тебе орешков свежих.

Титания засыпает Основу цветами. Рис. Дж.Джилберта

О с н о в а. Я бы предпочел пригоршни две сухого гороха. Впрочем, пожалуйста, пусть ваш народец пока отстанет от меня: я чувствую, что меня одолевает сон.

Т и т а н и я

Спи! Я тебя руками обовью.
Ступайте, эльфы, все рассейтесь прочь.

Эльфы улетают.

Так жимолость душистая ствол дуба
Любовно обвивает; пальцы вяза
Корявые плющ женственный сжимает.
Как я люблю тебя, как обожаю!

Засыпают. Входит П э к.

О б е р о н

Ты видишь эту нежную картину?
Становится мне жаль ее безумья.
Недавно я ее за лесом встретил,
Цветы сбиравшей гнусному уроду.
Я стал ее стыдить и упрекать,
Что голову косматую ему
Украсила она венком душистым;
И та роса, что на цветах обычно
Светлей восточных жемчугов сверкает,
Теперь стояла у цветов в глазах,
Как слезы об их собственном позоре.

Когда ж над ней я вдоволь насмеялся,
Она прощенья кротко попросила,
И я тогда потребовал ребенка.
Она сейчас же уступила, эльфов
Послала отнести его ко мне.
Теперь он мой, и я хочу прогнать
Очей ее пустое заблужденье.
Ты тоже это украшение, Пэк,
Сними с башки афинского бродяги.
Пусть он проснется вместе с остальными,
В Афины вместе с ними возвратится
И приключенья этой ночи вспомнит
Лишь как нелепую проделку сна.
Но раньше я царицу расколдую.

(Дотрагивается до ее глаз волшебным цветком.)

Будь ты прежней с этих пор:
Пусть, как раньше, видит взор.
Прогони, цветок Дианы,
Купидона все обманы!
Титания! Проснись, моя царица!

Т и т а н и я

Мой Оберон! Что может нам присниться!
Мне снилось, что влюбилась я в осла!

О б е р о н

Вот милый твой.

Т и т а н и я

Так правда? Я была...
О, на него теперь глядеть мне страшно.

О б е р о н

Тсс... тише!— Пэк, личину прочь с него!
Пусть музыки волшебной колдовство
На спящих сон глубокий навевает.

Т и т а н и я

Эй, музыку, чтоб сон наколдовать!

Тихая музыка.

П э к

Проснувшись, станешь дураком опять.

О б е р о н

Летите, звуки! Мы ж с тобой вдвоем
Своею пляской землю всколыхнем.
Отныне мы с тобою в дружбе, фея,
И завтра в полночь во дворце Тезея
Торжественную пляску поведем,
Благословим союз его и дом.
Влюбленных этих тут же, вместе
с ним,
Мы в радостный союз соединим.

П э к

Тише... Слышишь, Оберон,
В небе жаворонка звон?

Оберон
(Титании)

Дай же руку! Улетим
Молча с сумраком ночным
И мгновенно опояшем
Шар земной в полете нашем.

Т и т а н и я

Да, летим! О мой супруг,
Ты расскажешь, как случилось,
Что заснула я и вдруг
Между смертных очутилась.

Улетают.

Звуки рогов. Входят Тезей, Ипполита, Эгей и свита.

Т е з е й

Пусть кто-нибудь лесничего найдет.
Закончены все майские обряды,
И так как мы опередили день,
Могу перед возлюбленной похвастать
Я музыкою гончих. — Всех спустите
Со своры в западной долине! Живо!
На горную вершину мы взойдем.

Оттуда мы с моей царицей будем
Внимать слиянью эха с звонким лаем.

И п п о л и т а

В лесах на Крите как-то с Геркулесом
И с Кадмом затравили мы медведя
Спартанскими собаками. Я в жизни
Прекрасней не слыхала ничего:
Все — небо, горы, лес кругом — слилось
В сплошной могучий шум, — я не слыхала
Разлада музыкальной, грома — слаще.

Т е з е й

А псы мои спартанской ведь породы:
По челюстям, по масти их узнаешь.
С подгрудками они, как у быков,
Нсбыстрый бег, но голосов подбор —
Что колокольный звон. Стройнее сворам
Не улюлюкали, рога не пели
Ни в Спарте, ни в Фессалии, нигде.
Суди сама! Но что это за нимфы?

Э г е й

Я вижу — дочь, мой государь, спит крепко.
А вот Лизандр. А рядом здесь Деметрий.
А вот Елена, дочь Недара-старца.
Зачем они все вместе здесь сошлись?

Тезей

Обряды майские свершали, верно,
И, зная, что мы явимся сюда,
Остались здесь дожидаться торжества.
Но, друг Эгей, скажи мне, не сегодня ль
Свой выбор сделать Гермия должна?

Эгей

Да, государь.

Тезей

Пускай же их разбудят
Охотники игрою на рогах.

Звуки рогов и крики за сценой.

Лизандр, Гермия, Деметрий и Елена просыпаются.

Друзья, ведь Валентинов день прошел,
А пташки только начали слетаться.

Лизандр

Простите, государь!

Все опускаются на колени.

Тезей

Прошу вас, встаньте.
Я знаю, вы соперники в любви:
Что ж это за согласие стало в мире,

Что ненависть спит с ненавистью рядом
И не боится злобы и вражды?

Л и з а н д р

Я, государь, не знаю, что ответить;
Во сне иль наяву я — сам не знаю;
И как сюда попал — не знаю тоже.
Но кажется... сказать бы только правду...
Нет, нет, вот как все это было, — вспомнил:
Мы с Гермией пришли сюда; решили
Мы из Афин бежать туда, где б можно,
Афинского закона не боясь...

Э г е й

Довольно, государь, довольно с вас.
Закон, закон на голову его!
Они бежали! — Да, они хотели,
Деметрий, нас обоих обмануть:
Тебя — лишить жены, меня же — права
Тебе в супруги Гермию отдать.

Д е м е т р и й

Мой государь, прекрасная Елена
Открыла мне их замысел. Вzbешенный
За ними я погнался в этот лес.
Елена ж из любви пошла за мною.
И тут... я сам не знаю, государь,

Д е м е т р и й

Так, значит, мы не спим. Пойдем скорее;
Дорогою расскажем наши сны.

Уходят.

О с н о в а (*просыпаясь*). Когда будет моя реплика, вы меня только кликните — и я тут как тут. Следующая моя реплика: “Прекраснейший Пирам!” Эй, Питер Пигва! Дудка, починщик мехов! Рыло, медник! Заморыш! Господи помилуй!

Основа вспоминает свой сон. Силуэт Поля Коневки

Удрали, оставили меня тут спать одного. Ну и чудной же мне сон приснился! Такой сон мне приснился, что не хватит ума человеческого объяснить его! Ослом будет тот, кто станет рассказывать этот сон. Мне снилось, что я был... сказать невозможно чем! Мне снилось, что я был... что у меня была... Круглым дураком будет тот, кто вздумает сказать, что у меня было. Глаз человеческий не слышал, ухо человеческое не видало, рука человеческая не осилила, сердце бы лопнуло, если бы рассказать, какой мне сон снился. Я заставлю Пигву написать балладу про этот сон; она будет называться “Сон Основы”, потому что в ней нет никакой основы. И я ее спою в конце пьесы перед герцогом. Даже вот что, чтобы вышло полюбезнее, я спою ее во время Фисбиной смерти. (*Уходит.*)

Сцена 2

Афины. Комната в доме Пигвы.

Входят Пигва, Дудка, Рыло и Заморыш.

Пигва. Ну что, посылали к Основе? Вернулся он домой?

Заморыш. О нем ничего не слышно: не иначе, как его унесла нечистая сила.

Дудка. Если он не вернется, пропала наша пьеса: ничего не выйдет.

Пигва. Да, без него играть нельзя. Во всех Афинах не найти человека, подходящего для Пирама.

Дудка. Не найти! Изо всех афинских ремесленников у Основы самая умная голова.

П и г в а. И к тому же он у нас самый красивый. А уж по голосу так настоящий любовник.

Д у д к а. Какое непристойное слово — “любовник”! Скажи лучше: “любитель”.

Входит М и л я г а.

М и л я г а. Друзья, герцог возвратился из храма; там с ним заодно обвенчали двух или трех дам и кавалеров. Ох, кабы наша пьеса пошла, мы бы все людьми стали.

Д у д к а. Ах, милый наш удалец Основа! Потерял он шесть пенсов в день на всю жизнь. Не миновать бы ему шести пенсов в день пожизненно: пусть бы меня повесили, если бы герцог не назначил ему шести пенсов в день. Шесть пенсов — и никаких!

Входит О с н о в а.

О с н о в а. Где они, мои молодчики? Где они, мои сердечные дружки?

П и г в а. Основа! Вот благословенный день, вот счастливый час!

О с н о в а. Ну, куманьки, и есть же у меня что пересказать вам. Чудеса! Но не спрашивайте меня ни о чем. Не будь я честный афинянин, если я не расскажу вам, что со мной было. Я вам все до точности расскажу, как что случилось.

П и г в а. Рассказывай, рассказывай, драгоценный Основа!

О с н о в а. Ни слова обо мне. Все, что я вам пока скажу, — это вот что: герцог уже отобедал. Собирайте ваши пожитки. Привяжите новые шнуры к бородам и новые банты к туфлям.

Велено нам всем сойтись у дворца. Каждый просмотри хорошенько свою роль. Короче сказать, наша пьеса выбрана. Во всяком случае, Фисба пусть наденет чистое белье, а Лев чтобы не вздумал обрезать ногти: они должны выглядывать из-под львиной шкуры, как когти. А главное, дорогие мои актеры, не ешьте ни луку, ни чесноку. Мы должны испускать сладостное благоухание, и я не сомневаюсь, что зрители скажут: вот сладчайшая пьеса. Без всяких рассуждений! Марш вперед без дальних слов!

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Афины. Зал во дворце Тезея.

Входят Тезей, Ипполита, Филострат, вельможи
и свита.

Ипполита

Как странен, мой Тезей, рассказ влюбленных!

Тезей

Скорее странен, чем правдив. Не верю
Смешным я басням и волшебным сказкам.
У всех влюбленных, как у сумасшедших,
Кипят мозги: воображенье их
Всегда сильнее холодного рассудка.
Безумные, любовники, поэты —
Все из фантазий созданы одних.
Безумец видит больше чертовщины,
Чем есть в аду. Безумец же влюбленный
В цыганке видит красоту Елены.
Поэта взор в возвышенном безумьс

Блуждает между небом и землей.
Когда творит воображенье формы
Неведомых вещей, перо поэта,
Их воплотив, воздушному “ничто”
Дает и обиталище и имя.
Да, пылкая фантазия так часто
Играет: ждет ли радости она —
Ей чудится той радости предвестник.
Напротив, иногда со страха ночью
Ей темный куст покажется медведем.

И п п о л и т а

Не говори; в событиях этой ночи
Есть не одна игра воображенья.
Как сразу изменились чувства их!
Мне кажется, что правда в этом есть.
Но все-таки как странно и чудесно!

Т е з е й

Вот и они идут, сияя счастьем.
Входят Лизандр, Гермия, Деметрий и Елена.
Привет, друзья! Пусть радость и любовь
Живут среди вас.

Л и з а н д р

Пусть вам сторицей радость
Сопутствует на царственном пути.

Тезей

Что ж нам придумать? Маскарад иль танцы?
Чем сократить нам вечность трех часов
От ужина до сна? Где наш придворный
Веселья поставщик? Что у него
В запасе есть? Какая-нибудь пьеса,
Чтоб облегчить тоску часов ползучих?
Где Филострат?

Филострат

Я здесь, великий герцог.

Тезей

Скажи, что ты нам нынче приготовил?
Какие маски, танцы? Чем заполнить
Часы пустые, если не весельем?

Филострат

Вот список всех готовых развлечений.
Пусть ваша светлость выберет любое,
С чего начать.

(Подает ему бумагу.)

Тезей

(читает)

“Сражение кентавров,—
Афинский евнух пропоет под арфу”.
Не стоит: это я читал жене

В честь Геркулеса, предка моего.
“Как пьяные вакханки растерзали
Фракийского певца в своем безумье”.
Старо: уж это мне играли раз,
Когда из Фив с победой я вернулся.
“Плачь муз, скорбящих о судьбе науки,
Скончавшейся в жестокой нищете”.
Какая-нибудь острая сатира,
Негодная для свадебных торжеств.
“Любовь прекрасной Фисбы и Пирама,
Короткая и длительная драма,
Веселая трагедия в стихах”.
Короткая и длительная пьеса,
Веселая трагедия притом?
Горячий лед! Но как согласовать
Все эти разногласья?

Ф и л о с т р а т

Государь,
Вся эта пьеса — в десять слов длиной;
Короче пьесы нет, насколько помню;
Но лишние все эти десять слов —
Вот чем она длинна. Ни слова в ней
Нет путного, ни путного актера.
Трагедия она лишь потому,
Что в ней герой Пирам с собой кончает.
На репетиции до слез дошел я,

Но признаюсь, что никогда еще
Так весело не плакал я от смеха.

Тезей

А кто актеры?

Филострат

Все простые люди,
Ремесленники из Афин. Привыкли
Не головой работать, а руками,
И вдруг свою неразвитую память
Обременили пьесой в вашу честь.

Тезей

И мы ее посмотрим.

Филострат

Нет, мой герцог,

Нет, это не для вас; я слушал пьесу:
В ней ничего нет, ровно ничего!
Но, может быть, вас все же
позабавят
Их тяжкие усилия вас развлечь.

Тезей

Да, эту пьесу будем мы смотреть!
Не может никогда быть слишком плохо,

Что преданность смиренно предлагает, —
Зови их! Дам прошу занять места.

Филострат уходит.

И п п о л и т а

Я не люблю над нищетой смеяться
И видеть, как усердье гибнет даром.

Т е з е й

Нет, милая, здесь этого не будет.

И п п о л и т а

Сказал он: ничего они не стоят.

Т е з е й

Тем будем мы добрей, благодаря
Их за ничто. Мы примем добродушно
Ошибки их. Где преданность бессильна,
Она усердьем искупает все.
Меня в моих поездках иногда
Ученые встречать хотели речью,
Заране приготовленной, и вдруг
Теряли нить: бледнели, забывали
Готовые слова и в заключенье,
Не кончив, обрывали речь свою.
И, веришь ли, любимая моя,
В молчанье их я находил привет,

И в скромности смущенного почтенья
Читал я большее, чем в болтовне
Напыщенных и смелых краснобаев.
Мне кажется, что у любви правдивой
Чем меньше слов, тем больше будет чувства.

Входит Ф и л о с т р а т.

Ф и л о с т р а т

Итак, коль вашей светлости угодно,
Пролог готов.

Т е з е й

Пускай войдет сюда!

Звуки труб.

Входит П и г в а, он же Пролог.

П р о л о г

“Не думайте. Коль мы не угодим,
Что может быть. У нас желанья мало
Искусством скромным вас занять своим.
Вот нашего конца сейчас начало.
Мы не жалеем своего труда
Вас оскорбить. Не входит в наши цели
Вас развлекать. Явились мы сюда
Не с тем. Чтоб вы об этом пожалели,
Актеры здесь. Их стоит показать,
Чтоб вы узнали все, что надо знать”.

Т е з е й. Этот молодец не очень-то считается со знаками препинания.

Л и з а н д р. Он пустил свой пролог, как необъезженного жеребца: он не знает, где ему остановиться. Отсюда мораль, государь: недостаточно говорить, надо еще говорить правильно.

И п п о л и т а. Действительно, он сыграл свой пролог, как ребенок играет на флейте: звук есть, но управлять им он не умеет.

Т е з е й. Его речь похожа на спутанную цепь: все звенья целы, но в беспорядке. А теперь что будет?

Входят Пирам, Фисба, Стена, Лунный Свет и Лев,
как в пантомиме.

Пролог

“Почтенные, сей вид не ясен вам?
Дивитесь: скоро все вам станет ясно.
Сей человек, известно будь, Пирам.
Девицу же звать Фисбою прекрасной.
В известке с глиной человек — Стена,
Любовников жестокая преграда:
Сквозь щель ее шептаться (вот она!)
Бедняжечкам — и то уже отрада.
Вот этот малый — Лунный Свет; при нем —
Терновый куст, фонарик и собака,
Чета влюбленных виделась тайком
В лучах луны, сияющей средь мрака.
Зверь, Львом рекомый, что наводит страх,

Завидел Фисбу, что спешила к другу.
Он напугал ее — и вот с испугу
Красавица бежала впопыхах,
Свой плащ при этом уронив, к несчастью.
Лев вмиг его порвал кровавой пастью.
Тут появился, строен и высок,
Пирам. Узрел в крови он плащ девицы
И сразу острый в грудь вонзил клинок.
Тем временем, под сенью шелковицы,

Силуэт Поля Коневки

Узрев, что мертвый друг ее лежал,
Вонзила Фисба в грудь свою кинжал.
Подробно вам доскажут остальное
Луна, Стена, Лев и влюбленных двое”.

Пролог, Пирам, Фисба, Лев и Лунный Свет уходят.

Т е з е й. Интересно, заговорит ли и Лев?

Д е м е т р и й. В этом ничего не будет удивительного: отчего бы и не поговорить Льву, когда столько ослов разговаривают?

С т е н а

“В сей интермедье решено так было,
Что стену я представляю, медник Рыло.
Стена такая я, что есть во мне
Дыра, иль щель, иль трещина в стене.
Влюбленные не раз сквозь эту щелку
Все про любовь шептались втихомолку.
Известка с глиной, с камешком должна
Вам показать, что я и есть Стена.
А вот и щель — направо и налево:
Шептаться будут здесь Пирам и дева”.

Т е з е й. Можно ли требовать, чтобы известь и глина говорили лучше?

Д е м е т р и й. Государь, это положительно самая остроумная стена, какую мне приходилось слышать.

Входит П и р а м.

Т е з е й. Тише! Пирам подходит к стене.

П и р а м

“О ночи тьма! Ночь, что как мрак черна!
Ночь, что везде, где дня уж больше нет!
О ночь, о ночь! Увы, увy, увy!
Боюсь, забыла Фисба свой обет!
А ты, Стена, любезная Стена,
Отцов-врагов делящая владенья, —
Пусть станет мне хоть щель в тебе видна
Для моего предмета лицезренья.

Стена растопыривает пальцы.

Пошли тебе Юпитер благодать!
Но ах, увy! — что вижу я сквозь стену?
Стена-злодейка, девы не видать!
Будь проклята, Стена, ты за измену!”

Т е з е й. По-моему, Стена тоже должна напугаться, раз она обладает всеми чувствами.

П и р а м. Никак это невозможно, ваша светлость: “за измену” — это реплика для Фисбы: она теперь должна войти, а мне надо ее заметить сквозь стену. Вы увидите, что все будет точка в точку, как я сказал. А вот и она идет.

Ф и с б а

“Не ты ль, Стена, внимала вопль печали,
Что от меня отторжен мой Пирам?
Вишневые уста мои лобзали
Твою известку с глиной пополам”.

П и р а м

“Я вижу голос; дай взгляну я в щелку.
Услышу ль Фисбы я прекрасный лик?
О Фисба!”

Ф и с б а

“Ты ль к щелке там приник?
Я думаю...”

П и р а м

“Что думаешь без толку?
Я, как Лимандр, не ведаю измены”.

Ф и с б а

“И я, пока жива, верней Елены”.

П и р а м

“Шафал Прокрусу так не обожал”.

Ф и с б а

“И я верна не меньше, чем Шафал”.

П и р а м

“Целуй сквозь щель: уста твои так сладки”.

Ф и с б а

“Целую не уста — дыру в стене!”

П и р а м

“К гробнице Ниньевой придешь ко мне?”

Ф и с б а

“Хоть умереть, приду, и без оглядки!”

Пирам и Фисба уходят.

С т е н а

“Тут роль свою закончила Стена,
И может хоть совсем уйти она”.

(Уходит.)

Т е з е й. Вот и нет больше преграды между соседями.

Д е м е т р и й. Это неизбежно, государь, если стены имеют уши и подслушивают без разрешения.

И п п о л и т а. Я никогда ничего глупее не слыхала!

Т е з е й. Лучшие пьесы такого рода — и то только тени; а худшие не будут слишком плохи, если воображение поможет им.

И п п о л и т а. Но это должно сделать наше воображение, а не их.

Т е з е й. Если мы будем воображать о них не меньше того, что они сами о себе воображают, они могут представиться отличными людьми. А вот идут два благородных зверя: Луна и Лев.

Входят Лев и Лунный Свет.

Л е в

“Сударыни, в ком нежных чувств излишек
Пугается при виде малых мышек,

Боюсь, чтоб вы не начали кричать,
Коль будет грозный лев при вас
рычать.

Но я не лев и не его подруга;
Я лишь столяр; не надобно испуга.
Когда б, как лев, забрался я сюда,
Ведь мне была бы самому беда”.

Тезей. Какое кроткое животное и какое рассудительное!
Деметрий. Самое милое животное, государь, какое я
видел.

Лизандр. Этот лев по храбрости — настоящая лисица.

Тезей. Верно, а по благоразумию — настоящий гусь.

Деметрий. Не совсем так, государь, потому что его
храбрость не пересиливает его благоразумия, а лисица всегда
пересилит гуся.

Тезей. Во всяком случае, его благоразумие не пересилит
его храбрости, потому что гусь никогда не пересилит лисицы.
Однако предоставим его собственному его благоразумию и
послушаем, что скажет Луна.

Л у н н ы й С в е т

“Двурогую луну фонарь являет сей,
А я — тот человек, что обитает в ней”.

Тезей. Вот тут самая большая ошибка: человека надо бы-
ло поместить в фонаре; какой же он иначе человек на луне?

Деметрий. Он не решился туда влезть из-за свечки:
смотрите, как она нагорела.

И п п о л и т а. Мне надоела эта луна; пора бы ей перемениться!

Т е з е й. Судя по слабому пламени ее разума, она уже на ущербе; но из любезности нам надо дождаться.

Л и з а н д р. Продолжай, Луна.

Л у н н ы й С в е т. Все, что я должен сказать, это вот что: только объяснить вам, что фонарь — это луна, а я — человек в луне; этот терновый куст — мой терновый куст, а эта собака — моя собака.

Луна и фонарь. Силуэт Поля Коневки

Д е м е т р и й. Собственно, все это должно бы было находиться в фонаре: ведь это все на луне. Но тише: идет Фисба.

Входит Ф и с б а.

Ф и с б а

“Вот Нина старого гробница. Где ж мой милый?..”

Л е в (рычит). “У-у-у!..”

Фисба убегает.

Т е з е й. Отлично рычишь, Лев!

И п п о л и т а. Отлично светишь, Луна! Право, Луна светит очень мило.

Лев разрывает плащ Фисбы и убегает.

Т е з е й. Отлично разодрал, Лев!

Д е м е т р и й. Тут является Пирам...

Л и з а н д р. И Лев исчезает.

Входит П и р а м.

П и р а м

“Благодарю, Луна, за солнечны лучи,

За то, что ярко так сияешь ты в ночи.

Твой свет мерцающий, золотой, лазурно-ясный

Поможет Фисбы мне увидеть лик прекрасный.

Но страх какой!

О рыцарь, стой!

Разит судьбина злая.

Темно в очах...
Возможно ль? Ах!
Друг, дева дорогая!
Твой плащ в крови! Беда!
О фурии, сюда!
Вы, парки, приходите
Разрезать жизни нити,
Ты, злобный рок, спеши:
Рази, грози, убей, добей,
Кончай и сокруши!"

Т е з е й. Такое отчаяние и смерть милого друга, право, могут опечалить.

И п п о л и т а. Клянусь душой, мне жаль этого человека.

П и р а м

“Зачем, Природа, жизнь даруешь
львам,
Чтоб красоту твою они губили?
Увы, она была милей всех дам,
Что на земле росли, цвели, любили.
О, лейтесь, токи слезны!
Сюда, мой меч любезный!
Рази меня, клинок,
В тот самый левый бок,
Где слышен сердца стук.
Избавь меня от мук!

(Закалывается.)

И вот я мертв, ах, ах!
Мой дух уж в небесах!
На небо улетаю,
Лишь кости здесь слагаю.
Язык, свой свет сокрой!..
Луна, лети долой!

Лунный Свет уходит.

Несчастный, умирай!
Ай-ай-ай-ай-ай-ай!"

(Умирает.)

Д е м е т р и й. Какие же он кости слагает? Всего одно очко: ведь он один.

Л и з а н д р. Меньше, чем одно очко, приятель: он умер — значит он пустышка.

Т е з е й. С помощью хорошего хирурга он мог бы исцелиться и оказаться ослом.

И п п о л и т а. Как же это Лунный Свет ушел раньше, чем Фисба вернулась? Ведь ей надо отыскать своего любовника.

Т е з е й. Она его отыщет при свете звезд. Вот и она: ее отчаянием заканчивается пьеса.

Входит Ф и с б а

И п п о л и т а. По-моему, из-за такого Пирама отчаяние не может быть слишком продолжительным: надеюсь, она будет краткой.

Д е м е т р и й. Пылинка перетянет чашку весов, если начать взвешивать, кто из них лучше, Пирам или Фисба: он как

мужчина (боже нас упаси!) или она как женщина (сохрани нас боже!).

Л и з а н д р. Вот она уже высмотрела его своими прелестными глазками.

Д е м е т р и й. И начинает его оплакивать.

Ф и с б а

“Ты спишь ли, голубок?
Как! Умер мой дружок?
Проснись! Ты нем иль мертв
совсем,

И очи тьмой покрыты?
Твоя исчезла красота —
Вишневый нос алее роз,
Твои лилейные уста
И желтые ланиты...
Любовники, стенайте все:
Вот он лежит во всей красе!
Ах, чудный взор его очей
Был зеленее, чем порей.
Прощай, мой ненаглядный!
Вы, три сестры, сюда скорей,
С руками молока белей;
Теперь они у вас в крови:
Вы нить шелковую любви
Порвали беспощадно.
Молчи, язык! К чему тут речь?

Приди сюда, мой верный меч!
Рази скорей — вот грудь моя.

(Закалывается.)

Прощайте, все друзья:
Кончает Фисба жизнь свою, —
Адью, адью, адью!”

(Умирает.)

Т е з е й. Лев и Луна остались в живых, чтобы схоронить мертвых.

Д е м е т р и й. Да, и Стена тоже.

О с н о в а. Нет, смею вас уверить, стена, которая разделила их отцов, больше не существует. Угодно вам посмотреть эпилог или прослушать бергамаский танец в исполнении двух наших актеров?

Т е з е й. Не надо эпилога: ваша пьеса в извинении не нуждается. Какие же извинения? Раз все актеры умерли, бранить некого. Если бы сочинитель этой пьесы сыграл Пирама и удавился подвязкой Фисбы, то это была бы отличная трагедия и прекрасно исполненная; но она и так хороша. Покажите нам ваш бергамаский танец, а эпилог не нужен.

Танец.

Ах! Полночь языком своим железным
Двенадцать отсчитала. Спать скорее!
Влюбленные, настал волшебный час.
Боюсь, что у нас так же мы проспим,
Как незаметно за ночь засиделись.

Нам пьеса сократила ночи ход.
В постель, друзья, — еще нам две недели
Ночных забав и новых развлечений.

Уходят.

Сцена 2

Там же.

Появляется П э к.

П э к

Вот голодный лев рычит,
И на месяц воет волк.
Утомленный пахарь спит.
Труд окончен, шум замолк.
Гаснут рдяные дрова,
В темноте кричит сова,
И больному крик тот злобный
Предвещает холм надгробный.
Час настал, чтоб на погосте
Разверзалась пасть гробов.
Возле церкви всюду гости —
Бродят тени мертвецов.
Мы ж Гекате вслед летим,
И, как сны во тьме, мы таем;
Но пока везде чудим,
Дом счастливый облетаем.
Не мешай ничто покою,

Даже мышь не смей скрести.
Послан я вперед с метлою
Сор за двери весь смести.

Появляются Титания и Оберон со свитой.

Оберон

Осветите спящий дом
Сонным мертвенным огнем.
Каждый эльф и крошка-фея,
Легче птичек всюду рея.
Вторьте песенке моей
И пляшите веселей!

Титания

Прежде песню разучите,
Нота в ноту щебечите:
Легким роем все потом
Освятим мы с пеньем дом.

Поют и танцуют.

Оберон

До зари по всем углам
Разлетитесь тут и там.
Я же царственное ложе
Прежде всех благословлю;
Остальных влюбленных тоже
Светлым счастьем наделю.

В дар прекрасным новобрачным
Верность чувств мы принесем.
Пусть счастливым и удачным
Будет их союз во всем.
Я породы благородство
Навсегда их детям дам.
Не коснется их уродство,
Знак, пятно, рубец иль шрам —
Все природы поврежденья,

Оберон и Титания. Силуэт Поля Коневки

Что бывают от рожденья;
Вы рососою полевою
Окропите мирный кров:
Будь над царственной четою
Счастье, мир вовек веков!
Отправляйтесь, разлетайтесь,
На заре ко мне являйтесь.

Оберон, Титания и свита уходят.

П э к

Коль я не смог вас позабавить,
Легко вам будет все исправить:
Представьте, будто вы заснули
И перед вами сны мелькнули.
И вот, плохому представленью,
Как бы пустому сновиденью,
Вы окажите снисхожденье.
Мы будем благодарны ввек.
Притом клянусь, как честный Пэк,
Что если мы вам угодили,
То лучше все пойдет потом.
Давайте руку мне на том.
Коль мы расстанемся друзьями,
В долгу не буду перед вами.

(Исчезает.)

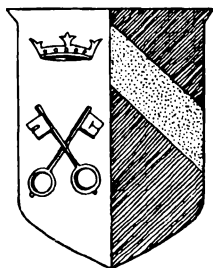
Вильям

Шекспир

Тит Андроник

трагедия в V актах

Перевод А. Курошевой

Действующие лица

С а т у р н и н, сын умершего римского императора,
потом император.

Б а с с и а н, брат Сатурнина.

Т и т А н д р о н и к, знатный римлянин.

М а р к А н д р о н и к, народный трибун, брат Тита.

Л ю ц и й

К в и н т

сыновья

М а р ц и й

Тита Андроника.

М у ц и й

Л ю ц и й М л а д ш и й, мальчик, сын Люция.

П у б л и й, сын Марка Андроника.

Э м и л и й, знатный римлянин.

А л а р б

Д е м е т р и й

сыновья Таморы.

Х и р о н

А р о н, мавр, возлюбленный Таморы.

Военачальник, трибун, гонец,
деревенский парень (шут), римляне
и готы.

Т а м о р а, королева готов.

Л а в и н и я, дочь Тита Андроника.

Кормилица и черный ребенок.

Родственники Тита, сенаторы, трибуны,
военачальники, воины, слуги.

Место действия — Рим и его окрестности.

АКТ I

Сцена 1

Рим. Перед Капитолием. Видна гробница Андроников.

Трубы.

Входят наверху трибуны и сенаторы; затем входят внизу, с барабанами и знаменами, с одной стороны — Сатурнин и его приверженцы, с другой — Бассиан и его приверженцы.

С а т у р н и н

Патриции, опора прав моих,
Оружьем защищайте их законность;
И вы, сограждане, друзья, мечами
Наследный сан отстаивайте мой:
Я — первородный сын того, кто был
До нас последним венценосцем Рима.
Величие отца за мной упрочьте
И старшинство мое не опорочьте.

Б а с с и а н

Вы, римляне, защита прав моих,
Коль Бассиан, сын цезаря, снискал

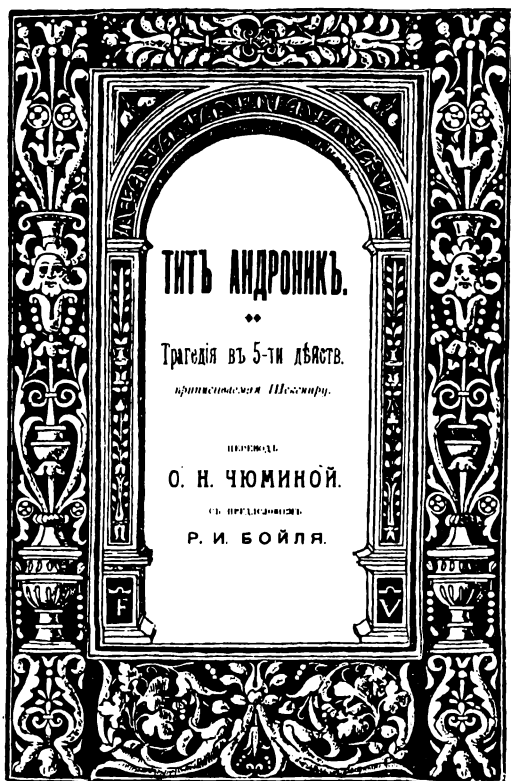
Благоволенье царственного Рима,—
Вход в Капитолий охраняйте здесь.
Да не приблизится порок бесчестить
Трон цезарей, величью посвященный,
Умеренности, правде и добру;
Да воссияют в избранном заслуги.
Боритесь за свободный выбор ваш.

Входит наверху Марк Андроник с короной.

М а р к

При помощи друзей и партий, принцы,
Вы боретесь за титул и за власть,
Но знайте, что народом Рима, чьею
Особой волей мы облечены,
На цезарский престол единогласно
Андроник избран, по прозванью Пий,
За многие заслуги перед Римом:
Достойней мужа, воина храбрее
Нет в наше время в городских стенах.
Сенатом он на родину отозван
С войны тяжелой против диких готов;
С сынами смелыми, грозой врагов,
Он покорил воинственное племя.
Десятилетье протекло с тех пор,
Как, став за Рим, он дерзких покарал
Оружием; пять раз он возвращался,
Изранен, в Рим и сыновей отважных

Книжная рамка эпохи Ренессанса

К нам привозил в гробах.
И вот, добычей славной отягченный,
Андроник добрый возвратился в Рим,
Достойный Тит, великий в деле бранном.
Во имя цезаря, кому хотели б
Преемника достойного вы дать,
И правом Капитолия с сенатом,
Столь чтимых вами, говорите вы,—
Вас заклинаем избежать насилья
И, отпустив друзей, в смирение, в мире
За право состязаться как истцы.

С а т у р н и н

Смирил мой дух, трибун красноречивый!

Б а с с и а н

Так в честь твою я верю, Марк Андроник,
И в беспристрастие и прямоту,
Так почитаю и люблю тебя,
И Тита, брата твоего, с сынами,
И ту, которой предан я всецело,—
Лавинию, красу и гордость Рима,—
Что отпустить своих друзей готов;
И милости народа и судьбе
Вверяю я мое избранье взвесить.

Приверженцы Бассиана уходят.

С а т у р н и н

Друзья, за ревность к праву моему
Благодарю всех вас и отпускаю;
И милости, любви моей отчизны
Вверяю я избранье и себя.

Приверженцы Сатурнина уходят;

Будь так же милостив ко мне, о Рим,
И справедлив, как мною ты любим! —
Открыть ворота! Пропустить меня!

Б а с с и а н

И я войду в них, скромный соискатель.

Трубы.

Сатурнин и Бассиан поднимаются в Капитолий.

Входит военачальник.

В о е н а ч а л ь н и к

Дорогу, римляне! Андроник добрый,
Поборник правды, Рима лучший воин,
Победоносный в битвах, данных им,
Вернулся к нам со славою и честью,
Мечом из римских вытеснив владений
И в рабство наших обратив врагов.

Трубы и барабаны.

Входят Марций и Муций, за ними два человека,
несущих покрытый черным гроб; затем Люций и Квинт.

За ними Тит Андроник; затем Тамора,
королева готов, с Аларбом, Хироном, Деметрием,
Ароном и другими пленными готами;
за ними следуют воины и народ.
Гроб ставят на землю, и Тит говорит.

Т и т

Привет, о Рим, и в трауре победный!
Как тот корабль, который груз свой сбросил
И с драгоценной кладью входит в порт,
Откуда с якоря впервые снялся, —
Андроник прибыл, лаврами повит,
Приветствовать отчизну со слезами,
Слезами счастья о возврате в Рим.
Хранитель Капитолия великий,
Будь милостив к обрядам предстоящим!
Вот двадцати пяти сынов отважных, —
Приам имел и вдвое больше их, —
Остаток жалкий — мертвых и живых!
Кто жив, тех награди любовью, Рим;
Кого я вез к последнему жилищу,
Тех подле праха предков упокой.
Мне дали готы в ножны меч вложить.
Что ж, допускаю, нерадивый к близким,
Сынов своих еще не погребенных
Блуждать по мрачным Стикса берегам!
Им возле братьев отведите место.

Открывают гробницу.

В молчанье встретьтесь, как довлеет мертвым,
И спите с миром, за отчизну пав!
Вместилище былой моей отрады,
Обитель доблести и благородства,
Хранишь ты многих сыновей моих
И никогда не возвратишь мне их!

Л ю ц и й

Дай нам славнейшего из пленных готов,
Чтоб, изрубив, мы на костре его
Ad manes fratrum¹ в жертву принесли
Перед земной темницей их останков,—
Чтоб не томились тени неотмщенных,
Смущая нас зловещим появленьем.

Т и т

Возьмите, вот знатнейший из живых:
Он старший сын несчастной королевы.

Т а м о р а

О, стойте, братья-римляне! Ты, Тит,
Великодушный победитель, сжался
Над матерью, страдающей за сына;
О, если дорог сын тебе родной,

¹ Братским теням... (Все иноязычные фразы и отдельные слова в этой пьесе — латинские.)

Подумай! Мне ведь так же дорог мой!
Иль мало вам того, что нас пригнали
Украстить въезд твой триумфальный в Рим,
Твоих рабов и Рима подъяремных?
Ужели сыновей моих зарежут
За подвиги в защиту их отчизны?
О, если этот подвиг должно чтить
В твоих сынах, — в моих он также славен.
Андроник, не пятнай гробницы кровью.
Ты хочешь уподобиться богам?
Так будь же в милосердьи им подобен:
Ведь милосердьи — признак благородства.
Оставь мне сына, благородный Тит.

Т и т

Прости мне, королева, и смирись.
Вот братья тех, кого видали готы
В живых и мертвыми; за павших жертвы
Благочестиво требуют они.
Твой сын намечен и умрет,
Чтоб успокоить тени отошедших.

Л ю ц и й

Забрать его и развести огонь!
Мечами будем тело на костре
Рубить, пока не обратится в пепел.

Сыновья Андроника с Аларбом уходят.

Иллюстрация к I акту Дж. Джильберта

Т а м о р а

Обряд бесчеловечный, нечестивый!

Х и р о н

Была ли Скифия такой жестокой?

Д е м е т р и й

Со Скифией сравнится ль властный Рим?
Аларб почитет, мы же остаемся
Под грозным взором Тита трепетать.
Смирись же, королева, но надейся,
Что боги, давшие царице Трои
Возможность беспощадно отомстить
В его шатре фракийскому тирану,
Тебе помогут, королеве готов, —
Пока мы готы, ты ж их королева, —
За кровные обиды отплатить.

Входят сыновья Андроника с окровавленными мечами.

Л ю ц и й

Отец и господин, исполнен нами
Обряд наш римский. Уж Аларб изрублен,
И внутренности брошены в огонь,
И дым, как фимиам, воскурен в небо.
Похоронить осталось наших братьев
И бранным звоном в Риме здесь их встретить.

Т и т

Да будет так, и да пошлет Андроник
Последнее прощанье душам их.

Трубы. Гроб вносят в гробницу.

Здесь, сыновья, покойтесь с миром, с честью;
Герои Рима, тихо почивайте,
Сокрыты от превратностей и бедствий.
Не сторожат измена здесь, ни зависть,
Отрава не растет; здесь нет ни шума,
Ни бурь, но тишина и вечный сон.
Здесь, сыновья, покойтесь с миром, с честью!

Входит Л а в и н и я.

Л а в и н и я

Да здравствует Андроник с миром, с честью!
Отец и господин, живи во славе!
Здесь, на могиле, приношу слезами
Дань погребенью братьев, и склоняюсь
К твоим ногам, я слезы проливаю
От радости, что ты вернулся в Рим.
Благослови меня десницей славной;
Ее победам рукоплещет Рим.

Т и т

Рим благосклонный бережет любовно,
На радость сердцу, старости утеху!—

Переживи мой век! Цвети по праву,
Извечной добродетели во славу!

Входят внизу Марк Андроник и трибуны;
возвращаются Сатурнин и Бассиан со свитой.

М а р к

Да здравствует любимый брат мой Тит,
Любезный взорам Рима, триумфатор!

Т и т

Благодарю, трибун и брат мой Марк.

М а р к

Племянники, с победой поздравляю
И вас, живых, и спящих в славе, вас!
В удаче все вы, юноши сравнялись,
Поднявшие за родину мечи.
Но погребенья торжество надежней:
Оно Солонова взыскует счастья,
На ложе чести победив превратность. —
Андроник Тит, тебе народ наш
римский,
Чьим другом истинным ты был всегда,
Через меня, посредника, трибуна,
Шлет паллий непорочной белизны
И намечает к выборам на царство
С наследниками цезаря — тебя:

Надев его, стань нашим candidatus¹
И Рим наш обезглавленный возглавь.

Т и т

Прилична телу славному глава
Получше этой, что от лет трясется.
К чему смущать вас, в паллий облачившись?
Быть избранным сегодня всенародно,
А завтра власть сложить, и жизнь отдать,
И новые навлечь на вас заботы?
Рим, сорок лет я был твоим солдатом,
И силой ратной управлял с успехом,
И девятнадцать смелых сыновей
Похоронил, что мужественно пали
За родину с оружием в руках.
Почетный посох дайте мне на старость,
Не скипетр — миром управлять; держал
Его высоко, кто держал последним.

М а р к

Тит, пожелай лишь — и получишь власть.

С а т у р н и н

Трибун надменный, можешь ли ручаться?

¹ Носящий белый плащ (паллий), какой надевали в Риме кандидаты на высокие государственные должности.

Т и т

Терпенье, принц.

С а т у р н и н

О, Рим, будь справедлив.

Меч обнажив, патриции, не прячьте,
Пока я в Риме цезарем не стал.
Андроник, в ад отправишься ты прежде,
Чем у меня сердца народа взять!

Л ю ц и й

Гордец ты, Сатурнин,— добру мешаешь,
Которое готовит Тит тебе!

Т и т

Принц, успокойся, я верну тебе
Сердца народа, у него ж отняв их.

Б а с с и а н

Андроник, я не льщу тебе, но чту
И буду чтить тебя, пока не умер;
И если партию мою поддержишь,
Признателен я буду; для достойных
Признательность — почетней всех наград.

Т и т

У римского народа и трибунов

Поддержки я прошу и голосов.
Их дружески Андронику дадите ль?

Т р и б у н ы

Чтоб доброго Андроника почитать,
Отпраздновав счастливое прибытие,—
Кто избран им, того народ признает.

Т и т

Благодарю, трибуны, и прошу,
Чтоб выбор пал на старшего из принцев,
На Сатурнина, чьи заслуги, верю,
Рим озарят, как землю — луч Титана,
И правосудие в стране взрастят.
Итак, совет мой вам — венчать его,
Провозгласив: “Да здравствует наш цезарь!”

М а р к

С согласия и при одобренье всех,
Патрициев, как и плебеев, принца
Им императором провозглашаем:
“Да здравствует наш цезарь, Сатурнин!”

Непрерывные трубные звуки, пока они сходят вниз.

С а т у р н и н

Андроник, за твои услуги, нынче
Оказанные при избранье нам,

Тебе я благодарность изъявляю
И по заслугам наградить хочу.
И для начала, Тит, чтоб возвеличить
Твой славный род, хочу императрицей
Лавинию назвать, царицей Рима,
Властительницей сердца моего,
С ней сочетавшись браком в Пантеоне.
Доволен этим предложеньем ты?

Т и т

Да, господин мой, и высокой честью
Союз тот почитаю для себя.
И здесь же, перед Римом, Сатурнину,
Вождю и повелителю народа,
Властителю вселенной, посвящаю
Мой меч, и пленников, и колесницу —
Дары, достойные владыки Рима.
Прими же их как дань, трофеи славы,
К твоим ногам повергнутые мной.

С а т у р н и н

Благодарю, отец моей любви,
Тит славный! Как я горд тобой и даром —
Свидетель Рим; и, если я забуду
Малейшую из всех заслуг бесценных,
Вы, римляне, забудьте верность мне.

Т и т
(Таморе)

Ты цезаревой пленницею стала;
Согласно с саном, Тамора, твоим
Поступит благородно он с тобою.

С а т у р н и н
(в сторону)

Красавица от головы до ног!
Ах, если б ею обладать я мог!

(Громко.)

Лик скорбный, королева, проясни.
Войны превратности тому причиной;
Но ты явилась в Рим не на позор:
В тебе всегда признают королеву.
Доверься мне и не давай печали
Затмить надежды все. Твой повелитель
Возвысить может королеву готов.—
Лавиния, не гневаешься ты?

Л а в и н и я

О нет! Порукой Сатурнина честь,
Что эта речь — лишь царственная лесть.

С а т у р н и н

Благодарю.— Ну, римляне, идемте.

Без выкупа мы пленных отпускаем.
Пусть нашу славу трубы возвестят.

Трубы.

Сатурнин ухаживает за Таморой.

Б а с с и а н

(хватая Лавинию за руку)

Тит, разреши мне! Девушка моя.

Т и т

Как! Ты серьезно говоришь, мой принц?

Б а с с и а н

Да, Тит, вполне; и доказать намерен
Как право, так и правоту свою.

М а р к

Suum cuique¹ — в нашем римском праве:
Лишь собственность берет по праву принц.

Л ю ц и й

И он возьмет ее, коль будет жив.

Т и т

Изменники! Где стража государя?
Лавиния похищена! Измена!

1 Всякому — свое.

С а т у р н и н

Похищена? Но кем же?

Б а с с и а н

Тем, кто прав,
Свою невесту ото всех отняв.

Бассиан и Марк с Лавинией уходят.

М у ц и й

Вы, братья, помогите скрыться ей,
А я останусь охранять здесь двери.

Квинт, Люций и Марций уходят.

Т и т

Ее верну я. Государь, за мной!

М у ц и й

Ты не пройдешь здесь.

Т и т

Как, мальчишка дерзкий!
Путь в Риме преграждаешь мне?

(Закалывает Муция.)

М у ц и й

На помощь!

(Умирает.)

Во время этой схватки Сатурнин, Тамора, Деметрий, Хирон и Арон
уходят и появляются наверху.

Входит Л ю ц и й.

Л ю ц и й

Отец, ты больше чем несправедлив:
В неправо́й ссоре умертвил ты сына.

Т и т

Ни ты, ни он — не сыновья вы мне:
Так сын не опозорил бы. Изменник,
Лавинию ты цезарю вернешь!

Л ю ц и й

Лишь мертвою! Она обручена
С другим — и цезарю женой не будет!

(Уходит.)

С а т у р н и н

Знай, Тит, нет нужды цезарю в тебе,
Ни в ней, ни в ком из твоего семейства.
Я лучше вверюсь тем, кем был осмеян,
Вам — никогда, надменным, вероломным
Виновникам позора моего.
Иль не нашлось вам на потеху в Риме
Другого никого? Согласны, Тит,
Дела такие с похвальбой твоей,
Что у тебя я выклянчил державу.

Т и т

Чудовищно! Какое оскорбленье!

С а т у р н и н

Но будь по-твоему; отдай девчонку
Тому, кто за нее махал мечом;
Зять будет славный: он поспорить может
С беспутными твоими сыновьями
В уменье государство возмутить.

Т и т

Нож — эта речь для раненого сердца.

С а т у р н и н

Ты ж, Тамора, правительница готов,
Затмившая собой красавиц римских,
Как дивная Фебея — нимф своих,
Коль выбором неожиданным ты довольна,
Тебя, своей супругою избрав,
Провозглашу императрицей Рима.
Одобришь ли мой выбор, королева?
Здесь римскими богами я клянусь,
Затем, что близко жрец с водой святою,
И факелы пылают, и готово
Для Гименея все, — не покажусь
На римских улицах, и во дворец

Я не войду, пока, обвенчан с нею,
Не уведу отсюда я супругу.

Т а м о р а

Здесь, пред лицом небес, клянусь я Риму,—
Коль Сатурнин возвысит королеву,
Она слугой его желаний станет
И матерью — для юности его.

С а т у р н и н

В храм, королева.— Следуйте, друзья,
За императором с супругой милой,
Дарованною Сатурнину небом,
Исправившим судьбу ее премудро.
Там совершатся брачные обряды.

Уходят все, кроме Тита.

Т и т

Не позван я сопровождать невесту.
Когда ты был, Андроник, так отвергнут,
Так опозорен, обвинен в измене?

Входят Марк, Люций, Квинт и Марций.

М а р к

О Тит, подумай, что ты совершил!
В ничтожной ссоре сына ты убил.

Т и т

Нет, нет, глупец-трибун, не сын мне он;
И ты и те сообщники деянья,
Нас опозорившего, — кто вы мне?
Презренный брат, презренные сыны!

Л ю ц и й

Дай схоронить его как подобает;
Как братьев, Муция дай схоронить.

Т и т

Не смей, изменник! Здесь ему не место,
Гробница эта пять веков стоит;
Я заново ее отстроил пышно.
Здесь только воины и слуги Рима
Покоятся во славе — не буяны.
Где знаете, кладите, но не здесь.

М а р к

О брат мой, это будет нечестиво:
Оправдывают Муция деянья.
Он должен с братьями быть погребен.

К в и н т и М а р ц и й

И будет, иль за ним уйдем мы следом.

Т и т

“И будет”! Кто сказал здесь это слово?

К в и н т

Тот, кто его повсюду подтвердит.

Т и т

Как! Схоронить без моего согласия?

М а р к

Нет, славный Тит, но просим у тебя
Прощенья Муцию и погребенья.

Т и т

И ты меня ударил, Марк, по шлему!
С мальчишками ты ранил честь мою!
Вас за врагов всех почитаю я;
Уйдите прочь, оставьте все меня.

М а р ц и й

Он вне себя; нам лучше удалиться.

К в и н т

Не схоронив останков, не уйду.

Марк и сыновья Тита становятся на колени.

М а р к

Мой брат, природы голос умоляет...

К в и н т

Отец, природы голос говорит...

Т и т

Молчи, твой голос их надежд лишает.

М а р к

О Тит, часть большая души моей...

Л ю ц и й

Отец, душа и сущность сыновей...

М а р к

О, допусти, чтоб был схоронен Марком
В жилище добродетели племянник,
Погибший за Лавинию и честь!
Ты римлянин — так варваром не будь.
Ведь греки предали земле Аякса,
Убившего себя; об этом их
Просил усердно мудрый сын Лаэрта.
Дай Муцию — он был твоей утсхой —
Сюда войти свободно.

Т и т

Встань же, Марк! —
Несчастней дня я не знавал, чем этот:
Я опозорен сыновьями в Риме! —
Похорони его, за ним — меня.

Муция вносят в гробницу.

Л ю ц и й

Покойся там с друзьями, милый Муций,
Пока трофей гробницы не украсил!

В с е

(преклонив колени)

По Муцию не проливайте слез:
Кто пал за дело чести, жив во славе.

М а р к

Брат, чтоб из мрачного унынья выйти,
Скажи, как хитрой королеве готов
Возвыситься вдруг в Риме удалось?

Т и т

Не знаю, Марк, но знаю — это так.
А ловкостью иль нет, то скажет небо.
Но не обязана ль она тому,
Кто издали привел ее к величью?
Да, и она вознаградит его.

Трубы.

Входят с одной стороны Сатурнин со свитой, Тамора,
Деметрий, Хирон и Арон; с другой — Бассиан,
Лавиния и другие.

С а т у р н и н

Ты получил награду, Бассиан!
Пошли тебе бог счастья от супруги.

Б а с с и а н

Тебе того же. Больше не скажу
И меньше не желаю. С тем оставляю.

С а т у р н и н

Коль в Риме есть закон и власть у нас,
Ты с шайкою расквесишься в насилие.

Б а с с и а н

Насильем называешь, что беру я
Свое — мою невесту и жену?
Но пусть законы Рима все решат;
Пока же, что мое, тем и владею.

С а т у р н и н

Отлично, принц; ты очень резок с нами;
Так будем столь же строги мы с тобой.

Б а с с и а н

За то, что я свершил, я в полной мере
Ответить должен и отвечу — жизнью.
Одно лишь милости твоей скажу
Из чувства долга моего пред Римом:
Патриций этот, благородный Тит,
Во мнение всех и в чести опорочен,
Лавинию освободить пытаюсь,
Убил он сына собственной рукой,

Служа тебе и разъяренный тем,
Что дар, который он тебе назначил,
Похитили тебе наперекор.
Верни же милость, Сатурнин, тому,
Кто выказал себя во всех поступках
Как друг, отец и Риму и тебе.

Т и т

Не защищай мои поступки, принц.
Ты сам помог предать меня позору.
Пусть судит Рим и праведное небо,
Как мной любим и чтим был Сатурнин!

Т а м о р а

О цезарь, если Тамора достойна
Благоволенья в царственных глазах,
Послушай, что скажу я беспристрастно,
И прошлое, прошу тебя, прости.

С а т у р н и н

Как! Получить открыто оскорбленье
И низко вытерпеть, не отомстив?

Т а м о р а

Нет, государь, да не допустят боги,
Чтоб на тебя я навлекла позор!
Но честью я осмелюсь в том ручаться,

Что неповинен добрый Тит ни в чем:
Гнев непритворный говорит о горе.
Взгляни же милостиво на него;
Из подозренья не лишайся друга,
В нем сердце строгим взглядом не печаль.

(Тихо, Сатурнину.)

Послушайся меня, на просьбы сдайся,
Печаль свою и недовольство скрой.
Ты только что взошел на свой престол;
Народ и знать, все на сторону Тита
По здравом размышленьи могут стать,
Тебя низвергнув за неблагодарность, —
Что Рим считает низменным пороком.
Склонись к мольбам и предоставь все мне:
Я день найду, чтоб всех их перерезать,
Искоренить их партию и род,
Отца-злодея, сыновей коварных,
Кого за сына милого молила:
Пусть впредь не заставляют королеву
С мольбой средь улиц падать на колени. —

(Громко.)

Прости же, цезарь! — Подойди, Андроник! —
Ты старца подними, ободри сердце,
Убитое грозою гневных глаз.

С а т у р н и н

Встань, Тит, императрица победила.

Т и т

Вас, государь, благодарю обоих:
От этих слов и взглядов ожил я.

Т а м о р а

Тит, я сроднилась с Римом. Принял он
Как римлянку меня, тем осчастливив,—
И я должна подать благой совет.
Все распри ныне кончены, Андроник.—
Честь предоставь мне, добрый государь,
Тебя с друзьями помирить твоими.—
Принц, за тебя замолвила я слово
И обещанье цезарю дала,
Что станешь ты сговорчивей и мягче.—
Лавиния, вы, юноши,— не бойтесь:
Совет мой вам — смиренно на коленях
У цезаря прощенья попросить.

Л ю ц и й

Охотно, и клянемся государю,
Что поступали сколь возможно мирно,
Честь уважая нашу и сестры.

М а р к

В том я своею честью заверяю.

С а т у р н и н

Прочь, и молчать: не досаждайте нам!

Т а м о р а

Нет, цезарь, нет, нам должно быть друзьями.
Они пощады просят на коленях.
Ужели ты откажешь мне, любимый?

С а т у р н и н

Марк, снизойдя к мольбам твоим и Тита,
По настояньям Таморы любезной,
Я юношам прощаю их поступки.
Вставайте!—
Лавиния, пусть брошен я тобою,
Но я нашел подругу. Клятвой, верной
Как смерть, клянусь, что жрец нас повенчает.—
Пойдем,— пусть двор отпразднует две свадьбы:
Будь гостьей у меня с друзьями всеми.—

(Таморе.)

День нынешний пусть будет днем любви.

Т и т

А завтра, коль тебе угодно будет
Загнать со мной пантеру, нас разбудят
Рога и лай — охотничий привет.

С а т у р н и н

Пусть так и будет. Тит, благодарю.

Трубы.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Рим. Перед дворцом.

Входит Арон.

Арон

Достигла Тамора высот Олимпа,
Ударам рока недоступна там,
Защищена от грома и от молний,
Над завистью грозящей вознесясь.
Как солнце в час, когда, зарю встречая
И золотя лучами океан,
По зодиаку мчится в колеснице
И озирает выси дальних гор,—
Так Тамора!
Все на земле ей льстиво угождает,
Трепещет добродетель перед ней.—
Арон, во всеоружьи сердца, мыслей
С любовницей венчанной вознесись;
Возвысься с той, которую ты долго

Держал, как пленницу, в цепях любви,
Прикованной к очам Арона крепче,
Чем Прометей прикован был к скале.
Прочь, рубище раба и раболепство!
Хочу блистать я в жемчугах и злате,
Императрице новой послужить.
Служить? Нет, тешиться с ней, королевой,
Богиней, нимфою, Семирамидой,
Сиреною, завлекшей Сатурнина,
И видеть гибель Рима и его. —
Эй! Это что за шум?

Входят Деметрий и Хирон, угрожая
друг другу.

Д е м е т р и й

Твоим годам, Хирон, недостает
Ума. Уму же — остроты, с которой
Проник бы он туда, где я любезен
И даже буду, может быть, любим.

Х и р о н

Деметрий, ты всегда самонадеян;
И тут ты хочешь похвалбою взять.
Не оттого, что я на год моложе,
Я менее удачлив и любим.
И я, как ты, возлюбленной служить
И милость заслужить ее способен.

Меч подтвердит сейчас мои слова
И на любовь Лавинии права.

А р о н
(в сторону)

Дубин, дубин! Влюбленные буянят.

Д е м е т р и й

Не потому ль, что мать неосторожно
Твой бок украсила мечом для танцев,
Ты стал так яростно грозить друзьям?
Уйди отсюда! И пускай твой меч
Игрушечный прилипнет к детским ножнам,
Пока ты им владеть не научился.

Х и р о н

Тем временем и с небольшим умением
Я покажу тебе, на что гожусь.

Д е м е т р и й

Храбришься, мальчик?

Они обнажают мечи.

А р о н
(выступая вперед)

Это что такое?

Так близко от дворца открыто смели

В подобной ссоре обнажить мечи!
Известна мне причина вашей распри;
И за миллион не пожелал бы я,
Чтоб знали те о ней, кто в том замешан;
Ни за какие деньги ваша мать
Не пожелала б в Риме так срамиться.
Стыдитесь! Прочь оружие!

Д е м е т р и й

Нет, покуда
Меч не вложу я в грудь ему и с ним
Не всуну в глотку все попреки эти,
Которыми порочил он меня.

Х и р о н

Трусливый сквернослов! Ты мечешь громы
Лишь языком, но не было ни разу,
Чтоб ты оружием что-нибудь свершил.

А р о н

Прочь, говорю!
Клянусь богами непокорных готов,
Нас всех погубит ваш пустой раздор.
Иль не подумали вы, как опасно
На право принца дерзко посягать?
Лавиния ли стала столь распутной,
Иль Бассиан так низко пал, что в ссору

Вступать возможно за ее любовь,
Ни правосудья не страшась, ни мести?
Узнай причину ссоры вашей мать,
Не по сердцу была б ей эта распря.

Х и р о н

Что в том? Пусть мать узнает и весь мир:
Лавиния милей мне, чем весь мир.

Д е м е т р и й

Молокосос, пониже выбирай:
В Лавинии — Деметрия надежда.

А р о н

В уме ли вы? Не знаете, как в Риме
Несдержаны и вспыльчивы мужья?
Что здесь соперников в любви не терпят?
Себе готовите вы только смерть
Таким путем.

Х и р о н

И тысячу раз смерть
Готов принять я, чтоб добиться милой.

А р о н

Добиться! Как?

Д е м е т р и й

Что странного в том
видишь?

Коль женщина она, то добивайся!
Коль женщина она, бери ее!
И коль Лавиния, — любви достойна.
На мельницу воды уходит больше,
Чем видит мельник, и украсть легко
Кусочек от разрезанного хлеба.
Пусть Бассиан — брат цезаря, — носили
И лучшие Вулкана украшение.

А р о н
(в сторону)

И так же хорошо, как Сатурнин.

Д е м е т р и й

Так что ж отчаиваться, если знаешь,
Как нежным взглядом, словом
обольстить?

Иль не умел ты серну уложить
И унести под самым носом стражи?

А р о н

Сдается мне, что нечто в этом роде
Уладит дело?

Х и р о н

Если б сладить с ним!

Д е м е т р и й
(Арону)

Попал ты в цель.

А р о н

Попасть бы так и вам,
Чтоб не шумели вы по пустякам.
Послушайте, иль глупы вы настолько,
Чтоб ссориться? Вам мало, если вместе
Вам повезет?

Х и р о н

Не мне.

Д е м е т р и й

Ни мне, будь я один из двух.

А р о н

Сдружились в том, из-за чего вы в ссоре.
Помогут хитрость и уменье вам
Желанным овладеть; итак, решайтесь:
Чего достичь не в силах, как хотели б,—
Как можете, исполнить то должны.

Лукреция была не чище, верьте,
Лавинии, подруги Бассиана.
Скорейший путь, чем долгое томленье,
Должны избрать мы; я нашел тропу.
Готовится парадная охота;
Там соберутся римлянки, друзья.
Лесные чащи глубоки, обширны,
И много там пустынных уголков,
Природой созданных для злодеяний;
Туда сманите лакомую лань,
С ней справьтесь силой, если не словами.
Лишь этот путь надежду подает.
Императрице, чей священный разум
Бесчестию и мести посвящен,
Откроем мы намерения наши;
Ее совет отточит нам оружие;
Он не допустит ссоры между вами,
На высоту желаний вознесет.
Двор Цезаря подобен храму Славы,
Что полон глаз, ушей и языков.
Леса безжалостны, дремучи, глухи;
Кричите там, творите что хотите,
Насытьте страсть, от взоров неба скрыты,
Сокровищем Лавинии натешьтесь.

Х и р о н

Совет твой трусостью не отзывает.

Д е м е т р и й

Sit fas aut nefas¹, до поры, когда
Найду поток, что охладит мой пыл,
И чары, что утихомирят страсти.
Per Styge, per manes vehor².

Уходят.

Сцена 2

Лес близ Рима.

Слышны рога и собачий лай. Входят Тит Андроник
с охотниками, Марк, Люций, Квинти Марций.

Т и т

Охота началась, сияет утро.
Поля благоухают, зелен лес.—
Спустите псов, и пусть их лай разбудит
И цезаря с супругою и принца;
И пусть звенит охотничий призыв,
Весь двор наполнив многозвучным эхом.
Вы, сыновья, себе поставьте долгом,
Как мы, особе цезаря служить.
Мой сон был покоен нынче ночью,
Но вновь дохнул отрадою рассвет.

1 Будет ли это законно или незаконно.

2 Я несусь через Стикс и царство мертвых.

Собаки лают, рога звенят.

Входят Сатурнин, Тамора, Бассиан, Лавиния,
Дементрий, Хирон и свита.

Дней добрых много, государь, желаю,—
И столько ж их, императрица, вам!—
Я обещал вам славную охоту.

С а т у р н и н

Да, звучно вы трубили, господа,
Но рановато все ж для новобрачных.

Б а с с и а н

Лавиния, что скажешь ты?

Л а в и н и я

О нет,

Уж два часа прошло, как я проснулась.

С а т у р н и н

Идемте же; коней и колесницы
Подайте нам.

(Таморе.)

Ты римскую охоту
Увидишь, государыня.

М а р к

Затравят

Сильнейшую пантеру псы мои,
На высочайшую из гор взберутся.

Т и т

За зверем вслед погонится мой конь —
И ласточкой над долом пронесется.

Д е м е т р и й
(*тихо, Хирону*)

Надеемся без псов и без коней
Мы лакомую лань загнать верней.

Уходят.

Сцена 3

Пустынная часть леса.

Входит А р о н с мешком золота.

А р о н

Разумный муж сочтет меня безумцем
За то, что столько золота я прячу
Под деревом, чтоб не владеть им больше.
Пусть знает тот, кто обо мне так мыслит,
Что это золото перекуется
В жестокий замысел, который будет
Искусно выполнен и породит
Поистине прекраснейшую подлость.

(Зарывает золото в землю.)

Покойся, чтоб у тех покой отнять,
Кто дар императрицы должен взять.

Входит Т а м о р а.

Т а м о р а

Арон мой милый, что печален ты,
Когда всё похваляется, ликуя?
На каждой ветке птицы распевают;
Змея на солнышке, свернувшись, спит;
Под свежим ветерком листва трепещет,
Бросая пятнами на землю тень.
Под сенью сладостной, Арон, присядем
И, между тем как эхо дразнит псов,
На звук рогов крикливо отзываясь,
Как будто две охоты слышно разом, —
Сидеть мы будем, слушая их лай.
Вслед за борьбой, какую полагаем,
С Дидоной тешился скиталец-принц,
Когда, застигнутых грозой счастливой,
Пещера скрытная их приютила, —
В объятиях друг друга сплетены,
Сном золотым забудемся, натешась,
Меж тем как лай, рога и пенье птиц
Нам будут колыбельной песней няньки,
Баюкающей сонное дитя.

А р о н

Тобою, Тамора, Венера правит
В твоих желаньях; мной в моих — Сатурн.
Что означает взор мой омертвевший,
Задумчивая мрачность и молчанье,
Моих волос развившиеся кольца, —
Так змей коварный распускает кольца,
К смертельному готовясь нападенью?
Нет, Тамора, то не Венеры знаки;
Мсть в этом сердце, смерть в моей руке,
Кровь и отмщенье мне стучат в виски.
Души моей владычица, в которой
Заключено все небо для нее,
День роковой настал для Бассиана;
Отнимется язык у Филомелы;
Похитив честь ее, сыны твои
Омоют руки кровью Бассиана.
Вот здесь письмо, — прошу тебя,
возьми
И цезарю отдай фатальный свиток.
Не спрашивай, — за нами наблюдают:
Сюда идет добычи нашей часть,
О гибели своей не помышляя.

Т а м о р а

Мой милый мавр, ты жизни мне милее!

А р о н

Довольно, Тамора, вот Бассиан.
Будь резкой с ним; я сыновей сыщу,
Чтоб поддержать тебя во всяком споре.

(Уходит.)

Входят Бассиан и Лавиния.

Б а с с и а н

Кто это здесь? Императрица Рима,
Без свиты, подобающей по сану?
Иль то Диана (весь наряд — ее!)
Покинула священные дубравы,
Чтоб на охоту смертных посмотреть?

Т а м о р а

Хулитель дерзостный поступков наших!
Имей я власть, присущую Диане,
Твой лоб рогами тут же б увенчался,
Как с Актеоном было то, — и псы
На тело превращенное твое
Набросились бы, мерзостный невежа!

Л а в и н и я

Сдается, милая императрица,
Что ты умеешь наделять рогами,
И с мавром ты затем уединилась,
Чтоб в этом опыт с ним произвести:

Храни Юпитер цезаря от псов!
Жаль, если за оленя будет принят.

Б а с с и а н

Твой черный киммериец, королева,
Поверь мне, запятнает честь твою
Позорным, грязным, гнусным цветом тела.
Зачем бы удалилась ты от свиты,
Со снежно-белого сойдя коня,
И забрела в глухое это место
В сопровожденье мавра-дикаря,
Коль не была б влекома низкой страстью?

Л а в и н и я

За то, что помешал твоей утехе,
Супруг мой славный в дерзости тобою
Был обвинен.— Уйдем, и пусть любовью,
Как ворон черной, тешится она,—
Ложбина эта отвечает цели.

Б а с с и а н

Узнать об этом должен брат мой, цезарь.

Л а в и н и я

Проступка знак уже давно он носит.
Наш добрый цезарь,— как обманут он!

Т а м о р а

Ужель терпенья хватит все снести?

Входит Деметрий и Хирон.

Д е м е т р и й

В чем дело, матушка и королева?
Ты так бледна! Скажи нам, что с тобою?

Т а м о р а

Бледна я, думаете, без причины?
Вот эти двое завлекли меня
В бесплодную, проклятую ложбину!
Деревья даже летом здесь мертвы,
Их душат мох и злобная омела;
Здесь солнца нет, и водятся здесь только
Сова ночная да зловещий ворон.
И, показав мне этот гнусный ров,
Они сказали, что глухою ночью
Здесь тысячи злых духов, змей шипящих,
Раздутых жаб и тысячи ежей
Такой нестройный, страшный крик поднимут,
Что каждый смертный, услышав его,
Сойдет с ума вдруг иль умрет внезапно.
Едва окончив адский свой рассказ,
Здесь привязать меня они грозили
К стволу грозящего бедою тиса
И жалкой гибели предать.

Меня прелюбодейкой грязной звали,
Распутной готкой, всяким бранным словом,
Какое уху слышать доводилось,
И, если б чудом не явились вы,
Они свершили б надо мной расправу.
Отмстите, если любите вы мать,
Иль впредь детьми моими не зовитесь.

Д е м е т р и й

Вот доказательство, что я твой сын.

(Поражает Бассиана.)

Х и р о н

И я ударом силу покажу.

(Также поражает Бассиана, который умирает.)

Л а в и н и я

Семирамида! Нет, тебе пристало
Лишь варварское имя, что ты носишь!

Т а м о р а

Дай мне кинжал: оплатит ваша мать
Своей рукою за свою обиду.

Д е м е т р и й

Стой, государыня; ей мало смерти:
Хлеб смолоти, потом солому жги.

Красотка чистотой горда своею
И верностью супружеской и ею
Бросает вызов вашему величью.
Ужели ей в могилу все забрать?

Х и р о н

Да, если так, пусть евнухом я буду!
Давай ее супруга стащим в ров;
Пусть труп послужит изголовьем страсти.

Т а м о р а

Желанный мед вкусив, не оставляйте
Осу живой, не то ужалит вас.

Х и р о н

Уж ты поверь, ее мы приручим.—
Идем, голубушка: мы насладимся
Насильно чистотой, что ты блюла.

Л а в и н и я

О Тамора! Ты женщина лицом...

Т а м о р а

Я не желаю слушать! Прочь ее!

Л а в и н и я

Друзья мои, пусть даст сказать хоть слово.

Д е м е т р и й

Позволь ей, матушка, и торжествуй
При виде слез ее; но сердце им
Пусть, как кремень дождю, не поддается.

Л а в и н и я

Иль учат мать тигрята? Не внушай
Ей ярости, тебе внушенной ею.
От молока ее окаменел ты:
Жестокость ты с младенчества всосал.
Но не всегда же сын на мать походит!

(Хирону.)

Проси; пусть женскую проявит жалость.

Х и р о н

Как! Доказать, что сын я незаконный?

Л а в и н и я

Ты прав: дрозда не высидит ворона
Но я слыхала, — если б это сбылось!
Что, тронут жалостью, позволил лев
Себе обрезать царственные когти.
Вороны кормят брошенных детей,
Птенцов голодных оставляя в гнездах.
О, будь ко мне, хоть сердцу вопреки,
Не столь добра, но только милосердна.

Т а м о р а

Я этих слов не понимаю. Прочь!

Л а в и н и я

Дай научить тебя. Во имя Тита —
Тебе ведь жизнь он дал, хоть мог убить!—
Не будь жестокосердной и глухою.

Т а м о р а

Не будь тобой оскорблена я даже,
Из-за него тебя не пощажу.—

(Сыновьям.)

Вы помните, как слезы я лила,
Чтоб в жертву брат ваш не был принесен,
Свирепый же Андроник не смягчился.
Возьмите, тешьтесь ею как хотите:
Чем хуже ей, тем вы милее мне.

Л а в и н и я

О Тамора, будь доброй королевой,
Своей рукой ты здесь меня убей!
Молила я так долго не о жизни:
Со смертью Бассиана я мертва.

Т а м о р а

О чем ты молишь, глупая, оставь.

Л а в и н и я

О смерти здесь, немедля, и о том,
Что женский мой язык сказать не смеет.
Избавь меня от худшего, чем смерть, —
От похоти их мерзкой. Брось меня
В глубокую, ужаснейшую яму,
Где трупа не увидит глаз людской.
Убей, но будь убийцей милосердной.

Т а м о р а

Лишить награды милых сыновей?
Нет, пусть насытят страсть красой твоей.

Д е м е т р и й

Вперед! И так ты здесь нас задержала.

Л а в и н и я

Ни жалости? Ни женственности? Зверь!
Позор и враг ты имени всех женщин!
Да поразит...

Х и р о н

Нет, рот тебе заткну я. — Брат, скорей
Тащи-ка в ров сюда ее супруга.
Здесь спрятать труп его велел Арон.

Деметрий бросает тело Бассиана в ров, после чего Деметрий и Хирон
уходят, уводя силой Лавинию.

Т а м о р а

Счастливейший путь! Вы с нею обручитесь. —
И пусть веселья сердцем не вкушу,
Пока с Андрониками не покончу.
Теперь пойду за милым мавром я.
Пусть эту тварь бесчестят сыновья.

(Уходит.)

Входят Арон с Квинтом и Марцием.

А р о н

Сюда, друзья мои, прибавьте шагу:
Сейчас я приведу вас к страшной яме,
Где спящую пантеру подстерег.

К в и н т

В глазах темнеет; это неспроста.

М а р ц и й

И у меня. Когда б не стыдно было,
Я бросил бы охоту и заснул.

(Падает в яму.)

К в и н т

Как, ты упал? Предательская яма,
Прикрытая терновником лесным!
На листьях — крови капли незасохшей,
Свежей росы поутру на цветах!

Зловещим кажется мне место.
Брат, при паденье ты не пострадал?

М а р ц и й

От зрелища ужасного страдаю:
Изноет сердце, глядя на него!

А р о н
(в сторону)

Теперь я государя приведу:
Найдя их здесь, сочтет он вероятным,
Что брат его был ими умерщвлен.

(Уходит.)

М а р ц и й

Что ж не ободрись, не поможешь выйти
Из окровавленной проклятой ямы?

К в и н т

Я поражен необычайным страхом.
Дрожу, холодным потом весь облит,
И сердце чует больше, чем я вижу.

М а р ц и й

Чтоб убедиться, что ты чуешь правду,
С Ароном вместе в яму посмотри,
И ты увидишь ужас — кровь и смерть!

К в и н т

Арон ушел, а сострадание в сердце
Не позволяет глазу видеть то,
В предчувствии чего оно трепещет.
Скажи, что там? Досель я не боялся
По-детски так, не зная сам чего.

М а р ц и й

Принц Бассиан окровавленной тушей
Лежит здесь, как зарезанный ягненок,
В проклятой, черной, полной крови яме.

К в и н т

Но в темноте как ты узнал его?

М а р ц и й

На пальце окровавленном надет,
Бесценный перстень яму освещает;
Подобно факелу в гробнице, он
Землистые ланиты мертвеца
И недра взрытой ямы озаряет.
Так свет луны Пирама озарял,
Когда лежал он, весь в крови девичьей.
Брат, помоги рукою ослабшей,—
Коль ты от страха ослабел, как я,—
Подняться из прожорливой трущобы,
Как устье мглистое Коцита, мерзкой.

К в и н т

Дай руку мне, тебе я помогу;
Иль, если сил не хватит это сделать,
Я провалюсь в разверстую утробу
Той ямы, где схоронен Бассиан.
Я вытащить тебя наверх не в силах.

М а р ц и й

А я не в силах выйти без тебя.

К в и н т

Дай руку вновь; не выпущу ее,
Пока тебя не вытащу наверх,
Иль окажусь внизу, с тобою вместе.
Ты не придешь, так я к тебе приду.

(Падает в яму.)

Входят С а т у р н и н и А р о н.

С а т у р н и н

Идем, — взгляну я, что за яма эта
И кто тут прыгнул только что в нее. —
Скажи, кто ты, скрывающийся в черном
Зияющем провале? Отвечай!

М а р ц и й

Несчастный сын Андроника, попавший

Не в добрый час сюда, чтоб твоего
Найти здесь брата, Бассиана, мертвым.

С а т у р н и н

Мой брат — здесь, мертвый? Шутишь ты, конечно,
Он в домике охотничьем с женой
На северной окраине загона
Лишь час назад оставлен мною был.

М а р ц и й

Не знаем, где оставлен был живым,
Но здесь, увы, он найден нами мертвым!

Входят Тамора со свитой, Тит Андроник и Люций.

Т а м о р а

Где цезарь, мой супруг?

С а т у р н и н

Здесь, Тамора; но страждет он смертельно.

Т а м о р а

А где же брат твой, Бассиан?

С а т у р н и н

До глубины исследуешь ты рану;
Лежит здесь бедный Бассиан, убит.

С а т у р н и н
(Титу)

Твои щенки, породы кровожадной,
Лишили жизни брата моего.—
Из ямы вытащив, в тюрьму их бросьте:
Пусть изнывают там, пока для них
Неслыханной не выдумаем казни.

Т а м о р а

Как! В яме здесь они? Вот чудеса!
Как быстро обнаружилось убийство!

Т и т

Великий император, на коленях
Молю тебя в слезах,— я редко плачу!—
Проступок адский сыновей проклятых,—
Проклятых, если б он доказан был...

С а т у р н и н

“Доказан был!” Смотри: он очевиден!—
Кто, Тамора, письмо нашел? Не ты ль?

Т а м о р а

Его нашел и поднял сам Андроник.

Т и т

Я, государь. Дай мне их на поруки.
Гробницей предков, чтимой мной, клянусь:

Лишь повели — и тотчас же они
За подозренье вам заплатят жизнью.

С а т у р н и н

Ступай за мной; не дам их на поруки. —
Убитого возьмите и убийц.
И пусть молчат — вина неоспорима.
Найдись конец, что горше смерти будет,
Клянусь, такой конец им уготован.

Т а м о р а

Андроник, цезаря я упрошу;
Не бойся, — сыновья не пострадают.

Т и т

Оставь их, Люций, и пойдем со мной.

Уходят.

Сцена 4

Другая часть леса.

Входят Деметрий и Хирон с обесчещенной Лавинией,
у которой отрублены руки и отрезан язык.

Д е м е т р и й

Ступай, рассказывай всем, если можешь,
Кто отнял у тебя язык и честь.

Х и р о н

Пиши, что думаешь, чего желаешь;
Изображай с обрубками писца.

Д е м е т р и й

Смотри, что нацарапает значками.

Х и р о н

Спроси воды душистой вымыть руки.

Д е м е т р и й

Нет языка — спросить, нет рук — умыть.
Мы предоставим ей гулять в молчанье.

Х и р о н

На месте бы ее я удавился.

Д е м е т р и й

Будь руки у тебя, чтоб взять веревку.

Деметрий и Хирон уходят.

За сценой охотничьи рога.

Входит М а р к в охотничьем костюме.

М а р к .

Кто здесь? Племянница? И прочь бежит? —
Одно лишь слово: где же твой супруг? —
О, если сплю, всё дам я, чтоб проснуться!

Не сплю,— так пусть недобрая планета
Сразит меня, чтоб я заснул навек!—
Скажи, чьи руки грубые так зверски
От стана отрубили твоего
Две ветви, сладостное украшение,
Под сенью чьей мечтали короли
Забиться сном, но счастья не снискали
Твоей любви. Но что же ты молчишь? —
Увы! Ручей горячей алой крови,
Как водомет под ветром, то встает,
То падает меж уст окровавленных
Вслед за дыханьем сладостным твоим.
Тебя Терей, зная, некий обесчестил,
Язык отняв, чтоб выдать не могла.
Ах, вот, стыдясь, лицо ты отвращаешь.
О, не смотря на всю потерю крови,
Из трех отверстий бьющей, как из труб,
Она зарделась, словно лик Титана,
Когда столкнется с облаками он.
Отвечу ль за тебя? Скажу ль — то правда?
О, если б сердце зная твое, зная зверя,
Чтоб душу облегчить, прокляв его! •
Как печь закрытая, некое горе
Сжигает в пепел сердце, где живет.
Лишь языка лишилась Филомела
И вышила рассказ свой на холсте.
Но у тебя возможность эту взяли,

Хитрейшего ты встретила Терея:
Он отрубил прекрасные персты,
Что выткали б искусней Филомелы.
О! Если б изверг видел эти руки
Лилейные, когда они касались
На лире струн, как листья трепетавших
В восторженных и нежных поцелуях, —
О нет, он отрубить бы их не смог!
Внимая же гармонии, творимой
Сладчайшим языком,
Заснуло б, выронив кинжал, как встарь
У ног фракийского поэта Цербер.
Пойдем со мной и ослепи отца:
Ведь он при зрелище таком ослепнет.
За час грозы затопятся луга, —
За годы слез что станется с глазами?
Останься, будем вместе слезы лить.
Когда бы стон мог горе облегчить!

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Рим. Улица.

Входят судьи, сенаторы и трибуны со связанными
Марцием и Квинтом, которых ведут на казнь;
Тит идет впереди, умолая.

Т и т

Молю, сенаторы! Трибуны, стойте!
Из сожаленья к старику, чья жизнь
Прошла средь войн, пока вы мирно спали;
Во имя крови пролитой за Рим,
Ночей морозных, проведенных в бденье,
И горьких этих слез, текущих ныне
По старческим морщинам на щеках, —
Над осужденными сынами сжальтесь,
Чьи души не испорчены, поверьте!
О двадцати двух сыновьях не плакал, —
На ложе чести умерли они;
Об этих же в пыли напечатлею

Тоску сердечную и скорбь души.
Пусть слезы жажду утолят земли;
Кровь сыновей краснеть ее заставит.

(Бросается на землю.)

Судьи и другие проходят мимо него
и уходят.

Земля! Тебе я услужу дождем,
Струящимся из этих древних урн
Сильнее ливней юного апреля:
Я летом знойным орошу тебя,
И вечную весну тебе доставлю,—
Не пей лишь крови сыновей моих.

Входит Люций с обнаженным мечом.

О старцы благосклонные, трибуны!
Возьмите смертный приговор назад,
Пусть я, еще ни разу слез не ливший,
Скажу, что ныне слезы победили.

Люций

Отец мой, ты вздыхаешь здесь напрасно:
Трибуны не услышат, все ушли,
И скорбь свою ты поверяешь камню.

Тит

За братьев, Люций, дай просить твоих.—
Еще раз умоляю вас, трибуны...

Л ю ц и й

Тебя не слышит ни один трибун.

Т и т

Что в том? Не важно это, друг; и слыша,
Не вняли б мне, а если бы и вняли,
Не пожалели бы; но, хоть и тщетно,
Я должен умолять...
Вот почему я скорбь вверяю камням;
Пусть отозваться на тоску не могут,
Но лучше для меня они трибунов
Уж тем, что не прервут моих речей.
Когда я плачу, камни молчаливо
Приемлют слезы, словно плачут вместе;
И если бы их в тоги облачить,
Трибунов равных не нашлось бы в Риме.
О, камни — мягкий воск, трибуны тверже камней:
Безмолвен камень, зла он не творит;
А ведь трибуны языком жестоким
Людей на смерть способны обрекать.

(Поднимается на ноги.)

Но почему ты меч свой обнажил?

Л ю ц и й

Двух братьев я хотел спасти от смерти,
Но за попытку эту вынес суд
Мне приговор: изгнание навеки.

Т и т

Счастливцев ты! Он услужил тебе.
Как, глупый Люций, разве ты не видишь,
Что Рим — пустыня, где живут лишь тигры?
Нужна добыча им; но в Риме нет
Для них добычи, кроме нас: как счастлив
Ты, изгнанный от хищников навек!
Но кто идет к нам вместе с братом Марком?

Входят Марк и Лавиния.

М а р к

Твои глаза готовы ль плакать, Тит,
Иль сердце благородное — разбиться?
Смертельную несу тебе я муку.

Т и т

Коль смерть она мне даст, приму ее!

М а р к

Вот это дочь твоя была.

Т и т

И есть.

Л ю ц и й

Убит я тем, что вижу!

Т и т

Встань, мальчик малодушный, и смотри, —
О дочь моя! Лавиния! Скажи нам,
Скажи нам, чья проклятая рука
Тебя свирепо сделала безрукой?
Глупец! Он воду в море подливал,
Он поджигал пылающую Трою!
Достигла скорбь предела: ты пришла —
Она, как Нил, из берегов выходит.
Где меч мой? Руки отрублю себе
За то, что Рим напрасно защищали;
Питая жизнь мою, вскормили скорбь,
С мольбою безуспешной простирались
И бесполезно послужили мне.
Одной лишь требую от них услуги:
Чтоб мне одна другую отрубила. —
Дочь, хорошо, что у тебя нет рук:
На службе Риму руки не нужны нам.

Л ю ц и й

Прекрасная сестра моя, скажи нам:
Кто страшное нанес тебе увечье?

М а р к

Орудье усладительное мыслей,
Им выраженных с милым красноречьем,
Из клетки ныне вырвано прелестной,

Где сладкогласной птицей распевало
И сладкозвучьем нам пленяло слух.

Л ю ц и й

Сам за нее ответь: чье это дело?

М а р к

Такой я повстречал ее в лесу,
Где в поисках убежища блуждала
Она, как насмерть раненная лань.

Т и т

О лань моя! Тот, кто ее изранил,
Меня сильнее, чем смертью поразил.
И я тому подобен, кто с утеса,
Пустыней моря окружен, следит
За нарастающим в волнах прибоем
И ждет, чтоб он его коварным валом
В своих соленых недрах поглотил.
Здесь сыновья мои прошли на казнь;
Вот здесь стоит мой третий сын, изгнанник;
Здесь брат мой плачет над моей бедою.
Но всех больнее дочь мне душу ранит, —
Дочь милая, милей моей души, —
Явись ты мне такой в изображенье,
Я б обезумел; что же делать мне,
Когда тебя такой во плоти вижу?

Рук лишена, чтоб слезы отереть,
И языка, чтоб мне назвать злодея.
Супруг твой умер; братьев, обвиненных
В его убийстве, нет уже в живых.
Смотри-ка, Марк, ах, Люций, посмотри:
Лишь братьев назвал, выступили слезы
Росой медовой на ее лице,
Как на завядшей сорванной лилее.

М а р к

О том ли плачет, что убит он ими,
Иль потому, что нет вины на них?

Т и т

Будь рада, если ими он убит:
Закон свершил возмездие над ними.—
Нет, в деле мерзостном они невинны:
О том сестры свидетельствует скорбь.—
Дай, поцелую, милая, тебя,
Иль сделай знак мне, как тебя утешить.
Не сесть ли брату Люцию и дяде,
Тебе и мне, всем нам у водоема;
Склонясь над ним, смотреть на щеки наши,
Подобные лугам еще сырым
И в пятнах ила после наводнения;
И долго на воду смотреть, пока
Свой чистый вкус она не потеряет,

Тит Андроник и лишенная языка Лавиния.
Рис. Дж.Джильберта

Соленой став от горьких наших слез?
Иль руки отрубить, как у тебя?
Иль, откусив нам языки свои,
Остаток дней проклятых провести?
Что делать нам? Пусть, языком владея,
Замыслим мы дальнейшие несчастья,
Чтоб в будущем все удивлялись нам.

Л ю ц и й

Отец, не надо слез; при виде их
Несчастливая сестра моя рыдает.

М а р к

Терпи, племянница.— Тит, вытри слезы.

Т и т

Ах, Марк, мой Марк! Прекрасно знаю, брат:
Платок твой слез моих впитать не может;
Своими ты, бедняк, его смочил.

Л ю ц и й

Лавиния, тебе я вытру щеки.

Т и т

Смотри-ка, Марк! Я понял знак ее.
Имей она язык, она бы брату
Сказала то же, что и я тебе:

Его платок, его слезами смочен,
Ее заплаканных не вытрет щек.
Единодушны мы среди мучений,
Как ад — блаженству, чужды утешений!

Входит А р о н.

А р о н

Андроник! Государь мой цезарь шлет
Приказ свой: если сыновей ты любишь,
Пусть Люций, Марк иль сам ты, старый Тит, —
Любой из вас, — себе отрубит руку
И цезарю пошлет, а он за это
Тебе вернет живыми сыновей.
То будет выкуп их за преступленье.

Т и т

О добрый цезарь! Милый мой Арон!
Певал ли ворон с жаворонком сходно,
Несущим о восходе солнца весть?
Всем сердцем рад я государю руку
Послать. —
Арон, ты мне ее отсечь поможешь.

Л ю ц и й

Постой, отец мой! Доблестную руку,
Сразившую бесчисленных врагов,
Нельзя послать; моя в обмен послужит:

Кровь легче в юности нам расточать;
Так пусть моя спасает братьям жизнь.

М а р к

Не каждая ль из ваших рук за Рим
Кровавую секиру поднимала,
Смерть начертав на вражеских стенах?
За каждой есть высокие заслуги,
Моя ж осталась праздною. Пусть послужит
За жизнь невинных выкупом она;
Ее сберег я для достойной цели.

А р о н

Решайте же, чью руку отрубить,
Не то умрут, не получив прощенья.

М а р к

Пошлем мою.

Л ю ц и й

Ее мы не пошлем!

Т и т

Друзья, не будем спорить: подобает
Засохшие растенья вырывать;
А посему мою рубите руку.

Л ю ц и й

Отец мой милый, если я твой сын,
Дай мне от смерти выкупить двух братьев.

М а р к

Нет, в честь отца и материнской ласки
Дай доказать мне братнюю любовь.

Т и т

Кончайте сговор! Сохраню я руку.

Л ю ц и й

Я принесу топор.

М а р к

Я в ход пущу топор.

Люций и Марк уходят.

Т и т

Я их обоих обману; дам руку
Тебе, Арон, но помоги своею.

А р о н

(в сторону)

Коль это звать обманом, — буду честным
И никогда не обману я так.

Но по-другому обману я вас,
С чем согласитесь, не пройдет и часа.

(Отрубает руку Титу.)

Входят Люций и Марк.

Т и т

Оставьте спор ваш: должное свершилось. —
Дай эту руку цезарю, Арон:
Скажи, что ей обязан он спасеньем
От тысяч бед; пусть он ее скоронит,
Хотя достойна большего она.
Скажи, что сыновей ценю не меньше
Алмазов, дешево приобретенных,
И вместо дорогого: свое купил я.

А р о н

Иду, Андроник, и взамен руки
Жди с сыновьями скорого свиданья,

(в сторону)

Верней — с их головами. О, я сыт
Одной лишь мыслью о злодействе этом!
Кто чист и глуп, утешен добрым делом;
Я ж буду черен и душой и телом.

(Уходит.)

Т и т

Я воздеваю руку к небесам,

Обрубок жалкий долу опуская;
Коль сила есть, что тронется слезами,
Взываю к ней.

(Лавинии.)

Стать хочешь на колени?

Стань, милая, мольбы услышит небо,
Иль вздохами затмим мы небосвод
И солнце затуманим, словно тучи,
Когда его объемлет лоно их.

М а р к

О брат мой, рассуждай благоразумно
И так глубоко в крайность не впадай.

Т и т

Не глубока ли скорбь, коль дна ей нет?
Так пусть отчаянье бездонным будет.

М а р к

Но жалобой пусть разум управляет.

Т и т

Когда бы в этих бедах разум был,
Я заключил бы скорбь свою в границы.
Заплачет небо, — залита земля;
Вихрь забушует, — обезумев, море
Грозится небу вздувшимся челом.

А ты разумности в смятеньи ищешь?
Я — море; слышишь, как оно вздыхает?
Оно, как небо, плачет; я — земля;
Меня, как море, вздох ее волнует;
Меня, как землю слез его поток
Потопом заливает, наводняя;
Я не могу вместить всех скорбей.
Как пьяница, я должен их извергнуть.
Оставь меня: кто много потерял,
Тот горькой речью облегчает сердце.

Входит г о н е ц, неся две головы и руку.

Г о н е ц

Андроник, плохо ты вознагражден
За руку, посланную государю.
Вот головы двух сыновей твоих,
И руку шлют тебе назад с насмешкой.
Забавно горе им, смешна решимость.
Скорблю сильнее я о твоих скорбях,
Чем вспоминая об отце умершем.

(Уходит.)

М а р к

Пусть Этны жар в Сицилии остынет,
В моем же сердце запылает ад!
Несчастья эти свыше наших сил.

Кто плачет с нами, нашу боль смягчает;
Осмеянное горе — смерть вдвойне.

Л ю ц и й

Ах, это зрелище так тяжко ранит,
А все проклятой жизни нет конца!
Пусть жизни смерть свое уступит имя,
Раз в жизни благо лишь одно — дышать!

Лавиния целует Тита.

М а р к

Бедняжка, безотраден поцелуй:
Вода студеная земле замерзшей.

Т и т

Когда же сну жестокому конец?

М а р к

Не обольщай себя; умри, Андроник!
Не сновиденье это; посмотри —
Вот головы двух сыновей твоих,
Твоя рука, и дочь твоя — калека,
И третий сын — изгнанник, смертно-бледный
При этом зрелище, и я, твой брат,
Как изваянье, хладный и недвижимый.
Ах! Сдерживать не стану скорбь твою:

Рви серебро седин своих, и руку
Грызи зубами в ярости, и пусть
При страшном этом зрелище навеки
Сомкнутся наши скорбные глаза!
Теперь безумствуй. Что же ты затих?

Т и т

Ха-ха-ха!

М а р к

Что ты смеешься, Тит? Не время смеху.

Т и т

Нет больше слез, чтоб плакать, у меня.
К тому же горе — враг и завладеть
Глазами, влагой полными, желало б,
Чтоб ослепить их данью слез моих.
Но как найду тогда берлогу Мести?
Все мнится, головы мне говорят,
Грозя, что не достигну я блаженства,
Пока все злодеянья в глотки тех,
Кто учинил их, вновь не возвратятся.
Подумаем — решим, что делать мне. —
Несчастные, вокруг меня вы встаньте,
Чтоб каждому из вас душой поклясться
Я мог отмстить за зло, я клятву дал. —
Возьми же, брат, одну из двух голов;

Своей рукой я понесу другую.—
Ты, дочь, участие в этом примешь тоже:
Ты эту руку понесешь в зубах.—
А ты ступай, мой мальчик, удались;
Изгнанник ты и здесь не должен медлить.
Отправься к готам, набери войска.
И, если любите меня, как верю,
Обнимемся, пойдем. Нас ждут дела.

Уходят все, кроме Люция.

Л ю ц и й

Прощай, Андроник, мой отец достойный,
Несчастнейший из всех, кто в Риме жил!—
Прощай, надменный Рим. Вернется

Люций:

В залог остались те, кем был он жив.—
Прощай, Лавиния, сестра моя.
О, если б ты была такой, как прежде!
И Люций и Лавиния живут
В забвенье ныне и в жестоких муках.
Но отомщу я, если буду жив:
Пусть Сатурнин с женою у ворот
Здесь молят, как Тарквиний с королевой.
Теперь же — к готам: собирать войска,
Чтоб Риму отомстить и Сатурнину.

(Уходит.)

Сцена 2

Зала в доме Тита. Накрытый стол.

Входят Т и т, М а р к, Л а в и н и я
и Л ю ц и й М л а д ш и й — мальчик.

Т и т

Садитесь же; смотрите, есть не больше,
Чем следует, чтоб силы поддержать
Для мщения за горькие обиды.—
Марк, разомкни сплетенье скорбных рук;
И дочь и я — безрукие страдалцы,
И выразить не можем тяжкой боли,
В отчаянье заламывая руки.
Ты видишь, только правая рука
Осталась у меня, чтоб грудь терзать.
И, если сердце, обезумев с горя,
Забьется здесь, в глухой темнице плоти,
Вот так стучу по нем.

(Лавинии.)

Ты, образ скорби, говоришь без слов!
Но коль неистово забьется сердце,
Ударом в грудь его не усмирить.
Рань сердце вздохом, стонами убей;
Иль в зубы ножик небольшой возьми
И возле сердца сделай им отверстие,
Чтоб слезы все, текущие из глаз,

Струились в сток и скорбного безумца
Своей соленой влагой затопили.

М а р к

Стыдись! Так дочь ты учишь налагать
На жизнь свою насильственные руки?

Т и т

Ты заговариваться стал от горя!
Нет, Марк, безумным должен быть лишь я.
Как может руки наложить она?
О, для чего ты молвил слово: руки!
Энея ль принуждать, чтоб гибель Трои
И скорбь свою поведал дважды он?
Руководись иным, не трогай руки.
Чтоб не напомнить, что у нас их нет.—
О стыд! Я речь слагаю, как безумец!
Как будто мы забыли б, что безруки,—
Не повтори брат Марк нам слово: руки!—
Давайте есть. Отведай это, дочь.—
Здесь нет питья! Марк, слушай, дочь сказала,—
Толкую я страдальческие знаки,—
Сказала: нет питья ей, кроме слез,
От горя накипевших на щеках.
Хочу понять страдальицу немую
И выучить движенья наизусть.
Как нищие отшельники молитву:

Вздохнешь ли ты, обрубки ль к небу вскинешь,
Мигнешь, кивнешь иль станешь на колени,—
Из жестов всех составить алфавит
И научиться понимать все мысли.

Л ю ц и й М л а д ш и й

Брось, дедушка, ты сетовать так горько,
Развесели забавной сказкой тетю.

М а р к

Увы, мой нежный отрок,— он растроган
И плачет, видя огорченье деда.

Т и т

О нежный отпрыск! Создан ты из слез,
И слезы скоро жизнь твою растопят.

Марк ударяет по блюду ножом.

Что ты ударил, Марк, своим ножом?

М а р к

То, что убил я, брат мой: это муха.

Т и т

Убийца! Сердце мне ты убиваешь...
Мой взор пресыщен видом всяких зверств:
Нет, не пристало Марку, брату Тита,

Убить невинного. Уйди отсюда:
Мы, видно, не товарищи с тобой.

М а р к

Увы! убита мной всего лишь муха.

Т и т

А если мать с отцом у мухи были?
Как золотые крылышки повесят
И жалобно в пространство зажужжат!
Бедняжка муха!
Жужжаньем мелодическим потешить
Явилась к нам,— а ты убил ее.

М а р к

Прости,— была противной, черной муха,
Как мавр Арон,— и я убил ее.

Т и т

О-о-о!
Тогда прости, что упрекал тебя:
Ты, значит, совершил благодеянье.
Дай мне твой нож, натешусь я над нею,
Вообразив себе, что это мавр,
Чтоб отравить меня, сюда явился!
Так вот тебе! За Тамору теперь!
Ах, подлый!—

Надеюсь я, не так мы низко пали,
Чтоб мухи не убить нам, если муха,
Как уголь, черным мавром мнится нам.

М а р к

Увы, бедняк так горем поражен,
Что призраки за правду принимает.

Т и т

Убрать все со стола!— К тебе пойдем,
Лавиния, и вместе мы прочтем
О старине печальные сказанья.—
Идем со мной, мой мальчик; зреньем юный,
Читай, когда начнет слабеть мое.

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Рим. Сад Тита.

Входят Л ю ц и й М л а д ш и й и Л а в и н и я, которая преследует его;
мальчик, с книгами под мышкой, убегает от нее.

Затем входят Т и т и М а р к.

Л ю ц и й М л а д ш и й

На помощь, дедушка, на помощь! Тетя
Преследует меня — зачем, не знаю. —
О дядя, посмотри, она бсжит!
Мне страшно; я не знаю, что ей надо...

М а р к

Встань, Люций, подле нас, не бойся тети.

Т и т

Она тебя, мой мальчик, нежно любит,
И зла тебе не сделает она.

Л ю ц и й М л а д ш и й

Любила — да, когда отец был в Риме.

М а р к

Что хочет знаками сказать она?

Т и т

Не бойся, милый Люций. В самом деле,
Она как будто что-то затевает:
Смотри, как около тебя хлопочет;
Куда-то хочет увести тебя.
Ах! Сыновьям Корнелия читала
Не так усердно, как она тебе,
Стихи и книгу Туллия “Оратор”.

М а р к

Ты отгадал, что от тебя ей нужно?

Л ю ц и й М л а д ш и й

Не знаю, не могу и отгадать;
Безумье, верно, ею овладело.
Я слышал, дедушка так говорил:
Чрезмерность горя делает безумным.
И я читал, — троянская Гекуба
От горя помешалась. Потому
И стало страшно мне, хоть знаю — тетя

Меня так любит, как любила мать,
И, не сойдя с ума, пугать не стала б.
Вот почему бежал я, бросив книги, —
Напрасно, может быть. Прости мне, тетя;
И если с нами дядя Марк пойдет,
Тогда и я пойду с тобой охотно.

М а р к

Идем же, Люций.

Лавиния своими обрубками перебирает книги, которые уронил Люций.

Т и т

Ну что, Лавиния? — В чем дело, Марк?
Какую-то из этих книг ей нужно. —
Которую же, дочь? — Раскрой их, мальчик. —
Но ты читала больше, больше знаешь, —
Найди же нужную среди книг моих
И горе позабудь, пока нам небо
Проклятого злодея не открыло. —
Но почему она таким движеньем
Поочередно руки поднимает?

М а р к

Мне кажется, ей хочется сказать,
Что не один в содеянном виновен,
А может быть, она вздымает руки,
Взывая об отмщенье, к небесам...

Т и т

Но что за книгу треплет так она?

Л ю ц и й М л а д ш и й

Овидий это, матушкин подарок,—
“Метаморфозы”.

М а р к

Любовь к умершей, может быть, внушилась...

Т и т

Ты видишь, как листы перебирает?
Помочь бы ей...
Что хочет отыскать? — Прочешь тебе
Трагический рассказ о Филомеле,
Предателе Терее и насилие;
Боюсь, — в том корень и твоей беды.

М а р к

Смотри, смотри, мой брат, с каким волнением
Она глазами пожирает строки!

Т и т

Была ль настигнута ты так же, дочь,
И обещана, как Филомела,
В дремучем и безжалостном лесу?
Смотри!

То место, где охотились мы вместе,—
О, лучше б не охотились мы там!—
Вот здесь оно описано поэтом,
Природой созданное для злодейств.

М а р к

Не создала б она такой трущобы,
Не возлюби трагического боги!

Т и т

Дай знак нам, милая,— здесь все друзья,—
Кто из патрициев пошел на это?
Иль Сатурнин прокрался, как Тарквиний,
Покинувший свой стан, чтобы на ложе
Лукрецию бесчестьем осквернить?

М а р к

Садись, племянница; брат, сядь.— О боги,
Паллада, Аполлон, Юпитер строгий,
Внушите, как предательство раскрыть!—
Смотри-ка, брат,— Лавиния, смотри:
Песок здесь гладкий, вслед за мной попробуй
Водить вот этим.

*(Пишет свое имя тростью, держа ее во рту
и направляя ногами.)*

Имя здесь свое

Я написал, не пользуясь руками.—

Будь проклят тот, кто прибегать к уловкам
Принудил нас!— Попробуй написать
И ты, племянница, и нам поведай,
Что бог судил разоблачать для мщенья.
О, да поможет бог напечатлеть
Рассказ плачевный о твоих невзгодах,
Чтоб мы узнали правду о злодеях!

Лавиния берет трость в рот и, направляя ее своими
обрубками, пишет.

Т и т

Прочел ты, брат, что написала дочь?
“Stuprum. Chiron. Demetrius”¹.

М а р к

Как! Таморы распутные сыны —
Виновники кровавого злодейства?

Т и т

Magni Dominator poli,
Tam lentus audis scelera? Tam lentus vides?².

М а р к

Брат, успокойся, хоть и знаю я:

1 “Изнасилование. Хирон. Деметрий”.

2 Великий властелин мира, столь терпеливо внемлешь ты злодействам?
Столь терпеливо зриаешь на них?

Лавиния называет имя своих осквернителей. Рис. Дж.Джильберта

Здесь на земле начертано довольно,
Чтоб возмутить кротчайшие умы
И громкий вопль исторгнуть у

младенцев.

Мой брат, Лавиния, — все на колени! —
И ты, мой мальчик, в ком надежду видит
Наш римский Гектор! — Поклянемся все,
Как Юний Брут с отцом и мужем жертвы
Насилия — Лукреции невинной, —
Что будем мы осуществлять упорно
Жестокою злодеям-готам месть,
Что мы их кровь увидим иль умрем
С позорной мыслью, что не отомстили.

Т и т

Все это так, когда б я знал, как взяться;
Но, медвежат затронув, берегись:
Проснется матка их, тебя почуяв,
Со львом в союзе, на спине валяясь,
Заигрываньем усыпит его
И сделает тогда, что пожелает.
Марк, ты неопытный охотник, брось!
Я медный лист возьму и острой сталью
На нем слова вот эти напишу
И сохраню их. Северные ветры
Песок развеют, как листы Сивиллы,
И где ж урок твой? — Что ты скажешь, мальчик?

Л ю ц и й М л а д ш и й

Скажу я, дед, что, будь мужчиной я,
И матери их спальня не укрыла б
Рабов негодных римского ярма.

М а р к

Да, мальчик мой! Так делал твой отец
Не раз для родины неблагодарной.

Л ю ц и й М л а д ш и й

И я так сделаю, коль буду жив.

Т и т

Пойдем со мной, и в оружейне, Люций,
Я снаряжу тебя; затем, мой мальчик,
Снесешь ты сыновьям императрицы
Мной предназначенные им подарки.
Пойдем, пойдем. Исполнишь
порученье?

Л ю ц и й М л а д ш и й

Да, дедушка, всадив им в грудь кинжал.

Т и т

Нет, мальчик, научу тебя другому.—
Ступай же, дочь.— Марк, посмотри за домом.—

Идем мы подвизаться при дворе;
Да, право так, и примут нас с почетом.

Тит, Лавиния и Люций Младший уходят.

М а р к

О небо! Слыша праведника стоны,
Не тронешься, не сжалишься над ним?
Марк, будь ему, безумному, опорой!
На сердце больше шрамов у него,
Чем на щите его зарубок вражьих.
Но столь он праведен, что мстить не станет.
О небо, за Андроника отмсти!

(Уходит.)

Сцена 2

Рим. Зала во дворце.

Входят с одной стороны — А р о н, Д е м е т р и й и Х и р о н,
с другой — Л ю ц и й М л а д ш и й и с л у г а, несущий связку оружия
с написанными на нем стихами.

Х и р о н

Деметрий, вот сын Люция пришел;
Какое-то принес он порученье.

А р о н

Безумен дед, безумно порученье.

Люций Младший

От имени Андроника смиренно
Приветствую я, принцы, вашу честь.

(В сторону.)

И у богов вам гибели молю.

Деметрий

Благодарю. Что у тебя за новость?

Люций Младший

(в сторону)

Что вас разоблачили — вот вам новость, —
Как злых насильников.

(Громко.)

Не обессудьте;

Мой дедушка послал через меня
Вам лучшее оружие от себя,
Им жалуя в вас юношей достойных,
Надежду Рима, — как велел сказать,
Я так и говорю, — чтоб ваша милость
В подарках этих в случае нужды
Имела все оружие и доспехи.
С тем вас оставляю.

(в сторону)

подлецов кровавых!

Люций Младший и слуга уходят.

Д е м е т р и й

Что это? Свиток; весь кругом исписан!
Прочтем...

(*Читаем.*)

“Integer vitae, sceleris que purus,
Non eget Mauri jaculis, nec arcu”¹.

Х и р о н

Стих из Горация, знаком он мне:
В грамматике читал его когда-то.

А р о н

Стих из Горация, он самый, точно.

(*В сторону.*)

Однако вот что значит быть ослом!
Здесь не до шуток! Их разоблачив,
Старик им шлет оружие со

стихами,

Разящими помимо их сознания.

Будь хитрая императрица наша

Сейчас здорова, сразу бы она

Андроника затею оценила.

Но надо дать покой ей в беспокойстве.—

¹ “Тот, кто живет честно и чужд беззакония, не нуждается ни в мавританских копьях, ни в луке”.

(Громко.)

Ну, принцы, не счастливая ль звезда
В Рим привела нас, иноземцев пленных,
Чтоб возвести на эту высоту?
Не счастье ль было — у ворот дворца
Трибуну вызов бросить перед Титом?

Д е м е т р и й

Не счастье ль видеть, как вельможа важный,
Заискивая, шлет подарки нам?

А р о н

Иль оснований нет к тому, Деметрий?
Не дружески ль вы с дочкой обошлись?

Д е м е т р и й

Пусть тысяча б красавиц римских пала,
Затравлена, чтоб утолить нам страсть.

Х и р о н

В желанье том — любовь и милосердьс.

А р о н

Нет только матери — сказать: аминь.

Х и р о н

Сказала б тоже, будь их двадцать тысяч.

Д е м е т р и й

Пойдем и станем всем богам молиться
За матушку в мученьях родовых.

А р о н
(в сторону)

Чертям молитесь,— боги нас забыли.
За сценой трубы.

Д е м е т р и й

Что трубы цезаря нам возвещают?

Х и р о н

Рожденью сына радуется он.

Д е м е т р и й

Тсс... Кто идет?

Входит кормилица с черным ребенком на руках.

К о р м и л и ц а

День добрый, принцы.
Вы не видали, где Арон-арап?

А р о н

Раб, или господин он, иль никто,
Вот здесь Арон: что нужно от Арона?

К о р м и л и ц а

О дорогой Арон, мы все погибли!
Спасай, иль горе вечное тебе!

А р о н

Ну, что еще тут за концерт кошачий?
Что кутаешь и тискаешь в руках?

К о р м и л и ц а

Что скрыть хотела бы от взоров неба,
Императрицы стыд, бесчестье Рима!
Ах, принесла она, ах, принесла.

А р о н

Что? И куда?

К о р м и л и ц а

Куда? В постель! Ребенка!

А р о н

Дай бог ей счастья. Кто ж ей послан богом?

К о р м и л и ц а

Да черт.

А р о н

Ну что ж! Мать чертова она!
Счастливый вывод.

К о р м и л и ц а

Выводок дурной —
Неладный, черный, гадкий, будто жаба,
Среди породы белой наших стран.
Императрица шлет тебе твой оттиск,
Чтоб острием кинжала окрестить.

А р о н

Черт побери! Чем черный цвет так плох?
Морданчик милый, славненький цветочек!

Д е м е т р и й

Что сделал ты, подлец?

А р о н

Тебе того не переделать.

Х и р о н

Бед матери надделал.

А р о н

Ее лишь матерью я сделал.

Д е м е т р и й

И этим, чертов пес, сй бед надделал.
Будь проклят выбор мерзостный ее!
Проклятьс дьявольскому порожденью!

Х и р о н

Он жить не должен.

А р о н

Нет, он не умрет.

К о р м и л и ц а

Так надлежит, Арон: так мать желает.

А р о н

Как — надлежит? Так пусть никто другой, —
Сам плоть и кровь свою предам я смерти.

Д е м е т р и й

Я головастика проткну мечом.
Дай мне его: покончу с ним я скоро.

А р о н

Скорей я выпущу тебе кишки.
(*Берет ребенка у кормилицы и обнажает меч.*)
Прочь, подлецы! Убить хотите брата?
Но свечами я клянусь небес,
Сиявшими, когда зачат был мальчик, —
Тот под мечом моим умрет, кто тронет
Наследника и первенца Арона!
Вам говорю, юнцы: ни Энкелад

С исчадьями грозящими Тифона,
Ни славный сам Алкид, ни бог войны
Его не вырвут из отцовских рук.
Мальчишки, выбелены вы, как стены,
Как вывески кабачные, пестры!
Цвет черный лучше всех других цветов:
Он отвергает все цвета другие.
Не обелить всем водам океана
Вовеки черных лебединых лап,
Хоть он их оmyвает непрестанно.
Скажи императрице, — я не мальчик:
Свое возьму; пусть делает как знает.

Д е м е т р и й

Ты хочешь госпожу свою предать?

А р о н

То госпожа моя, а это — сам я;
Подобье юности моей и сила.
Я это миру предпочту всему,
Я это миру вопреки спасу,
Иль поплатится вам придется в Риме.

Д е м е т р и й

Осрамлена навеки этим мать.

Х и р о н

Рим заклеямит ее позор презреньем.

К о р м и л и ц а

И в гневе цезарь обречет на смерть.

Х и р о н

При мысли о бесчестье я краснею.

А р о н

В том преимущество всех вас, красавцев:
Коварный цвет! Он краской выдает
Поступки скрытые и тайны сердца!
Вот паренек, окрашенный иначе:
Плутишка улыбается отцу,
Как будто молвя: “Старина, я твой”.
Он брат ваш, принцы: той же кровью вскормлен,
Которая дала вам прежде жизнь;
Из той же заключавшей вас утробы
Освободясь, явился он на свет;
Так, он ваш брат с вернейшей стороны,
Хоть на лице мою печать он носит.

К о р м и л и ц а

Арон, что я скажу императрице?

Д е м е т р и й

Решай, Арон, что делать надлежит:
Мы под твоим подпишемся решением.
Спаси дитя так, чтоб мы все спаслись.

А р о н

Присядем и давайте все обсудим.
Нам с сыном лучше быть
настороже:
Садитесь-ка подальше, и давайте
Про безопасность нашу толковать.

Они садятся.

Д е м е т р и й

А сколько женщин видело ребенка?

А р о н

Так, молодцы! Когда мы все в ладу,
Ягненок я; но лишь заденьте мавра,—
Ни бешенный кабан, ни львица гор,
Ни океан, вздымающийся бурно,
С неистовством Арона не сравнятся.
Но кто ж ребенка видел? Отвечай!

К о р м и л и ц а

Корнелия-повитуха, я сама.
Да кто ж еще? — одна императрица.

А р о н

Императрица, бабка, ты сама...
Хорош секрет, коль третьего в нем нет.

Ступай скажи о том императрице.

(Закалывает кормилицу.)

Куви! Куви!

Вот так визжит пред вертелом свинья.

Д е м е т р и й

Что ты, Арон! Зачем ты это сделал?

А р о н

Принц, осторожностью поступок вызван.

В живых оставить — выдала бы нас

Болтливым длинным языком. Нет, принцы!

Узнайте же намеренье мое:

Мулей, земляк мой, близко здесь живет;

Его жена вчера лишь разрешилась.

Дитя — в нее и белое, как вы.

Дав золота жене, вы с ним столкуйтесь

И расскажите все подробно им:

Как через то возвысится ребенок,

И цезаря наследником он станет

За моего, подмененного им,

Чтоб успокоить при дворе грозу;

И пусть с ним цезарь нянчится, как с сыном.

Смотрите, принцы, я ей дал лекарство,

(показывая на кормилицу)

А вы устройте похороны ей;

Поля вблизи, вы ловкие ребята.
Покончив с этим, не теряйте время,
Сейчас же присылайте бабку мне.
А раз кормилицу и бабку сбудем,
Пусть женщины болтают что хотят.

Х и р о н

Ты тайны, вижу, на ветер не бросишь,
Арон.

Д е м е т р и й

За мать и за вниманье к ней
Премного мы обязаны тебе.

Дементрий и Хирон уходят, унося тело кормилицы.

А р о н

Теперь быстрее ласточки я — к готам:
Пристроить там сокровище мое
И Таморы друзей увидеть тайно.—
Я унесу тебя, мой толстогубый;
Ведь это ты толкнул нас на уловки.
Кормиться будешь ягодами ты,
Кореньями, плодами, творогом,
Сосать козу, и жить в пещере будешь,
И станешь воином и полководцем.

(Уходит.)

Сцена 3

Площадь.

Входит Тит, неся стрелы, к концам которых прикреплены записки;
с ним Марк, Люций Младший и другие патриции
(Публий, Семпроний и Кай) слугами.

Тит

Сюда, мой Марк, сюда.— Друзья, вот здесь.—
Ну, покажи свою стрельбу мне, мальчик.
Потуже натяни,— достигнет цели.—
*Terras Astraea reliquit*¹.
Марк, помнишь ты — она бежала, скрылась.—
Ну, примемся за дело. Вы, друзья,
Измерьте океан, закиньте сети:
Поймаете ее, быть может, в море,
Хоть там не больше правды, чем на суше.—
Нет, Публий и Семпроний, вы должны
Лопатою и заступом рыть землю
И прорубиться в самый центр ее;
А вступите в Плутонино владенье,
Не откажите передать прошение;
Сказать, что помощи и правосудья
Старик Андроник просит у него,
Что страдает он в неблагодарном Риме.—
О Рим! Тебя несчастным сделал я

1 Астрея покинула землю.

В тот час, как отдал голоса народа
Тому, кто ныне так жесток ко мне.
Ступайте и внимательнее будьте,
Военные суда все общите:
Преступный цезарь мог сослать ее —
И правды ищем мы, что ветра в поле.

М а р к

О Публий мой, не тяжело ли видеть
В таком расстройстве дядю твоего?

П у б л и й

И потому, отец, и днем и ночью
Нам следует заботиться о нем
И потакать причудам всем его,
Пока не сыщем средства к исцеленью.

М а р к

Друзья, его скорбям нет исцеленья.
Соединимся с готами; войной
Отплатим Риму за неблагодарность
И Сатурнину лживому отмстим.

Т и т

Ну что же, Публий? Что, друзья мои?
Вы не нашли ее?

П у б л и й

Нет, но Плутон велел тебе сказать,
Что просьбу о возмездье ад исполнит;
Астрея же так занята на небе
С Юпитером иль где-нибудь еще,
Что подождать еще тебе придется.

Т и т

Увы, меня отсрочками он кормит!
Я в огненное озеро нырну
И вытащу ее из Ахерона.—
Марк, лишь кустарник, а не кедры мы;
Костяк наш сделан не под стать циклопам.
Но мы — металл, мы сталь вплоть до спины,
Хоть от обид спина разбита, гнется.
И если правды нет в аду, ни здесь,
Мы к небу обратимся: пусть нам боги
Для мщенья правосудье ниспошлют.
За дело! Ты стрелок хороший, Марк.

(Раздает им стрелы.)

Ad Lovem — это вам; вот — Ad Apollinem;
Ad Martem¹ — для меня;
Меркурию, Палладе это, мальчик;
Сатурну это, Кай, не Сатурнину:

1 Юпитеру... Аполлону... Марсу

Ты б на ветер пустил свою стрелу.—
Когда скажу я, Люций, Марк,— стреляйте!
Поверьте, я обдуманно писал:
Мной из богов никто не обойден.

М а р к

Друзья, пускайте во дворец все стрелы:
Мы цезаря в гордыне уязвим.

Т и т

Теперь стреляйте!

Они стреляют.

Славно, Люций! В лоно
Ты девы угодил: теперь в Палладу.

М а р к

Брат, целюсь я на милую за Луну;
Твое письмо уж получил Юпитер.

Т и т

О Публий, Публий, что же ты наделал?
Смотри, смотри, ты рог отбил Тельцу.

М а р к

Брат, вот потеха: выстрелил наш Публий,
И бык, задетый, Овна так боднул,

Что во дворец рога бараньи сбросил.
Кто ж их нашел? Подлец императрицын.
Она же — рассмеялась и велела
Их цезарю в подарок поднести.

Т и т

В час добрый! Дай бог радость государю!

Входит деревенский парень, неся корзину
с парой голубей.

Весть! С неба весть! Вот почта, Марк, пришла!—
Что нового, приятель? Нет ли писем?
Добьюсь ли правды? Что сказал Юпитер?

П а р е н ь. Кто? Палач Питер? Он говорит, что разобрал виселицу, потому что молодчика будут вешать не раньше будущей недели.

Т и т. Я спрашиваю тебя: что сказал Юпитер?

П а р е н ь. Виноват, сударь! С господином Юпитером я не знаком; отродясь не выпивал с ним.

Т и т. Как, плут, разве ты не разносишь письма?

П а р е н ь. Сударь, я разношу только своих голубей.

Т и т. Как, разве ты не явился с небес?

П а р е н ь. С небес? Виноват, сударь, никогда там не был. Упаси боже, я не такой смельчак, чтоб в мои молодые годы торопиться на небо. Я иду со своими голубями к народному т р е п у н у, чтоб уладить ссору между моим дядей и одним из имперьяльских слуг.

М а р к. Брат, вот самый подходящий случай, чтобы передать твое послание; и пусть он поднесет императору голубей от твоего имени.

Т и т. Скажи, можешь ли ты учтиво передать императору это послание?

П а р е н ь. По правде говоря, нет, сударь; насчет чтива я всю жизнь свою был очень слаб.

Т и т

Поди сюда. Не рассуждай, приятель,
Но цезарю ты голубей вручи,—
И чрез него найдешь ты правосудье.
Возьми пока; здесь деньги за услугу.—
Перо мне и чернил!—
Вручить учтиво можешь ты прошение?

П а р е н ь. Да, сударь.

Т и т. Вот тебе прошение. И когда ты придешь к императору, ты прежде всего должен преклонить колени; потом поцеловать ему ногу; потом вручить ему твоих голубей и затем ожидать награды; я буду, сударь, поблизости; постарайся же исполнить все как следует.

П а р е н ь. Ручаюсь, сударь; положись на меня.

Т и т

Есть нож с тобою? Покажи-ка мне.—
Вот, Марк, возьми и заверни в посланье;
Его писал смиренный челобитчик.—

(Парню.)

Когда же цезарю все передашь,
Зайди ко мне, скажи, что он ответил.

П а р е н ь. Храни тебя бог, сударь; приду. (Уходит.)
Т и т. Идем же, Марк.— За мною следуй, Публий.

Уходят.

Сцена 4

Рим. Перед дворцом.

Входят Сатурнин, Тамора, Деметрий, Хирон, патриции
и другие. У Сатурнина в руках стрелы, пущенные Титом.

С а т у р н и н

Не оскорбленье ль это? Кто видал,
Чтоб в Риме цезарю так досаждали,
Противоречили; за правый суд
К нему с таким презреньем относились?
Известно вам, как и богам всесильным,
Что ни шептали бы смутьяны там
Народу в уши,— по закону были
Андроника мятежные сыны
Осуждены. И если огорченье
Рассудок повредило в нем,— ужели
Должны мы выносить его причуды,
Припадки бешенства и раздраженья?
Теперь он пишет к небесам прошенья:

Юпитеру, Меркурию. Смотрите:
Вот — богу Аполлону, вот Аресу...
Как раз летать им в Риме, этим свиткам!
Ведь это клевета на наш сенат
И обвинение в неправосудье!
Прекрасная, не правда ли, забава?
Как будто в Риме правосудья нет!
Пока живу я, мнимому безумью
Прикрыть оскорблений не бывать!
Пусть знает он, что мною правосудье
Живет и совершается. Не надо
Его будить, когда оно задремлет:
Оно способно в ярости казнить
Мятежника надменнейшего в мире.

Т а м о р а

Мой государь, мой милый Сатурнин,
Владыка дней моих, властитель мыслей,
Не гневайся на старца, чьи поступки
Печалью вызваны о сыновьях,—
Потеря их ему пронзила сердце,—
И лучше утоли его печали,
Чем знатного иль низкого карать
За оскорбления.

(В сторону.)

Так подобает

Высокоумной Таморе всем льстить.

Тит, ранен мной, ты кровью истекаешь;
И, если будет мой Арон разумен,
Все спасено, в порту наш якорь брошен.

Входит деревенский парень.

П а р е н ь. Ну да, похоже на то, коль вы — господин Имперьял.

Т а м о р а

Императрица я; вот император.

Поселянин. Рис. Дж.Джилльберта

П а р е н ь. Он это.— Дай тебе бог и святой Стефан доброго вечера. Я принес тебе письмо и пару голубей.

С а т у р н и н
(читает письмо)

Эй, взять его и тотчас же повесить!

П а р е н ь. А сколько мне отвесят?

Т а м о р а

Ступай, повешен будешь.

П а р е н ь. Повешен? Святая дева, славный же конец я уготовил своей шее! (*Уходит под стражей.*)

С а т у р н и н

Жестокие, несносные обиды!
Чудовищную подлость допущу ль?
Известно мне, откуда все исходит.
Стерплю ли? — Будто б сыновья его
Не по закону за убийство принца,—
По произволу мною казнены!
Эй, за волосы притащить мерзавца:
Ни сан его, ни годы не спасут.—
Я палачом твоим за дерзость буду.
Притворщик подлый, ты меня возвысил
В надежде Римом управлять и мной!

Входит Э м и л и й.

Что нового, Эмилий?

Э м и л и й

К оружию! В опасности наш Рим!
Вновь готы поднялись и с силой ратной
Из удалцов, наклонных к грабежу,
Идут сюда стремительно; их Люций,
Сын старого Андроника, ведет,
Грозя расправу учинить над нами
Такую же, как встарь Кориолан.

С а т у р н и н

У готов полководцем — храбрый Люций?
Весть гибельная: никну головой,
Как цвет в мороз или трава под вихрем.
Да, вот оно, начало наших бедствий:
Простым народом очень он любим;
Я слышал сам, как говорили, —
Когда бродил как частное лицо, —
Что Люций незаконно изгнан был,
И цезарем иметь его желали.

Т а м о р а

К чему боязнь? Не укреплен ли город?

С а т у р н и н

Но Люций в милости у горожан,
И против нас они его поддержат.

Т а м о р а

Как в имени, имей величье в мыслях.
Затмят ли солнце мошки, в нем летая?
Орел дает и малым пташкам петь,
О том, что на уме их, не заботясь,
Уверенный, что тенью крыл своих
Он при желанье прекратит их пенье:
Так не заботься о смутьянах Рима.
Развеселись и знай ты, император, —
Я старика Андроника прельщу
Словами сладостнее и опасней,
Чем клевер для овцы, живец для рыбы:
Одна бывает ранена крючком,
От корма сладкого другая гибнет.

С а т у р н и н

За нас просить не станет сына он.

Т а м о р а

Но если Тамора упросит, — станет.
Слух старческий сумею я задобрить
Посредством обещаний золотых;
Пусть неприступно сердце, глухи уши, —
Ушам и сердцу мой язык — приказ.

(Эмилию.)

Ступай вперед послом от нас, — скажи,

Что цезарь с Люцием в переговоры
Вступить желает, для свиданья дом
Его отца, Андроника, назначив.

С а т у р н и н

Исполни поручение достойно;
И, если он заложников захочет
Для верности, пусть выберет их сам.

Э м и л и й

Я в точности исполню ваш приказ.

(Уходит.)

Т а м о р а

Я к старому Андронику отправлюсь;
Склоню его со всем моим искусством
От храбрых готов Люция отвлечь.
Так будь же снова весел, император,
Сладчайший цезарь! Позабудь тревоги
И спрячься в сети хитрости моей.

С а т у р н и н

Ступай скорей и убеди его.

Уходят.

АКТ V

Сцена I

Равнина близ Рима.

Трубы.

Входят Л ю ц и й и г о т ы с барабанами и знаменами.

Л ю ц и й

Испытанные воины, друзья,
Великий Рим шлет письма, где мне пишут
О том, как цезаря там ненавидят
И как нетерпеливо все нас ждут.
Итак, вожди, согласно с саном вашим,
Из гордости обид не потерпите
И, в чем бы ни нанес ущерб вам цезарь,
Вознагражденья требуйте втройне.

П е р в ы й г о т

Ты, смелый отпрыск доблестного Тита,
Чье имя, нас страшившее, нам — радость,
Чьи подвиги высокие презреньем

Люций во главе готов.
Рисунок Джона Джильберта

Вознаградил неблагодарный Рим,
Доверься нам: пойдем вслед за тобою,
Как жалящие пчелы в знойный день
За маткою летят на луг цветущий,
И Таморе проклятой отомстим.

Г о т ы

Что он сказал, то все мы повторяем.

Л ю ц и й

Благодарю его и вас усердно.
Кого ведет к нам этот честный гот?

Входит второй гот, ведя Арона с ребенком на руках.

В т о р о й г о т

Я отошел от войска, славный Люций,
Чтоб поглазеть на древний монастырь.
Но лишь внимательней я присмотрелся
К строению разрушенному, вдруг
Из-за стены раздался детский крик;
Я бросился туда и услышал,
Как кто-то уговаривал ребенка:
“Молчи, смугляк, в ком я и мать смешались.
Когда б не выдал цвет, чье ты отродье,
Будь создан ты похожим лишь на мать,
Ты стал бы императором, бездельник;
Но, если бык с коровой снежно-белы,

Им черного теленка не родить.
Молчи, пострел! — так он журил ребенка. —
Я к готу верному тебя снесу.
Узнав, что ты — дитя императрицы,
Он ради матери тебя возьмет”.
С мечом в руке к нему я устремился,
Напал врасплох и к вам его привел,
Чтоб поступить с ним, как найдете нужным.

Л ю ц и й

Так знай же, это воплощенный дьявол,
Лишивший Тита доблестной руки, —
Жемчужина очей императрицы;
А это пылкой страсти гнусный плод. —
Куда снести ты думал, белоглазый,
Подобье хари дьявольской своей?
Что ты молчишь? Как! Иль ты глух? Ни слова?
Веревку! Вздернуть их на сук — отца
И плод прелюбодеяства подлеца.

А р о н

Не тронь его! Он царственного рода.

Л ю ц и й

Он весь в отца: в нём злобная природа. —
Сперва дитя повесьте: пусть глядит

Отец на корчи сына и скорбит.
Эй, лестницу!

Приносят лестницу, на которую заставляют подняться Арона.

А р о н

Спаси ребенка, Люций,
Императрице отнеси его.
Исполнишь это — я открою вещи,
Которые тебе полезно знать.
А не исполнишь, — будь что будет с нами, —
Скажу одно: “Пусть месть покончит с вами!”

Л ю ц и й

Рассказывай; и, если угодишь мне,
Ребенок твой и жив и вскормлен будет.

А р о н

Я ужогу ль? О, будь уверен, Люций,
Всю душу истерзает речь моя;
То об убийствах речь, резне, насилиях,
Ночных злодействах, гнусных преступлениях,
Злых умыслах, предательствах — о зле,
Взывающем ко всем о состраданье;
И это все уйдет со мной в могилу,
Иль поклянись, что сын мой будет жить.

Л ю ц и й

Я обещаю. Говори теперь.

А р о н

Клянись, что будет жить, тогда начну.

Л ю ц и й

Чем клясться мне? Не веришь в бога ты:
Какой же можешь ты поверить клятве?

А р о н

А если б и не верил? Да, не верю,
Но знаю: ты к религии привержен,
В тебе есть то, что совестью зовут;
Поповских выдумок и церемоний
Усердный, знаю, исполнитель ты.—
Вот почему и требую я клятвы.—

(В сторону.)

Дурак за бога палку принимает
И держит клятву, данную ему,—
Того и надо мне.—

(Громко.)

Клянись же богом,
Тем самым,— кто бы ни был этот бог,—
Которого ты чтишь, пред ним склоняясь,
Спасти дитя, вскормить и воспитать,—
Иначе ничего я не открою.

Л ю ц и й

Клянусь мной чтимым богом, все исполню.

А р о н

Знай, что ребенок — от императрицы.

Л ю ц и й

Развратница, чья похоть ненасытна!

А р о н

Ну, это лишь невинная забава
В сравненье с тем, что ты услышишь здесь:
Ее сыны убили Бассиана,
Лишили чести, языка и рук
Твою сестру, — украсили на славу.

Л ю ц и й

Украсить — это ты зовешь, мерзавец!

А р о н

Смочить, подстричь, украсить всю на славу —
Забава славная для тех, чей труд!

Л ю ц и й

О звери, варвары, как и ты сам!

А р о н

То правда, я наставником их был.
Мать похотливостью их наделила, —

Вот так выигрывает карта ставку;
А кровожадность взяли у меня.—
Вот так бульдог хватает всех за горло.
Чего я стою, пусть дела покажут:
Я братьев двух твоих к коварной яме,
Где Бассиана труп лежал, завлек;
Я исписал найденный Титом свиток
И спрятал клад, указанный в письме,
В согласие с Таморой и сыновьями.
И делалось ли что тебе на горе
Без злобного участия моего?
Обманом раздобыл я руку Тита,
А получив, в сторонку отошел
И сердце чуть не надорвал от смеха.
Я подсмотрел сквозь трещину в стене,
Как получил он головы детей,
Как плакал,— и смеялся так усердно,
Что прослезился я и сам, как он.
А выслушав забавный мой рассказ,
Пришла в восторг императрица,
За весть поцеловав меня раз двадцать.

Л ю ц и й

Ты говоришь все это не краснея?

А р о н

Как в поговорке — словно черный пес.

Л ю ц и й

Ты не жалеешь обо всем, что сделал?

А р о н

Жалею лишь о том, что сделал мало.

Клянусь я каждый день, — хоть дней
таких

Немного в жизни у меня бывало, —
Когда бы я злодейства не свершил:
Не умертвил, убийства не замыслил,
Не подготовил, не свершил насилья,
Не обвинил и не дал ложных клятв,
Не перессорил насмерть двух друзей,
Скотину бедняка не покалечил,
Гумна иль стога ночью не поджег,
Хозяев принудив гасить слезами.
Частенько, вырыв из могилы трупы,
Перед дверьми друзей я ставил их,
Когда печаль была почти забыта:
На коже их, как на коре древесной,
Я по-латыни вырезал ножом:
“Да не умрет печаль, хоть я и умер”.
И тысячу я ужасов свершил
Так, невзначай, как убивают муху;
Но лишь одно мне сердце сокрушает:
Что в тысячу раз больше не свершу.

Л ю ц и й

Спустите черта; умереть не должен
Столь легкой, скорой смертью, как в петле.

А р о н

Коль черти есть, хотел бы я быть чертом,
Чтоб жить и в вечном пламени гореть
И, ваше общество имея в пекле,
Вас ядовитым языком язвить!

Л ю ц и й

Заткните рот ему, пусть он умолкнет.

Входит третий гот.

Т р е т и й г о т

Мой государь, там посланный из Рима
Желает, чтобы принял ты его.

Л ю ц и й

Пусть он войдет.

Входит Эмилий.

Привет, Эмилий, что за весть из Рима?

Э м и л и й

О славный Люций, готские вельможи,
Вам римский император шлет привет

И просит, раз взялись вы за мечи,
Вступить в переговоры в доме Тита;
А если вы заложников хотите,
То их сейчас же предоставят вам.

Первый гот

Что вождь наш скажет?

Люций

Эмилий, пусть заложников отцу
Иль дяде Марку даст ваш император —
И мы придем. — Вперед!

Трубы.

Уходят.

Сцена 2

Рим. Перед домом Тита.

Входят переодетые Тамора, Деметрий и Хирон.

Тамора

Так, в этом странном, мрачном одеянье
Перед Андроником предстану я.
Скажу, что Месть я, посланная адом
С ним сообща обиды возместить.
Стучитесь в комнату, где он сидит,
Обдумывая план жестокой мести;

Скажите — Месть пришла, чтоб с ним сдружиться
И гибель принести его врагам.

Они стучатся.
Входит наверху Т и т.

Т и т

Кто размышление мое тревожит?
Иль хитрость то, чтоб дверь я отворил
И скорбные решенья разлетелись,
Бесплодны оказались все труды?
Ошиблись вы: что я намерен сделать,
Я написал кровавыми чертами.
И что написано — должно свершиться.

Т а м о р а

Тит, сговориться я пришла.

Т и т

Ни слова, нет; чем речь я подчеркну?
Руки лишен, чтоб делать жесты ею.
Неровня мы с тобой; на том и кончим.

Т а м о р а

Узнав меня, ты стал бы говорить.

Т и т

Я не безумец, знаю я тебя:
Порукой — кровь письмен, обрубков жалкий;

Порукой — и морщины от забот;
Порукой — ночи гнет и дня томленье;
Порукой — горе в том, что узнаю
В тебе я Тамору, императрицу:
Не за другой ли ты рукой пришла?

Т а м о р а

Несчастный, знай: не Тамора я вовсе;
Враг Тамора тебе, а я — твой друг.
Я — Мечь и послана подземным царством,
Чтоб коршун дум, терзающих тебя,
Насытился возмездьем над врагами.
Сойди, приветствуй нас на этом свете.
Поговорим о смерти и убийстве.
Вертепа нет, ни потаенных мест,
Тьмы непроглядной, ни долины мгlistой,
Где б подлое насилье иль убийство
Укрылось в страхе: я настигну их
И страшное шепну им в уши имя,
Обидчиков дрожать принудив: Мечь.

Т и т

Ты — Мечь? И послана ко мне затем,
Чтоб стать для недругов моих мученьем?

Т а м о р а

Я — Мечь; сойди приветствовать меня.

Т и т

Но послужи мне прежде, чем сойду.
Ведь здесь с тобой Насилье и Убийство:
Так докажи на деле, что ты — Мсть;
Убей их, раздави под колесницей —
И я приду, и буду править ею,
И понесусь вокруг земли с тобою.
Достань двух черных, словно смоль, коней,
Чтоб мчать карающую колесницу,
Накрыть убийц в преступных их вертепах.
Когда же головами их она
Наполнится, сойду и у колес
Бежать весь день, как скороход, я буду.
С восхода над землей Гипериона
Вплоть до заката за морем его
Я день за днем труд тяжкий понесу —
Лишь уничтожь Насилье и Убийство.

Т а м о р а

Они — помощники; пришли со мною.

Т и т

Твои помощники? Как их зовут?

Т а м о р а

Насилье и Убийство; так зовутся
За то, что мстят творящим это зло.

Т и т

Как Таморы сынов напоминают,
Вы ж — Тамору! Но мы, земные люди,
Безумны, жалки, и наш глаз неверен.
О сладостная Месь, иду к тебе!
И коль одной руки тебе довольно,
Я тотчас же обнять тебя сойду.

(Уходит наверху.)

Т а м о р а

Его безумью сговор этот впору.
Чем мозг его больной я ни потешу,
Вы поддержать меня должны речами:
Теперь меня считает Месью он.
В безумной мысли той его уверив,
Уговорю за Люцием послать
И, задержав на пиршество его,
Изобрету я хитрую уловку,
Чтоб готов легковверных разогнать
Иль сделать их хотя б его врагами.
Вот он идет, я роль должна играть.

Входит внизу Т и т.

Т и т

Я долго был из-за тебя несчастен.
Добро пожаловать в мой скорбный дом,
О Фурия, Насилье и Убийство.

Не Тамору ль я вижу с сыновьями?
Прибавьте мавра — сходство будет полным.
Иль не нашлось в аду такого беса?
Прекрасно знаю я, — императрица
Без мавра не выходит никогда,
И, чтобы правильно ее представить,
Вам дьявола бы надо привести.
Но все ж пожалуйста. Что будем делать?

Т а м о р а

Чего хотел бы ты от нас, Андроник?

Д е м е т р и й

Дай мне убийцу, — я расправлюсь с ним.

Х и р о н

Дай подлеца, свершившего насилье, —
Я послан, чтобы отомстить ему.

Т а м о р а

Дай тысячу обидчиков своих, —
И за тебя я отомщу им всем.

Т и т

Ищи среди преступных улиц Рима
И, увидав подобного себе,
Рази его, Убийство: он — убийца. —
Ступай и ты и, если в свой черед

Увидишь сходство в ком-нибудь с собою,
Рази его, Насилье: он — насильник. —
Ступай и ты: при цезарском дворе
Царица есть в сопровожденье мавра;
Узнать ее ты можешь по себе:
Вся с головы до ног с тобою схожа.
Прошу тебя, дай лютую им смерть, —
Они ко мне и близким люты были.

Т а м о р а

Ты хорошо нас научил, — исполним,
Но будь так добр, Андроник, и пошли
За храбрым сыном, Люцием, идущим
С воинственными готами на Рим.
Проси его на пир в твой дом явиться:
Когда придет на празднество твое,
Сюда я приведу императрицу,
И цезаря, и всех твоих врагов:
Пусть на коленях молят о пощаде;
На них ты сердце отведешь свое.
Что скажешь ты на эту мысль, Андроник?

Т и т

Марк, брат мой! Тит зовет тебя несчастный.

Входит М а р к.

Марк, к Люцию, племяннику, ступай;
Ты должен разыскать его у готов.

Проси прийти ко мне и привести
Кого-нибудь из самых знатных готов;
Проси оставить в лагере войска.
Скажи — императрица, как и цезарь,
Со мной пируют; должен быть и он.
Исполни все, и он пусть все исполнит,
Жизнь престарелого отца ценя.

М а р к

Исполню все и возвращусь немедленно.

(Уходит.)

Т а м о р а

Теперь отправлюсь по твоим делам
И уведу помощников с собою.

Т и т

Оставь со мной Насилье и Убийство:
Иначе брата я верну назад,
Соединясь лишь с Люцием для мести.

Т а м о р а

(тихо, сыновьям)

Что скажете? Хотите с ним остаться,
Пока я к императору схожу,
Чтоб рассказать, как удалась мне шутка?
Его причудам потакайте, льстите,
Беседуйте, пока я не вернусь.

Т и т
(в сторону)

Я знаю их, хоть им кажусь безумцем.
В их собственные сети всех поймаю,—
И матку и проклятых адских псов.

Д е м е т р и й
Ступай же, матушка, оставь нас здесь.

Т а м о р а
Прощай, Андроник. Месть идет, чтоб сети
Расставить для врагов твоих на свете.

Т и т
Я знаю, сладостная Месть, прощай.
Тамора уходит.

Х и р о н
Скажи, старик, что ты готовишь нам?

Т и т
Довольно дела у меня найдется.—
Кай, Валентин, сюда идите! Публий!

Входят Публий и другие.

П у б л и й
Чего же хочешь ты?

Т и т

Кто эти двое?

П у б л и й

Деметрий и Хирон, два наших принца.

Т и т

Стыдись, стыдись! Жестоко ты ошибся.
Убийством и Насильем их зовут.
А потому вяжи их, милый Публий.—
Кай, Валентин, их за руки хватайте.
О, как давно я ждал такого часа,
И вот — дождался; так скрутите крепче
И рты заткните, лишь начнут кричать.

(Уходит.)

Публий и другие хватают Деметрия и Хирона.

Х и р о н

Не смей! Мы сыновья императрицы.

П у б л и й

Мы потому приказ и выполняем.
Заткните рты им, пусть они умолкнут.
Надежно связаны? Вяжите крепче.

Входят Тит и Лавиния; он несет нож, она — таз.

Т и т

Смотри, Лавиния, врагов связали.—
Заткните рты им, пусть они молчат
И страшные слова мои услышат.—
О подлые Деметрий и Хирон,
Источник этот загрязнили вы,
С зимой своей ее смешили лето;
Убили мужа и за грех тот подлый
Ее двух братьев на смерть обрекли;
Мне руку отрубили для забавы;
Язык и обе руки, то, что рук
И языка дороже,— непорочность,—
Насильем отняли вы у нее.
Что вы сказали б, разреши я вам?
Стыд помешал бы вам просить пощады.
Так слушайте, как стану вас пытать:
Рукой оставшейся я вас зарежу,
Лавиния же таз меж двух обрубков
Возьмет, чтоб кровь преступную собрать.
Со мной пирует ваша мать и Местью
Себя зовет, безумцем мнит меня.
Так вот, я в порошок сотру вам кости,
Из них и крови тесто приготовлю.
Из теста сделаю два пирога —
Два гроба для голов презренных ваших,
И вашу мать, бессовестную шлюху,
На славу угощу: пусть, как земля,

Она пожрет свое же порожденье.
Вот пир, к которому я звал ее,
Вот блюдо, что должно ее насытить.
Лютей, чем к Филомеле, к дочке были,—
Лютей, чем Прокна, буду отомщен.
Подставьте глотки.— Подойди, Лавиния.

(Перерезает горло Деметрию и Хирону.)
Кровь собери. Когда ж они умрут,
Я в мелкий порошок сотру их кости
И с этой скверной жидкостью смешаю,
Чтоб головы их в тесте том запечь.
Иди, иди, готовить помощи;
Пир более жестокий и кровавый
Хочу устроить я, чем пир кентавров.
Ташите их; как повар, постараюсь
К приходу матери стготовить их.

Уходят, унося трупы.

Сцена 3

Двор в доме Тита. Накрыты столы.

Входят Л ю ц и й, М а р к и готы с пленным
А р о н о м.

Л ю ц и й

Когда отца в том воля, дядя Марк,
Чтоб в Рим вернуться мне, я повинуюсь.

П е р в ы й г о т

И мы с тобой, чтоб ни судил нам рок.

Л ю ц и й

Запри злодея-мавра, добрый дядя,—
Он хищный тигр, проклятый дьявол он,—
Держи в цепях и пищи не давай,
Пока пред Таморой он не предстанет,
Чтоб обличить ее в поступках грязных;
И укрепи засаду из друзей:
Боюсь, недоброе задумал цезарь.

А р о н

Мне на ухо проклятья шепчет дьявол
И побуждает мой язык излить
Яд злобы, переполнивший мне сердце!

Л ю ц и й

Прочь, пес безжалостный, проклятый раб!
Друзья, вы с дядей уведите мавра..

Готы с Ароном уходят.

Трубы за сценой.

Что цезарь близко, трубы возвещают.

Входят Сатурнин и Тамора, Эмилий, трибуны,
сенаторы и другие.

С а т у р н и н

Как! Разве не одно на небе солнце?

Л ю ц и й

Что проку, если солнцем назовешься?

М а р к

Прошу обоих — бросьте пререканья
И мирно разрешите этот спор.
Готово к пиру все; заботой Тита
Достойной целью он имеет мир,
Любовь, содружество и благо Рима;
Прошу приблизиться, занять места.

С а т у р н и н

Охотно, Марк.

Гобои.

Все садятся за столы.

Входит **Т и т**, одетый поваром, и ставит блюда на стол; за ним **Л а в и н и я**,
под покрывалом, **Л ю ц и й М л а д ш и й** и другие.

Т и т

Привет тебе с супругой грозной, цезарь;
Привет вам, готы; Люцию привет;
Привет вам всем. Хоть скромнень стол, — желудки
Наполнит вам; отведайте вас прошу.

С а т у р н и н

Зачем ты нарядился так, Андроник?

Т и т

Хотел увериться, что угостят
Как должно цезаря с императрицей.

Т а м о р а

Андроник, мы признательны тебе.

Т и т

Да, были б, если б знали это сердце.
Но вот что ты реши мне, государь:
Виргиний пылкий хорошо ли сделал,
Дочь умертвив своей рукой за то,
Что чести и невинности лишилась?

С а т у р н и н

Да, хорошо, Андроник.

Т и т

Твой довод, государь?

С а т у р н и н

Не подобало жить ей, честь утратив,
И вечно скорбь отца возобновлять.

Т и т

Да, довод основательный и веский,—
Пример, живое указание мне:
Несчастный, так же поступить я должен.—
Умри, Лавиния, и стыд с тобою!
А со стыдом и скорбь отца умри!

(Убивает Лавинию.)

С а т у р н и н

Что сделал ты, чудовищный злодей?

Т и т

Убил ее: я слеп от слез о ней.
Несчастен так же я, как был Виргиний,
И более причин имел, чем он,
Свершить жестокость эту я. Свершилось!

С а т у р н и н

Но кем же обещана она?

Т и т

Откушай: угощение на славу.

Т а м о р а

Как мог убить ты? Это дочь твоя!

Т и т

Убил Хирон, Деметрий, а не я:

Лишили чести, отрубили руки;
Они, они ей причинили муки.

С а т у р н и н

Чтоб тотчас же сюда их привели!

Т и т

Их в этом пироге мы запекли,
Которым лакомилась мать родная,
Плоть вскормленную ею, поедая;
Порукой в этом — острие ножа.

(Убивает Тамору.)

С а т у р н и н

Умри, несчастный, за свой грех проклятый!

(Убивает Тита.)

Л ю ц и й

Помирится ли сын с такой утратой?
За плату — плата: смерть прими, проклятый!

(Убивает Сатурнина.)

Все в смятении. Люций, Марк и другие поднимаются вверх.

М а р к

Вы, скорбные, народ и дети Рима,
Разъятые враждой, как стая птиц,
Рассеяная вихрями и бурей,
О, дайте научить вас, как собрать

В единый сноп разбитые колосья
И в плоть одну разрозненные члены,
Чтоб сам себе не стал отравой Рим
И он, пред кем склоняются державы,
В отчаянье, как жалкий отщепенец,
Постыдно не покончил сам с собой.
Но, если иней старости, морщины —
Свидетельство об опыте нелживом, —
Не убедят вас выслушать меня,

(Люцию.)

Друг Рима, говори. Как встарь наш предок,
Когда торжественно повествовал
Дидоне скорбной и больной любовью
О ночи мрачной, пламенной, когда
Лукавый грек взял Трою у Приама, —
Скажи, какой Синон нас обольстил,
Кто вез машину, нашей Трое — Риму —
Гражданскую тем рану нанеся. —
Не камень сердце у меня, не сталь;
Заговорю ль о горьких наших бедах, —
Потоки слез затопят красноречье,
Прервав правдивый мой рассказ в тот миг,
Когда он должен захватить вниманье
И вызвать сострадание у вас.
Вот вождь, за ним рассказ: от слов его
В вас сердце содрогнется и занает.

Л ю ц и й

Итак, друзья, да будет вам известно:
Проклятые Деметрий и Хирон —
Вот кто зарезал цезарева брата,
Кто нашу изнасиловал сестру.
За их вину казнили наших братьев,
Презрев отца их слезы и лишив
Руки, сражавшейся за Рим достойно,
Его врагов в могилу отправлявшей.
И, наконец, и сам я изгнан был.
За мной ворота затворились; плача,
Пошел просить о помощи врагов.
В моих слезах вражда их потонула,
Объятья их раскрылись для меня.
Отверженный, да будет вам известно,
Я охранял ценою крови Рим
И меч врага от Рима отводил,
Сталь направляя в грудь себе отважно.
Вы знаете, я хвастать не люблю;
Мои рубцы порукой в том, хоть немые,
Что мой рассказ и точен и правдив.
Довольно! Слишком я и так отвлекся
Хвалой себе недолжной. О, простите!
Нет друга — сами хвалим мы себя.

М а р к

Черед за мной. Смотрите, вот ребенок:

(указывая на ребенка, которого держит на руках слуга)

Им разрешилась Тамора; он ею
От мавра нечестивого рожден,
Зачинщика, творца всех этих бедствий.
Мерзавец жив; здесь, в доме Тита, он
И это подтвердит, как ни преступен.
Решите, мог ли Тит не отомстить
За несказанные обиды эти, —
Их ни один бы смертный не стерпел!
Узнав всю правду, римляне, судите!
В чем погрешили — укажите нам;
И с места, где нас видите сейчас, —
Андроников несчастные остатки, —
Мы об руку низринемся вдвоем
И, раздробив себе мозги об камни,
Положим роду нашему конец.
Ответьте, римляне; скажите слово —
И с Люцием мы броситься готовы.

Э м и л и й

Сойди, сойди к нам, муж почтенный Рима,
И за руку к нам цезаря сведи:
Наш цезарь — Люций; в том я убежден:
Единогласно будет избран он.

В с е

Привет, о Люций, повелитель Рима!

М а р к

Ступайте в дом Андроника печальный —

(Слугам.)

Безбожного сюда тащите мавра,
Чтоб к страшной смерти присудить его,
За жизнь преступную его карая.

Слуги уходят.

Люций, Марк и другие спускаются.

В с е

Привет, о Люций наш, правитель Рима!

Л ю ц и й

Благодарю. Когда б я мог так править,
Чтоб Рим от горя и от слез избавить!
Но дайте срок мне, римляне: природой
Тяжелый долг возложен на меня.—
Посторонитесь.— Дядя, подойди
Прощальную слезу на труп пролить.

(Целует Тита.)

Горячий поцелуй устам холодным
И слезы на лице окровавленном —
Вот сына верного последний долг!

М а р к

Слезу слезой, лобзание лобзаньем
Брат на устах здесь возместит тебе.

Мавр Арон. Рисунок Джона Джильберта

О, будь число их, должных мной, несметно
И бесконечно, — расплачусь за все!

Л ю ц и й

Поди сюда, учись у нас, мой мальчик,
Как слезы лить. Тебя твой дед любил.
И на коленях все качал, бывало,
И песнею баюкал на груди;
И он тебе рассказывал немало,
Что твоему младенчеству пристало.
Из уваженья к этому, с любовью
Пролей слезинки от своей весны,
Как требует того закон природы:
Друг должен с другом разделить невзгоды.
Простись же с ним, предай его могиле
И, долг отдав ему, расстанься с ним.

Л ю ц и й М л а д ш и й

О дедушка! Желал бы я всем сердцем
Сам умереть, чтоб только ты был жив! —
Отец, мне слезы говорить мешают,
Рыдания душат, лишь раскрою рот.

Входят слуги с Ароном.

О д и н и з р и м л я н

Андроники, конец страданиям вашим!
Произнесите приговор злодею, -
Виновнику событий роковых.

Л ю ц и й

По грудь заройте в землю, не кормите:
Пусть бесится, вопит о пище он;
Кто, сжалившись над ним, ему поможет,
Умрет за это. Вот наш приговор.
Смотрите, чтоб зарыт был в землю прочно.

Труп Таморы отдается на растерзание диким зверям.

Рис. Дж. Джилберта

А р о н

Но что ж во мне замолкли гнев и ярость?
Я не ребенок, чтоб с мольбой презренной
Покаяться в содеянном мной зле.
Нет, в десять тысяч раз еще похуже
Я б натворил, лишь дайте волю мне.
Но, если я хоть раз свершил добро,
От всей души раскаиваюсь в этом.

Л ю ц и й

Пусть тело цезаря друзья возьмут,
Чтоб схоронить его в отцовском склепе,
Отца же моего с сестрою должно
В гробницу родовую поместить.
А что до Таморы, тигрицы злобной,
Ни трауром, ни чином погребальным,
Ни похоронным звоном не почтить,
Но выбросить зверям и хищным птицам:
Жила по-зверски, чуждой состраданья,
И вызывать не может состраданья.
Пусть правосудие свершат над мавром,—
Он бедам всем начало положил.
Затем в стране мы учредим порядок,
Чтоб не пришла от дел таких в упадок.

Уходят.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

“Два веронца”

Хотя “Два веронца” были напечатаны лишь в F 1623 года, все данные свидетельствуют о том, что комедия была создана Шекспиром в ранний период его творчества. Сведеньи о постановке ее на сцене не сохранилось, но Френсис Мерес в 1598 году в своем обзоре английской литературы, перечисляя комедии Шекспира, ставит на первое место в списке “Два веронца”. Исследователи датируют пьесу по-разному, в пределах 1591-1595 годов. По мнению авторитетнейшего шекспироведа XX века Э.К. Чэмберса, ее появление относится к началу сезона 1594/95 года.

Источником сюжета комедии является история Феликса и Фелисмены из испанского пасторального романа “Диана” Монтемайора. Однако едва ли Шекспир был непосредственно знаком с ним в оригинале, так как испанского языка не знал. Он мог читать его перевод в рукописи, сделанной Бартоломью Юнгом, но вероятнее всего, что он знал пьесу “Феликс и Филомена”, представление которой давалось при дворе труппой королевы в 1585 году. Возможно даже, что комедия Шекспира представляет собой переработку этой пьесы, но судить об этом мы не можем, ибо текст ее не сохранился.

Комедия Шекспира далека от совершенства. Внимательное изучение ее привело к обнаружению некоторых противоречий и несогласованности ряда моментов. Давно уже был замечен явный географический ляпсус: Валентин едет из Вероны в Милан на корабле, тогда как оба города находятся в глубине страны. В другом месте просто описка: Спид приветствует Ланса с прибытием в Падую, тогда как на самом деле

они встречаются в Милане, где происходит значительная часть действия. Но больше всего недоумений вызывает финал. Об этом будет сказано ниже.

Исследователи спорят о том, на чей счет следует отнести несовершенства пьесы. Одни видят в них свидетельство незрелости самого автора, что естественно, если пьеса действительно была продуктом его раннего творчества. Но редакторы “Нового Кембриджского издания” сочинений Шекспира А.Куиллер-Кауч и Дж.Довер Уилсон полагают, что их следует в значительной степени объяснить дефективностью рукописи, с которой печатался текст. Дж.Довер Уилсон утверждает, что перед нами не воспроизведение рукописи Шекспира, а сводный текст, составленный из списков отдельных ролей при помощи плана спектакля (plot). Отсюда, будто бы и явные сокращения в тексте и частичная несогласованность отдельных моментов.

Возможно, что это было так. Но при всем том “Два веронца” несомненно выделяются не только над уровнем всей дошекспировской комедиографии, но и над его собственными комедиями, написанными до того. По сравнению с “Комедией ошибок” и “Укрощением строптивой” “Два веронца” представляют собой явный шаг вперед, притом в новом направлении.

Названные две комедии принадлежат еще к фарсовой традиции, хотя они кое в чем переросли ее. “Два веронца” — первая “романтическая” комедия Шекспира. И дело не только в том, что действие строится не на случайном совпадении, не на фарсовых недоразумениях и перебранках. Новым здесь является центральный мотив сюжета, отношение к людям, к их духовному миру.

“Два веронца” — пьеса о любви и дружбе. Шекспир

здесь заглядывает в человеческие души глубже, чем в “Комедии ошибок” и “Укрощении строптивой”. Вполне оставаясь на почве реальности, Шекспир вводит в “Два веронца” мотивы идеальные. Речь идет о высоких человеческих чувствах и больших нравственных ценностях — о верности в любви и дружбе.

Но необходимо сразу же сказать, что морализаторские цели Шекспиру чужды в этой комедии, как и в остальном драматургическом творчестве. Он создает характеры, и раскрытие их в действии составляет его главную цель как художника. Перед нами обнаруживаются различия в поведении героев, охваченных чувством, и мы видим, что различия эти обусловлены характером.

Валентин — чистая, цельная натура. В речи он прям, чувство и выражение его последовательны. Он стоек в дружбе, верен своей любви даже в разлуке. Его характеризует благородная простота и решительность. В одном он только проявил свою робость — он не покоритель сердец, как его друг, и не он, а Сильвия сделала первый шаг к их сближению. Такой же цельностью отличается нежная, хрупкая Джулия. Она отдалась своему чувству. Во имя него она готова и на жертву и на подвиг.

В отличие от робкой Джулии, Сильвия решительна и уверена в себе. Она смела, умна, насмешлива, остроумна, готова прибегнуть к крайним средствам для достижения счастья с любимым.

Как ни различны они, есть черта, свойственная им в равной мере, — цельность натуры, верность чувству. Именно этим они отличаются от героя, которого Шекспир многозначительно назвал именем мифологического персонажа, менявшего свой облик, — Протея.

Как правило, Шекспир не давал своим героям имен со значением. Это осталось у него принадлежностью персонажей комических. Но фигура Протея не шутовская. И, добавим, не злодейская.

Правильному пониманию “Двух веронцев” всегда мешает то, что мы хотим оценить смысл драматического конфликта в плане противопоставления этических норм и принципов. Это не входило в замысел Шекспира и только запутывает зрителя и читателя. Конфликт у Шекспира не этический, а психологический. В Протее нет ничего злодейского, хотя поведение его оказывается весьма предосудительным.

Протей — человек чувства. Жить без любви, без страсти он не может. Не случайно, что любовь проснулась в его сердце раньше, чем у друга. Валентин еще посмеивался над любовным увлечением Протея, когда мы знакомимся с ними. Ему, Валентину, свойственны другие стремления: он честолюбив, хочет проявить себя в деле, завоевать положение. До всего этого Протею дела нет: он живет жизнью сердца, и это дает ему высшие радости.

Но чувство Протея отличается одной особенностью. Ему необходимо, чтобы предмет его любви был перед ним. Нельзя сказать, что его чувство поверхностно. По-своему оно глубоко, но оно нуждается в повседневной пище. Когда Протей разлучился с Джулией, она как бы выпала из его сердца. Им овладела страсть к Сильвии. А так как эмоции его очень сильны и властно требуют удовлетворения, то Протей со всей присущей ему страстностью стал бороться за Сильвию, презрев и преданность Джулии, и дружбу к Валентину, и все правила доброты.

Можно и, вероятно, нужно оценить поведение Протея с точки зрения норм нравственности. Но не это интересовало

Шекспира и его современников. В эпоху Возрождения и критерии морали были несколько иными. Высшая человеческая добродетель усматривалась не в том, чтобы быть моральным, (так думали пуритане), а в том, чтобы следовать своей природе, стремлениям ума и сердца, проявляя максимум энергии в достижении цели. Вот почему и Валентин и Джулия оказываются в состоянии простить неверность Протею, как только он изъявляет готовность признать свою неправоту и исправиться. Каждый из них знает, как велика сила чувства, и в этом смысле они могут не только понять, но и простить Протея.

Здесь мы подошли к тому месту пьесы, которое подало повод для разных оценок и споров критики. Развязку комедии находили недостаточно моральной, неэстетичной и психологически неоправданной. Новейшие исследователи, как Дж.Довер Уилсон, предложили для “оправдания” Шекспира текстологические мотивы. Довер Уилсон считает, что развязка дошла до нас в значительно сокращенном виде, притом с изменениями, сделанными не самим Шекспиром, а кем-то другим, отчего и происходят все несообразности финала.

Мы не видим необходимости в таком объяснении и полагаем, что Довер Уилсон переоценивает значение неясной развязки. Если сокращения и имели место, то в целом дошедшую до нас финальную сцену можно считать вполне шекспировской. Другое дело, что современному сознанию она представляется неоправданной. Правильно понять ее можно лишь учитывая своеобразие ренессансного мировоззрения. С точки зрения людей эпохи Шекспира не было ничего несообразного ни в том, что Протей раскаивается, ни в том, что друг и возлюбленная прощают его.

Правда, если зритель нашего театра незнаком с этим обстоятельством, он будет испытывать некоторое неудовлет-

ворение такой развязкой. Помочь здесь сможет лишь творческая инициатива театра, умение так воссоздать атмосферу ренессансной жизни, так динамически построить спектакль, что финал покажется оправданным в той напряженной эмоциональной атмосфере, в какой живут герои.

Пьеса вся пронизана духом эпохи Возрождения. Недаром действие ее происходит в Италии, обетованной земле Ренессанса. Юг с его знойными страстями, стремительностью и горячностью людей во многом дает знать о себе в “Двух веронцах”. Но четкая локализация действия никогда не была свойственна Шекспиру. Свое национальное, английское властно вторгалось в его пьесы, где бы ни происходило их действие. Так это случилось и здесь.

Валентин, изгнанный из Милана, сразу попадает в лес, который совсем не похож на итальянский. Английский зритель шекспировского времени безошибочно узнавал в нем Шервудский лес, в котором прятался Робин Гуд со своими лесными братьями. Английская природа и английский фольклор придают дополнительный романтический колорит комедии Шекспира.

Мы сказали “комедии”, и надо уточнить это жанровое обозначение применительно к пьесам Шекспира. В “Комедии ошибок” и “Укрощении строптивой” все было форсированно комедийным. В “Двух веронцах” отнюдь не все действие является комедийным. Нет ничего смешного в драме преданной Джулии, совсем не комичны последствия предательства Протея для Валентина и Сильвии. “Два веронца” — первая из комедий Шекспира, в которой определилось своеобразие этого жанра у великого драматурга. Серьезное и смешное уживаются рядом. Счастливая развязка обращает все происшедшее в повод для веселья. Собственно комическое составляет лишь

часть действия, но столь значительную, что оно определяет колорит всей пьесы. Мы имеем в виду шутовские эпизоды со слугами.

Рядом со стихией возвышенных романтических чувств героев соседствует самая откровенная клоунада. Искусство Шекспира проявилось в том, что вставные клоунские интермедии были им органически сплетены с основным сюжетом. Замечательная пара слуг здесь не так безлика, как в “Комедии ошибок”. В первой комедии Шекспира Дромио Эфесский и Дромио Сиракузский не только внешне неразличимы. Они похожи друг на друга и во всем остальном. В “Двух веронцах” Ланс и Спид наделены определенностью характера. При этом они контрастны не только по отношению друг к другу, но и в сравнении со своими господами. У прямодушного Валентина, несколько медлительного и, если так можно выразиться, внутренне неповоротливого, — ловкий, изворотливый, быстрый Спид (самое имя его по-английски означает “быстрый”). У гибкого, изменчивого Протея — медлительный, меланхоличный Ланс. Он смешон, и недаром Энгельс писал, что один только Ланс со своей собакой Кребсом стоит всех немецких комедий, вместе взятых.

Шекспир написал потом комедии более тонкие и изящные. Но путь к ним лежал через “Двух веронцев”. Именно в этой пьесе исток всего того нового, что внес Шекспир в искусство комедии: романтика высоких чувств, озаренных молодостью, красотой, изяществом мысли, сочетание всего этого с бравурным площадным юмором и реминисценциями фольклорных сказочных мотивов.

У Ланса и Спида будет потом целая серия продолжателей — и ткач Основа (“Сон в летнюю ночь”), Оселок (в “Двенадцатой ночи”), и даже трагический шут короля Лира. И мы

увидим также, как разовьёт Шекспир психологические мотивы, представленные в образах героев комедии. Джулия найдет свое продолжение в образе Виолы (“Двенадцатая ночь”), Сильвия — в Порции (“Венецианский купец”) и Розалинде (“Как вам это понравится”). Валентин открывает собой целую галерею юных героев комедий, он предшественник и Лизандра, и Орlando, и других. Но наибольший интерес представляет развитие и углубление тех психологических мотивов, с которыми мы впервые сталкиваемся в образе Протея. Это Клавдио (в “Много шума из ничего”) и в особенности Анджело (в “Мера за меру”), это и некоторые другие герои поздних комедий Шекспира.

Сравнение “Двух веронцев” с более зрелыми комедиями Шекспира, естественно, не всегда в пользу этого раннего произведения. Но оно имеет свою прелесть — прелесть открытия художником новой, неизведанной области жизни. И молодой Шекспир с упоением щедро накладывал краски на холст, создавая резкие контрасты, не боясь ярких цветовых пятен. Это еще не до конца отделанное полотно, а скорее этюд, но этюд гения.

А. Аникст

Примечания к тексту “Двух веронцев”

К с. 7. *Действующие лица.* — Протей — древнегреческое божество, обладавшее будто бы способностью менять свой облик; вследствие этого его имя стало синонимом человека крайне непостоянного.

Спид (Speed) — значит “спешка”. — Ланс (Launce) — быть может, диалектная форма слова lance — “копье”. Обоз-

начение обоих этих персонажей “дурашливые” (clownish) слуги — указывает на их театральное амплуа “шутов” (clowns).

К с. 10. ...о том, как море переплыл Леандр... глубокой, как пучина Геллеспонта. — Леандр — герой древнегреческого сказания. В Сесте, на европейском берегу Геллеспонта (Дарданелльского пролива), жила Геро, жрица Афродиты (Венеры). Леандр, ее возлюбленный, живший на малоазийском берегу, в Абидосе, каждый вечер, спеша к ней на тайное свидание, переплывал Геллеспонт, а затем под утро, таким же образом возвращался обратно, пока однажды, в бурную ночь, не утонул.

К с. 13. *Мой отец уже в дороге, меня он провожает на корабль.* — Одна из географических небрежностей Шекспира. Верона и Милан — отнюдь не приморские города. Однако, хотя в подлиннике стоит слово the road (рейд), возможно, что Шекспир представлял себе эти два города сообщаемыми между собой с помощью каналов.

К с. 18. *Не под водой, а в петле твой конец!* — Существовала поговорка: “Кому суждено быть повешенным, тот не утонет”.

К с. 20. *Откроем счет красавцем Эгламуrom.* — Неожиданное упоминание здесь Эгламура, живущего при герцогском дворе в Милане (см. IV, 3), — небрежность Шекспира.

К с. 27. *Пой на мотив: “Блаженный свет любви”.* — “Свет любви” — популярная во времена Шекспира песенка.

К с. 41. ...вы бранили синьора Протея за то, что он ходит без подвязок! — Беспорядок в одежде — в частности, незавязанные подвязки — считался признаком влюбленности.

К с. 42. *Синьор Валентин, мой слуга, две тысячи раз доброе утро!* — Мой слуга — в подлиннике слово servant, то есть признанный, официальный поклонник.

К с. 48. Если любовь, этот хамелеон, питается воздухом...— Существовало нелепое мнение, что хамелеон (вид ящерицы) питается воздухом.

К с. 50. Имя собаки *Crab* может означать либо “краб”, либо — что более вероятно — “дикая яблоня” (также яблоко с нее).

К с. 52. Упустишь час прилива... а лучше бы я упустил прилив. Потому что это самая невоспитанная скотина...— В последних словах Пантино и в ответе Ланса содержится игра слов *to lose the tide* — “пропустить прилив”, *to lose the tied* “потерять привязанного” (то есть пса).

К с. 72. ...недостойн имени христианина... Потому что не хватает в тебе милосердия, чтобы угостить христианина пивом.— В подлиннике: *to go to the ale*. Словом “эль” (“пиво”) обозначался также народный христианский праздник (в котором не могли участвовать евреи). Для таких праздников духовенство приготавливало пиво, которое продавалось в церквах и на кладбищах, а доход шел на ремонт церковных зданий.

К с. 73. А Джулия... пред Сильвией черна, как эфиопка.— Темный цвет лица и волос считался недостатком у женщины. В своем раздражении Протей приписывает Джулии мнимые “недостатки” (Джулия — блондинка).

К с. 76. Я подвяжу их шелковою нитью и заплету двенадцатью узлами...— Сложные прически были в ходу не только у дам, но и у кавалеров той эпохи.

К с. 90. Фазтон — сын Феба — Аполлона и смертной женщины Климены. Тем, что он назван сыном Меропса (мужа Климены), выражается сомнение в его божественном происхождении.

К с. 91. На его шкуре нет ни одного волоска, который

не был бы Валентином. — намек на народное поверье, согласно которому в день святого Валентина (14 февраля) птицы начинают спариваться, вследствие чего это имя стало синонимом брака.

К с. 95. *А всяких штук она знает — что твоя водолазная собака.* — В подлиннике — “водяной спаниэль” — порода собак, особенно хорошо поддающихся дрессировке.

К с. 96. *И да поможет тебе святой Николай.* — Святой Николай считался покровителем школяров (грамотеев).

К с. 105. *Орфей, создав магическую лютню, поэтов жилы взял для вещей струн...* — Согласно одному из вариантов сказания об Орфее, струны его лютни были сделаны из жил умерших поэтов.

Левиафан — упоминаемое в Библии морское чудовище.

К с. 110. *Ручаюсь плешью старого монаха из удалой ватаги Робин Гуда...* — “Старый монах” — монах Тек, лихой сподвижник Робин Гуда, знаменитого “великодушного разбойника” XII века, героя народных баллад.

К с. 117. *вы ошиблись, мне музыкант не нравится.* — В подлиннике игра слов, не поддающаяся переводу: *the musicians likes me not* может значить и “музыкант мне не нравится” и “музыкант меня не любит”.

К с. 136. *Под маскою не прячется от солнца...* — Во времена Шекспира дамы носили для защиты от солнца бархатные маски.

Я Ариадну представлял тогда, убитую предательством и бегством изменника Тезея. — Тезей — прославленный герой древнегреческих мифов, совершивший множество подвигов. Наиболее известный из них — победа над чудовищем Минотавром, с которым Тезей сразился в лабиринте критско-

го царя Миноса. Дочь Миноса Ариадна помогла Тезею выбраться из лабиринта. Победив Минотавра, Тезей увез с собой Ариадну, но на пути в Афины высадил ее на острове Наксосе и оставил там.

“Венецианский купец”

Пьеса эта до фолио 1623 года была отдельно издана дважды: в первый раз — в 1600 году под заглавием “Превосходнейшая история о венецианском купце. С чрезвычайной жестокостью еврея Шейлока по отношению к сказанному купцу, у которого он хотел вырезать ровно фунт мяса; и с получением руки Порции посредством выбора из трех ларцов. Как она неоднократно исполнялась лорд-камергера слугами. Написана Уильямом Шекспиром”; во второй раз в 1619 году, под тем же заглавием, но без указания на постановку. Разница между этими двумя изданиями и между ними и текстом в фолио 1623 года очень невелика.

Пьеса содержит несколько намеков на сенсационный процесс придворного врача, португальского еврея Родриго Лопеса (который был казнен 7 июня 1594 г.), и Антонио Переса, претендента на португальский престол, жившего в Лондоне, — обвиненных в попытке отравить королеву Елизавету. Самый яркий из этих намеков содержится в сцене IV, 1: “Твой гнусный дух жил в волке, повешенном за то, что грыз людей” (по-латыни волк — *lupus*, откуда происходит испано-португальская фамилия Лопес). С другой стороны, в двух письмах к Роберту Сесилю, лорду Берли, канцлеру Елизаветы, от 27 октября и 10 ноября 1596 года Френсис Девисон насмешливо называет общего их врага Эссекса “святым Гоббо”, что предполагает знакомство с “Венецианским купцом”; вероят-

но, незадолго перед тем представленным. Эти обстоятельства, а также значительная зрелость языка и версификации комедии делают наиболее вероятным возникновение ее ранней осенью 1596 года.

Историю о жестоком займодавце, попытавшемся вырезать, согласно условиям векселя, фунт мяса у неисправного должника, в соединении с необычным сватовством юноши, ради которого этот купец занял деньги, рассказывается в целом ряде средневековых произведений. Прямым источником послужила Шекспиру новелла (день IV, новелла 1) из сборника “Овечья голова” Джованни Фьорентино, составленного около 1378 года, хотя напечатанного впервые лишь в 1558 году. Именно из всех дошедших до нас версий сказания только в этой содержится названия Бельмонте и мотив кольца, отданного в награду искусному адвокату. Хотя сборник Джованни Фьорентино был переведен на английский язык только в XVIII веке, вполне допустимо, что уже во времена Шекспира существовал более старый перевод его, который он мог прочесть в рукописи.

Своеобразие этой комедии заключается прежде всего в особенном полусказочно-полуновеллистическом тоне, который ее пронизывает. Мало можно найти комедий Шекспира, где неправдоподобие и подчеркнутая условность положений, характеров, всего сюжета были бы так заметны. Несостоятельность аргументов Порции-адвоката давно уже была отмечена юристами. Не нужно быть особенно ученым законоведом, чтобы признать, что в любую эпоху и в любой стране закон не мог не разрешить займодавцу взять меньше, чем то, на что он, согласно договору, имел право, и что кровь должна считаться частью тела, поскольку она неотделима от него, подобно тому, как вместе с яблоком покупается и его кожура,

а вместе с комнатой сдается и содержащийся в ней или притекающий в нее воздух. Невероятно также, чтобы наивная загадка с тремя ларцами не была разгадана давно уже до Бассанио одним из предшествующих ему женихов Порции или чтобы Порция не нашла способа намекнуть полюбившемуся ей Бассанио, на какой из ларцов ему следует указать. Почему Антонио с первого появления в пьесе все время томит какая-то непонятная грусть? Почему друзья Антонио, так ему преданные (см. сцену суда), не пришли ему заблаговременно на помощь, одолжив необходимую сумму? Как мог Бассанио забыть о сроке векселя, подписанного лучшим его другом Антонио на таких страшных условиях, чтобы достать для него, Бассанио, деньги, составившие счастье всей его жизни? Не приводя других примеров такого рода, отметим лишь, что все эти условности и натяжки придают пьесе несмотря на чувственный оттенок ее и материальную яркость, и пластичность образов, какой-то фантастический, иллюзорный оттенок, делающий ее слегка похожей на типичные пьесы-сказки Шекспира, как “Сон в летнюю ночь” или “Буря”. Не без основания поэтому в своей постановке “Венецианского купца” (в начале XX в.) немецкий режиссер Макс Рейнгардт трактовал его как мимолетную интригу, легкую игру мыслей на фоне происходящего в Венеции карнавала (см. сцену — II, 4).

Другой особенностью, также придающей пьесе большое своеобразие, является богатство ее идейного содержания и многогранность, доходящая почти до противоречивости, ее ведущих характеров. Две темы, как будто бы не имсющие между собой ничего общего, выделяющиеся среди множества мыслей и тенденций комедии, это — тема отношения человека к имуществу, собственности, и тема дружбы, как одного из единящей благородные натуры независимо от их пола, а не

любви между мужчиной и женщиной, которой в пьесе, собственно говоря, и нет; ибо чувство, соединяющее Бассанио и Порцию или Лоренцо и Джессику, менее всего можно назвать страстью: это просто склонность, влечение, имеющее целью наслаждение и счастливую дружную жизнь.

Первая тема выразительнее всего представлена сюжетной линией Шейлока и Антонио, о которой мы подробнее скажем ниже. Но она появляется, хотя и слабее, и в других частях пьесы. Мы не находим в ней ни малейшего намека на презрение к земным благам, на пренебрежение к богатству. Антонио при всей его щедрости производит торговые операции, относясь к ним как к делу естественному и вполне благородному. Бассанио откровенно стремится к женитьбе на богатой наследнице. Да и Порция, умелая и разумная хозяйка, отнюдь не равнодушна к своему достоянию. Джессика, убегая из отцовского дома с Лоренцо, не забывает захватить с собой фамильные драгоценности. Но для всех них деньги — лишь средство, обеспечивающее им светлую и привольную жизнь, а не самоцель, как для Шейлока, влюбленного в деньги, одержимого жадной накопления и способного пойти на все ради преумножения своего капитала.

Вторая тема, тема дружбы, занимает не менее видное место. Культ дружбы, столь типичный для культуры и литературы Возрождения, можно рассматривать как естественный, закономерный ответ гуманистов на безудержную и беспощадную погоню за наживой, все более охватывающую активные элементы общества в век зарождения первоначального капиталистического накопления. Лозунгу “человек человеку — волк” гуманизм противопоставил лозунг человечности, милосердия, дружбы. Как дополнение и корректив ко все более утверждающейся в национальных монархиях XVI века

идее “легальности”, выдвигается доктрина милосердия (“милости”, к которой призывает в сцене суда адвокат — Порция) как необходимого корректива, без которого нет в жизни человека красоты и радости, без которого, — как в случае Антонио — Шейлок, — по выражению юристов, *summum jus* (высшее право) становится *summa iniuria* (высшею несправедливостью). Одной из форм этого светлого альтруизма, украшающего и обогащающего человеческую жизнь, и является идея дружбы, занимающая также огромное место в творчестве Шекспира (его сонеты, дружба Валентина и Протея в “Двух веронцах”, где дружба выдерживает состязание с любовью; дружба Гамлета с Горацио, дружба Селии с Розалиндой в “Как вам это понравится” или Ромео с Меркуцио). Такова же дружба Бассанио и Антонио, который готов отдать своему молодому другу все, что ему принадлежит, и даже то, чего у него нет. И эта тема дружбы в данной комедии глубоко связана с мечтой о более прекрасной жизни, в которой деньги должны служить человеку, не делая его рабом. Вот в чем заключается связь двух тем, образующая сложное идейное единство этой чудеснейшей пьесы.

Два мира противопоставлены здесь друг другу. Один — мир радости, красоты, великодушия, дружбы; его составляют Антонио с группой его друзей, Порция, Нерисса, в известной мере Джессика. Другой мир — хищничества, скаредности и злобы; его составляют Шейлок, Тубал и их присные, которые не показаны в пьесе, но ощущаются как ее фон. Если в предыдущих комедиях возможно было примирение, превращение злых в добрых (Протей), то здесь это исключено. Между двумя мирами идет война не на жизнь, а на смерть.

Трудно сказать, которая из двух сторон начинает нападение, которая из них более агрессивна: обе они одинаково,

еще до начала действий, презирают друг друга. Лица первой группы смотрят на жизнь с доверием, они ощущают ее красоту, их душа открыта всему радостному, прекрасному, благородному. Таков прежде всего сам Антонио, который из природного великодушия одалживает деньги, никогда не беря за это процентов, который исповедует настоящий культ дружбы. Таковы же и все другие члены этого кружка, друзья Антонио. Напротив, Шейлок и ему подобные не знают ничего, кроме сухого расчета и корысти. Им недоступны жалость, душевная щедрость, милосердие. Это хорошо показано в четвертом акте пьесы, в сцене суда, когда Порция в своей замечательной речи о “милости” тщетно призывает Шейлока проявить по отношению к Антонио великодушие.

Многие западные критики пытаются изобразить столкновение между Антонио и Шейлоком как противопоставление идеалов христиан-европейцев идеалам еврейства. По их мнению, Шекспир хотел разоблачить в “Венецианском купце” порочность евреев и написал, таким образом, антисемитскую пьесу. Это, конечно, есть грубейшее искажение замысла пьесы. В целом ряде своих пьес Шекспир проводит идею равенства людей всех рас, наций, вероисповеданий, всех общественных положений. Но почему же в таком случае он сделал Шейлока евреем? Прежде всего, эту черту Шекспир придумал не сам, а заимствовал из итальянской новеллы, послужившей ему источником. Он воспроизвел ее потому, что она соответствовала действительности. В XVI веке евреи, жившие в разных странах Западной Европы, не имея доступа к очень многим, и притом наиболее выгодным и почетным профессиям, усиленно занимались торговлей и ростовщичеством. Но самое существенное — как именно и насколько разносторонне обрисовал своего Шейлока Шекспир, ибо он дал чрезвы-

чайно многогранный образ его. Вспомним замечание Пушкина в его высказывании о разносторонности характеров Шекспира: “Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолубив, остроумен”.

Еще Гейне в своей замечательной книге “Женщины и девушки Шекспира” (глава “Джессика”) заметил, что “о различии религии в этой пьесе нет и речи, нет малейшего намека”, как нет намека и на этнические особенности, которые автору, будь он во власти “расового предрассудка”, было бы соответственно постараться изобразить в смешном или отталкивающем виде. Нигде во всей пьесе нет ни слова о каких-либо страшных суевериях и мрачных религиозных обрядах, якобы свойственных иудаизму, или о превосходстве христианской веры над иудейской. Насквозь фальшивой и грубо искажающей Шекспира следует считать тенденцию английских актеров XVII и XVIII веков, применяя соответствующую мимику, интонации, жестикуляцию, делать образ Шейлока уродливым, мерзким и часто даже комическим. Текст не дает для этого никакого основания. Дело в том, что Шекспир строго различает в Шейлоке, с одной стороны, хищного ростовщика, с другой стороны — еврея как человека, имеющего такое же право на существование, как и окружающие его венецианцы. Сильнее всего это подчеркнуто Шекспиром в знаменитом монологе Шейлока (III, 1), в котором доказывается тождественность природы всех людей независимо от их религии и этнической принадлежности, с помощью аргументов физического тождества их строения, которые не раз повторяются у Шекспира (например, в пьесе “Конец делу венец” — слова короля к графу Бертраму; II, 3). Тот, кто прочел его один раз, никогда не забудет этих страстных, потрясающих в своей справедливости восклицаний Шейлока: “Он меня опозорил... насме-

хался над моими убытками, издевался над моими барышами, поносил мой народ... А какая у него для этого была причина? То, что я еврей. Да разве у еврея нет глаз? Разве у еврея нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей?.. Если нас уколоть, разве у нас не идет кровь?.. Если нас отравить, разве мы не умираем? А если нас оскорбляют, разве мы не должны мстить?”

Зритель на одно мгновение забывает весь ход пьесы, характер Шейлока, его жестокость и весь проникается сочувствием к нему как к человеку, к его угнетенному человеческому достоинству. Некоторые критики справедливо называют этот монолог лучшей защитой равноправия евреев, какую только можно найти в мировой литературе. Но это не мешает Шекспиру сурово осуждать кровопийцу Шейлока и клеймить его ростовщическую деятельность и мстительность. Эта широта и сложность подхода Шекспира к образу Шейлока проявилась, между прочим, и в сложности его характера.

Осуждение власти денег и золота выражено в пьесе не только в связи с действиями Шейлока. Та же самая мысль повторена, в более общей и скрытой форме, в сцене выбора ларца (III, 2). Бассанио отвергает золотой ларец, называя золото “личиной правды”, которая прикрывает всякое уродство и порок. Он презрительно отталкивает и серебро второго ларца, которое он называет “тусклым, пошлым посредником между людьми”. Им обоим он предпочитает “прямой” и “честный” свинец — и действительно, в свинцовом ларце он находит портрет Порции и свое счастье. И крайне примечательно для идейного единства пьесы то, что в этой сцене Бассанио от темы золота так естественно переходит к теме правды, которая есть основа мира гармонии, грезящейся всем чистым и светлым душам, и которая искажается, уничтожается золотом.

Но дело сводится не только к наличию в злодее и хищнике человека. Надо посмотреть, как этот хищник возникает в человеке и как Шекспир понимает соотношение ростовщической профессии с окружающей средой.

Надо посмотреть также, как рисует он связь между жестокими навыками Шейлока и самыми естественными человеческими началами в его душе.

Шекспир изображает Шейлока не только как нарост на теле Венеции, не только как бич ее, но и как продукт и жертву ее уклада, самого ее строя. Шекспир хорошо знал, что Венеция его времени была образцом торговой республики, все благосостояние которой покоилось на той “коммерческой честности”, которая составляла и основу английского пуританства, уже медленно подбиравшегося в ту пору к политическому господству. Ведь если нарушить хоть один раз условия векселя, законные права заимодавца, этим будет создан опасный прецедент, Венеция сразу потеряет свой внешний кредит, свою основу и мощь! Вот почему в сцене суда ни все сенаторы, ни сам дож, как им ни хотелось бы спасти Антонио, не решаются вмешаться и нарушить “священную” букву закона, так для них важную. И Шейлок этим пользуется. Поскольку он лишен положения в обществе, титулов, даже равноправия, ему не остается ничего другого. “Отнимая у меня имущество, вы отнимаете у меня жизнь!” — восклицает он в сцене суда. И эти слова, так потрясаяще звучавшие в исполнении Кина (1814), положившего начало новой, трагической трактовке этой роли, служат ключом к пониманию всей сущности конфликта между торговой венецианской знатью и страшным, несчастным евреем.

Пушкин указал на сложность характера Шейлока. Но им указаны еще не все положительные или, скажем, достой-

ные человека черты его характера. Надо вспомнить не только его чадолюбие, но и былую верную и трогательную любовь к покойной жене. Ее кольцо, которое Джессика захватила с собой и потом променяла на приглянувшуюся ей обезьянку, дорого Шейлоку не только как денежная ценность (вспомним его восклицание “Восемьдесят дукатов!..”, “Две тысячи дукатов!..” III, 1), но и как память жены. Деньги, вообще говоря, для него не самое главное: дочь дороже ему, — до той минуты по крайней мере, пока она не бежала от него, а, может быть, даже, несмотря на его проклятья, и после того.

Еще дороже, пожалуй, честь, хотя иногда она облекается в страшную форму: иногда это внешнее достоинство, внутренняя гордость, с какой он держит себя с венецианцами, иногда неутолимая, ни перед чем не останавливающаяся месть.

И хотя в объяснении причин его ненависти к Антонио (I, 3) и звучит несколько разных мотивов, главным из них выделяется все же оскорбления, которыми Антонио осыпает его и которых честь Шейлока не может перенести.

Шейлок говорит в лицо своим противникам горькие истины, выраженные Шекспиром в такой прозрачной и убедительной форме, что сам поэт не мог не чувствовать их правдивости. Самая яркая из них — речь Шейлока, обращенная к дожу (IV, 1) о рабах, которых венецианцы не хотят “из милости” отпустить на волю. Шейлок претендует лишь на свое денежное имущество, дож — на живых людей. Не только в своем знаменитом монологе, но и в ряде других мест душевно сложный, хищный и ужасный, но всегда зоркий и разумный, а иногда человеческий Шейлок служит рупором мыслей Шекспира. А иногда своим рупором он делает (как в других пьесах) шутовские персонажи, как, например, в созвучном той же

распре, отмеченном Гейне (там же) дерзком замечании Ланчелота Гоббо о переходе Джессики в христианство.

Характер Джессики дополняет образ Шейлока. Гейне в названной статье осыпает укорами эту бездушную дочь, стыдящуюся своего отца, не забывающую при своем побеге ограбить его, при несомненной своей внешней привлекательности несущую на себе какой-то налет цинизма. “Этот отец, которого она покинула, ограбила, которому изменила, был не жестокий, но любящий отец... Гнусная измена! Джессика даже действует заодно с врагами Шейлока, и, когда они в Бельмонте говорят про него всякие скверности, она не опускает глаз, ее губы не бледнеют, но сама она говорит про своего отца самое дурное... У нее нет души, есть только ищущий приключений ум”.

Есть одна довольно слабо уловимая, но многозначительная подробность. Многие девушки Шекспира, чтобы соединиться с любимым человеком, переодеваются юношами (Джулия в “Двух веронцах”, Розалинда в “Как вам это понравится”). Они при этом ведут себя непринужденно, игриво шутят по поводу своего нового положения, деталей своего мужского костюма. Но в каждой из них ощущается какая-то деликатность, трогательная нежность. Джессика, напротив, держит себя (II, 4 и 6) с подчеркнутой развязностью, и ее шутки о том, что “неся факел, она будет освещать свой собственный стыд”, удовлетворение тем, что ночь скроет ее “стыд” и т.п., — носят демонстративно-пикантный характер, оттенок какого-то бесстыдства. Сопоставление ее с Шейлоком акцентирует горечь, которую он испытывает, и трагизм его судьбы.

Из других характеров увлекателен и разработан лишь характер Порции, веселой, нежной и любящей радости жиз-

ни, истинной девушки Ренессанса, в момент рождения которой “в небе плясала звезда”. Остальные фигуры, начиная с бесцветного Антонио и банального Бассанио и кончая второстепенными персонажами, как индивидуальные лица, не представляют большого значения.

Но для глубоких мыслей и ведущих образов этой пьесы Шекспир создал замечательную по живописности рамку. Немногими, но выразительными штрихами он передал атмосферу венецианской жизни эпохи — совмещение в ней кипучей деловой деятельности с праздничным духом, весельем и жаждой наслаждений. Этот светлый фон смягчает драматические моменты пьесы. По понятиям того времени, отчасти сохранившим значение и сейчас, “Венецианский купец” считался комедией, так как исход пьесы — счастливый. Ее светлое, оптимистическое настроение еще усиливается вставленными в нее Шекспиром (и, конечно, отсутствовавшими в его источниках) многочисленными шутками и комическими сценами, особенно теми, в которых участвует весельчак Ланчелот Гоббо. Но особенно радужный характер придает пьесе ее пятый акт, в котором красота природы, любовь и радость по поводу победы над злым началом слились в очаровательную лирическую картину.

А. Смирнов

Примечания к тексту “Венецианского купца”

К с. 165. *Действующие лица* — Шейлок — еврейское имя, встречающееся в Италии в форме Scialossa. Имя Тубал встречается в Библии (Книга Бытия, X, 2), так же как Джессика (Есха. — Там же, IX, 29).

Нерриса — итальянское Nericcia — черненькая, черно-волосая.

Фамилия Гоббо существует в Италии, но встречается также и на английской почве (в Тичфилде).

Главной героине пьесы Шекспир по неизвестной причине дал римское имя Порция (имя жены Брута, противника Цезаря).

Нет оснований представлять себе Шейлока (как это обычно делается на сцене) глубоким стариком. Хотя он и назван два раза в пьесе старым (old), выражение это применялось иногда в ту эпоху к людям, достигшим сорока лет. Напротив, исходя из того, что ничего не говорится о его седине или других признаках старости, и из того, что Джессика, которой, надо думать, лет пятнадцать или шестнадцать, изображена как единственное дитя, можно считать, что Шейлоку от сорока до пятидесяти лет.

В отношении имен Салерио, Саланио и Саларино в различных Q и F наблюдается путаница, в результате чего в некоторых изданиях XIX века Салерио совсем выпадает, что неправильно.

К с. 168. *...срывал траву, чтоб знать, откуда ветер...* — Травинка, брошенная в воздух, своим полетом показывает направление ветра.

Студя мой суп дыханьем, я в лихорадке бы дрожал от мысли... — В подлиннике сказано более сложно: “Мое дыхание, студя мой суп, надуло бы мне лихорадку...”.

К с. 171. *Нестор* — один из персонажей “Иллиады”; здесь приводится как образец серьезности, не любящей смеха.

К с. 174. *...тем, кто их слыша, ближних дураками назвал бы, верно.* — Шуточный намек на Евангелие от Матфея: “Тот, кто назовет братьев своих глупцами, достоин адского огня”.

К с. 175. *Ей имя — Порция, она не ниже супруги Брута, дочери Катона.* — Упоминаемая здесь римлянка Порция выведена Шекспиром в трагедии “Юлий Цезарь”.

К с. 180. *О, это настоящий жеребенок.* — Неаполитанцы в XVI веке славились как превосходные наездники.

Затем пфальцграф. — Думают, что здесь содержится намек на некоего польского пфальцграфа Альберта-а-Ласко, который в 1585 году вел в Лондоне роскошную жизнь, а затем, наделав долгов, скрылся.

К с. 181. *...о шотландском лорде...* — так стоит в Q, напечатанном до восшествия на престол Якова I, родом шотландца (1603). Но после этого насмешки над шотландцами, хотя бы самые невинные, были признаны цензурой недопустимыми, и поэтому она здесь подставляет: “о другом лорде”.

Кажется, француз был его поручителем и подписался за него. — Намек на обещания, неоднократно дававшиеся Францией поддержать Шотландию в ее борьбе против Англии.

К с. 183. *Будь у него нрав святого, а лицо дьявола...* — Намек на черный цвет кожи Марокканского принца.

К с. 184. *Риальто* — островок в Венеции, где помещалась биржа.

К с. 185. *...пророк-назарянин.* — Иисус Христос, который согласно легенде о нем, провел детство в городе Назарете, в Палестине. В евангелии рассказывается, что Иисус изгнал из одного “одержимого” бесов, которые будто бы переселились из его тела в стадо свиней. Поэтому Шейлок называет свинью “сосудом, в который Иисус загнал бесов заклинаниями”. На самом деле религиозный запрет евреям есть свинину не имеет ничего общего с этой легендой о бесах.

Мытарь — старинное слово, обозначающее сборщика податей (в Древней Иудее).

К с. 187. *Иаков* — один из “патриархов”, о которых рассказывается в Библии. Он пас стада Лавана, будущего своего тестя.

К с. 188. ...*узором ветки обдирал*... — “узором”, то есть фестонами, вследствие чего они становились наполовину белыми, наполовину черными, “пестрыми”. От этого будто бы ягнята, матки которых смотрели на эти ветки, рождались тоже пестрыми.

К с. 190. ...*рода нашего примета*. — Примета — в двояком смысле. Евреи в Венеции носили как отличительный признак своей национальности желтые шапки. Произнося слово “примета”, Шейлок дотрагивается до своей шапки.

К с. 197. *Софи* (Сефевиды) — династия персидских шахов, правившая с 1499 по 1732 год.

Сулейман — турецкий султан Сулейман II Великолепный (1499-1566), завоевавший Венгрию и едва не взявший Вену в 1529 году.

К с. 198. *Лихас* — раб Геркулеса.

Алкид — потомок Алкея, то есть Геркулес.

Сначала в храм... — Порция предлагает пройти в ее домашнюю часовню для принесения клятвы.

К с. 199. ...*был у него этаким привкус*... — Ланчелот не договаривает своей мысли: его законный отец смахивал на роконосца.

К с. 202. *Встаньте, синьор, встаньте* — По старинной актерской традиции, быть может, воспроизводящей замысел Шекспира, старый Гоббо в этот момент ощупывает затылок Ланчелота и не допускает мысли, чтобы у его сына могла вырасти такая густая борода.

К с. 204. ...*как вам объяснит мой отец*... — Эта фраза, повторяющаяся несколько раз дальше, объясняется следую-

щей сценической игрой: каждый раз, как Ланчелот произносит эти слова, он выталкивает отца вперед и становится за его спиной, а затем, едва тот начинает говорить, отстраняет его и говорит сам.

К с. 205. ...у вас — божья благодать, а у него — деньги. — Пословица гласит: “Божья благодать лучше богатства”.

К с. 208. Глаза прикрывши шляпою... — Люди знатного происхождения обедали, не снимая шляп.

К с. 210. ...наденем маски и вернемся; за час успеем. — Маскарад, затеянный Лоренцо, имеет целью облегчить побег Джессики среди веселой суматохи.

К с. 216. ...надеется на ваше отвлечение. — Ланчелот говорит “отвлечение” вместо “посещение”.

Как и я — с его стороны. — Намек на ту ненависть, которую вызовет в Бассанио Шейлок, когда ему удастся погубить Антонио.

Чистый понедельник — понедельник на Фоминой неделе, то есть первый понедельник после пасхальной недели.

Покаянная среда — среда на первой неделе великого поста. Как это с ним часто случается, Ланчелот говорит бессмыслицу, так как “чистый понедельник” приходится через два месяца после “покаянной среды”.

К с. 218. Агари семя. — По библейскому сказанию, от Агари, служанки Авраама, прогнанной им, произошло племя измаильтян, враждовавшее с древними евреями.

К с. 221. ... что я-то — ваша? — То есть что и я — ваша любовь.

К с. 222. Клянусь клобуком моим... — Клобук — капюшон плаща, который надел, замаскировавшись, Грациано.

К с. 225. Что скажет серебро с невинным цветом? — Белый цвет — цвет девственности.

К с. 226. *Гиркания* — область Древней Персии, расположенная вдоль юго-восточного берега Каспийского моря.

К с. 230. *Не делай дела кое-как, Бассанио! Жди, чтоб оно от времени созрело.* — Антонио не знает, что решение Порции не зависит от ее воли, и полагает, что Бассанио должен постепенно завоевать ее сердце.

К с. 232. *Чтоб не смешаться с пошлыми умами или сравняться с варварской толпой.* — Весь облик испанского аристократа, презирающего “варварскую толпу”, надменного, самоуверенного и холодного (в отличие от пылкого принца Марокканского, он ничем не проявляет своего чувства к Порции), представляет собой выпад против Испании, с представлением о которой в сознании Шекспира и его аудитории связывались образы Филиппа II, Великой Армады, инквизиции и т.п.

К с. 233. *...накрылся б гордо тот, кто спину гнет.* — Сохранять на голове шляпу в присутствии знатных особ было привелегией лиц благородных.

К с. 234. *Ужель достоин я дурацкой рожи?* — Сопоставьте с этим высказанное им раньше презрение к “пошлым умам”, и “нравоучение”, выраженное в следующих словах Порции, станет ясным.

Семь раз испытан я огнем. — Это говорит про себя серебро кованного ларца.

К с. 237. *Узкий пролив* — старинное название Ламанша.

Гудвинские пески — находятся в устье Темзы; там действительно нередко происходили кораблекрушения.

...кажется так он называется. — Этими словами Шекспир подчеркивает, что говорящий — итальянец, плохо знающий эти места.

К с. 239. *...если судьей ей будет дьявол.* — То есть сам Шейлок.

К с. 242. *Это была моя бирююза... я бы не отдал ее за целую обезьянью рощу!*— Камень, потерю которого Шейлок оплакивает как большую денежную ценность и как дорогое ему воспоминание, имеет, кроме того, еще символическое значение. По старинным представлениям, бирюза обладает целым рядом чудесных свойств, в том числе она: 1) предупреждает владельца ее о грозящем ему несчастье, 2) обеспечивает согласие между супругами. Отсюда двойная линия мыслей Шейлока: с одной стороны, пропажа камня острее напоминает ему о постигшей его беде, с другой стороны, он злорадно думает о том, что супружество Джессики, отдавшей камень, не будет счастливым.

К с. 244. *Как пытка?*— Порция делает вид, будто поняла слова Бассанио о “пытке” в буквальном смысле. Она спрашивает его, какое же преступление он совершил, если его подвергают пытке, чтобы добиться от него признания.

К с. 246. *...освобождавший скорбящей Трои девственную дань...*— Одним из подвигов Алкида (Геркулеса) было освобождение от морского чудовища Гесионы, дочери троянского царя Лаомедонта.

Дарданянки — троянки.

К с. 248. *На красоту взгляните.*— Здесь — в смысле поддельной красоты: румян, накладных локонов и т.п.

индианки красоту.— Сказано здесь в ироническом смысле. См. примечание к “Двум веронцам”, с.73.

К с. 249. *Полубог* — в значении гениальный, “божественный” художник.

Иль потому, что движутся мои... — В подлиннике это выражение затейливее: “Или потому они кажутся мне движущимися. что (победоносно) катаются на моих глазных яблоках”.

К с. 252. *Мне к этому ведь нечего добавить.*— В подлиннике — очень неясное выражение. Возможные толкования его: 1) “вы не можете пожелать себе ничего такого, что пришлось бы отнять у меня”; 2) “ничего такого, чего бы я вам не пожелал”; 3) “ничего с моей стороны (поскольку вам вполне достаточно друг друга)”.

К с. 255. *Как царственный купец, Антонио добрый...*— Эпитет “царственный” в применении к купцу объясняется тем, что крупным итальянским купцам, торговавшим на архипелаге, предоставлялись известные административные права на некоторых островах, где они чувствовали себя почти государями, а иногда и на деле организовывали самостоятельные княжества. Вообще же выражение *royal merchant* было довольно привычным в Англии, где в значении “королевский купец” оно применялось, между прочим, к Роберту Грешему, основателю Лондонской биржи, советнику Елизаветы и ее агенту в разных финансовых делах.

К с. 257. *...из берберийских стран...*— Берберией или варварией называлась вся область Африки, прилегавшая к западной части Средиземного моря.

Две Индии — Ост-Индия (сейчас называемая Индией) и Вест-Индия — архипелаг, лежащий между материками Северной и Южной Америки.

К с. 264. *души моей подобье.*— “Душой своей” Порция называет Бассанио.

К с. 267. *Так пол мужской нам нужен?*— В подлиннике игра слов: *to turn to men* — “превратиться в мужчин” и “отправиться (отправиться) к мужчинам”.

К с. 268. *Я спасусь через моего мужа...*— пародия на одно место из первого “Послания к коринфянам” (VII, 14): “Неверующая жена спасется через своего мужа”.

К с. 269. *Это одно предположение пока... виной ее расположение ко мне.* — В подлиннике очень сложная игра слов, замененная в переводе другою.

К с. 270. *Накрыться, синьор? Ни в коем случае! Я знаю свое место.* — Ланчелот делает вид, будто Лоренцо предлагает ему накрыть голову в его присутствии.

О, где ты, разум? — Разум противопоставляется здесь острословию.

К с. 275. *Так склонность, страстей хозяйка, направляет их к любви иль к отвращенью.* — Перевод несколько упрощает выражение подлинника: for affection, mistress of passion, sways it to the mood of what it likes or loathes, заключающее в себе целую психологическую доктрину: “Склонность (порождаемая впечатлениями внешних чувств), руководя страстью (внутренним чувством), заставляет ее служить по линии ее (склонности) симпатией и антипатией”. Иначе говоря: “Страсть порождается впечатлениями внешних чувств, управляется ими и служит их усилению”.

К с. 279. *Передает ему письмо.* — В продолжение всего происходящего диалога дож занят чтением письма.

К с. 280. *Об душу, гнусный жид, не о подошву.* — в подлиннике игра слов sole — “подошва”, soule — “душа”.

...ты точишь нож. — По мнению Грациано, душа Шейлока так “жестка”, что об нее можно точить нож.

К с. 281. *О, будь ты проклят, пес неумолимый!* — Inexorable — “тот, для которого не найдется достаточно сильных проклятий”; в поздних F inexorable — “неумолимый”.

Пифагор — древнегреческий философ (VI в. до н.э.), учивший о переселении души, то есть о том, что душа человека после его смерти переселяется в тело какого-нибудь родив-

шегося в этот момент животного и, наоборот, из тела умершего животного — в новорожденного младенца.

К с. 286. *Даниил* — древнегреческий пророк.

К с. 290. *И не жалея, что друга ты теряешь...*— Вместо Repent not (принятый нами текст F) в Q стоит: Repent but, что дает такой смысл: “Пожалей лишь (немного), что теряешь друга, а он не жалеет...” и т.д.

К с. 291. *Я дочь имею...*— Довольно трудное место, которое комментаторы толкуют так: Шейлок хочет сказать: “У меня нет жены. но есть дочь, и ее я не принес бы в жертву другу”, но тут он вспоминает о предательстве Джессики и, оборвав фразу, восклицает: “О, лучше бы...” и т.д.

Варрава — разбойник, который, согласно евангельскому рассказу, был распят на другом кресте сбоку от Иисуса.

К с. 294. *...хотя б на волосок ты отклонил иглу...*— Иглу весов.

К с. 297. *Да, что касается той половины, которую получит государство,*— то есть лишь конфискация второй половины имущества, переходящей к государству, может быть заменена штрафом.

К с. 298. *С меня довольно, если он запишет вторую половину на меня.*— Это место ввиду неясности выражения let me have in use допускает несколько толкований, из которых главное следующее: 1) “пусть Шейлок отдаст мне в пользование вторую половину с тем, чтобы после его смерти я передал ее...” и т.д.; 2) “пусть Шейлок передаст мне вторую половину как доверенному лицу (фактически продолжая, с моего согласия, пожизненно пользоваться доходами с нее) с тем, чтобы...” и т.д. Второе толкование, согласующееся с бескорыстием и добротой Антонио, представляется нам более вероятным.

К с. 299. *Будь я судьей, прибавил бы десяток.* — Намек на двенадцать присяжных в английских судах того времени.

К с. 300. *Те деньги... позвольте вам за славный труд вручить.* — Комическая черта: Бассанио хочет подарить Порции ее же собственные деньги.

К с. 305. *...где Крессиды покоилась в ту ночь.* — История любви троянского царевича Троила к гречанке Крессиде была позже обработана Шекспиром в пьесе “Троил и Крессиды”.

Фисба. — Сказание о Пираме и Фисбе использовано Шекспиром в комедии “Сон в летнюю ночь” (V, 1).

К с. 306. *Дидона... манила друга вернуться в Карфаген.* — История любви карфагенской царицы Дидоны к Энею, который ее бросил, рассказана в “Энеиде” Вергилия (песнь IV).

Медя — жена Язона, героя сказания об аргонавтах; своими волшебными зельями она омоложила Эзона, отца своего мужа Язона.

К с. 307. *...у крестов она сейчас коленопреклоненно молит...* — Придорожные кресты, часто встречающиеся в католических странах.

К с. 308. *Ола-ола, о-го-ого! Ола-ола!* — Ланчелот имитирует звуки почтового рожка, намекая на появление Стефано в качестве почтальона-вестника.

...его почтовый рог набит добрыми вестями. — Намек на рог изобилия.

К с. 310. *...небосвод весь выложен кружками золотыми; и самый малый... поет в своем движенье...* — Намек на учение пифагорейцев о “гармонии небесных сфер”.

Диану разбудите гимном. — Диану — то есть луну.

К с. 311. *Эреб* — подземное царство мрака (в античной мифологии).

К с. 312. *Как многое от времени зависит...*— Время (season) — “время года”, “пора”, “момент”, в значении не только времени, но и как совокупность обстоятельств.

Эндимион — сын Зевса, возбудивший к себе любовь Селены — богини луны, которая погрузила его в вечный сон, чтобы он не мог ее покинуть.

К с. 314. *Антиподы* — обитатели противоположного пункта земли на другом полушарии. Бассанио хочет сказать, что Порция могла бы заменить солнце.

К с. 317. *Мне лучше б руку левую отсечь и клятву дать, что с ней утратил перстень.*— В подлиннике сказано сложнее: “Что потерял я руку, защищая кольцо”.

К с. 320. *...просил он перстень, отказал сперва я... я принужден был вслед за ним послать.*— Бассанио из деликатности не упоминает о том, что Антонио уговорил его отдать кольцо (IV, 1).

К с. 322. *...когда б не получивший перстень, оно погибло б...*— Не получивший перстень — адвокат (Порция).

“Сон в летнюю ночь”

Ф.Мерес своим упоминанием этой комедии в 1598 году все еще помогает нам установить предел, до которого были созданы некоторые из ранних произведений Шекспира. “Сон в летнюю ночь” также находится в его списке, и это значит, что комедия была написана до 1598 года. Пробовали определить дату ее создания, исходя из того, что она явно создана для спектакля по случаю свадьбы каких-то высокопоставленных лиц. Исследователи проявили большую старательность, стремясь установить, чье брачное торжество послужило поводом возникновения этой замечательной комедии, но, так как

таких свадеб в 90-е годы было изрядное количество и все они с равным основанием могли сопровождаться такого рода спектаклем, то мы даже не станем разбирать вопроса о том, какую из них следует считать причиной, послужившей толчком для шекспировского творчества. Единственное более или менее достоверное основание для датировки пьесы находится в самом ее тексте. Это речь Титании (II, 2) о недавних стихийных бедствиях и наводнении, представляющая собой намек на бурную погоду 1593 или 1594 годов. По-видимому, вскоре после этого — в 1594 или 1595 году — пьеса и была создана.

Название пьесы показывает, что события, изображенные в ней, относятся к празднику ночи на Ивана Купалу, то есть 21 июня. Но в тексте (IV, 1) Тезей упоминает “майские игры”, что относит события к 1 мая. Это подало повод для многочисленных догадок комментаторов, по-разному объяснявших такое противоречие. Не вдаваясь в детали, ограничимся тем, что отметим связь комедии Шекспира с народными празднествами и древними поверьями, коренившимися в давних языческих обрядах.

Исследователи установили в пьесе Шекспира отголоски многих литературных источников. Образ Тезея явно навеян рассказом рыцаря из “Кентерберийских рассказов” Чосера. Может быть, Шекспир запомнил кое-что также из “Сравнительных жизнеописаний” Плутарха в переводе Нортона, где также есть рассказ об этом афинском царе. Историю Приама и Фисбы Шекспир, конечно, знал из своего любимца Овидия, чьи “Метаморфозы” он учил еще в школе. Фантастические фигуры Оберона, Титании, Пэка и лесных эльфов встречались во многих литературных произведениях, но вероятнее всего, что наименьшую роль здесь играли книжные источники. Подобного рода фантастикой был наполнен анг-

лийский фольклор, с которым Шекспир был знаком еще с детства. Озорной лесной дух Пэк, иначе Добрый Малый Робин, встречается во многих сказках, откуда он, по-видимому, и был заимствован Шекспиром.

Однако ни эти, ни другие литературные источники, которые исследователи обнаружили в большом количестве, не говорят нам ничего о самом главном. Все они послужили только составными частями поэтического сплава, созданного Шекспиром совершенно самостоятельно. “Сон в летнюю ночь” — пьеса, выделяющаяся среди произведений Шекспира уже в том отношении, что прямого и непосредственного источника ее сюжета не найдено. Замысел сюжета и композиция действия полностью принадлежат самому Шекспиру.

Каждая из предшествующих комедий Шекспира представляла собой какую-нибудь новую разновидность жанра. То же следует сказать и о “Сне в летнюю ночь”. Эта комедия совершенно не похожа на другие ранние комедии Шекспира. Путь Шекспира от “Комедии ошибок” до “Сна в летнюю ночь” характеризовался все большим отходом от бытовизма и постепенном усилении мотивов, которые мы условно назовем романтическими. “Сон в летнюю ночь” — наиболее романтическая из всех комедий Шекспира. Это волшебная феерия, и еще Белинский отметил, что наряду с “Бурей”, “Сон в летнюю ночь” представляет собой “совершенно другой мир творчества Шекспира, нежели его прочие драматические произведения — мир фантастический”. В этой комедии великий реалист отдался на волю своего воображения. Он наполнил пьесу вымышленными, фантастическими существами, представил события в таком необычном виде, что у зрителя создается впечатление, похожее на то, какое бывает во время сновидений.

Да, это сон — сон в летнюю ночь, когда луна мягким светом озаряет нежно шуршащую под легким ветерком листву деревьев и в шорохе ночного леса чудится какая-то странная и таинственная жизнь. Белинский писал, что в этой пьесе образы героев носят перед нами, словно “тени в прозрачном сумраке ночи из-за розового занавеса зари, на разноцветных облаках, сотканных из ароматов цветов...”.

Но даже фантазия никогда не бывает у Шекспира оторванной от земной реальности. Как и сновидение, она соткана из элементов жизни, и подобно тому как во сне есть своя логика, так есть она и в этой комедии.

Разнородные мотивы составили основу этого причудливого сна в летнюю ночь. Английская природа и типы, взятые из английской жизни, современной Шекспиру, соседствует с чертами культуры и быта южных стран.

Действие происходит в Афинах. Правитель Афин носит имя Тезея, одного из популярнейших героев античных преданий о покорении греками воинственного племени женщин — амазонок. На царице этого племени, Ипполите, и женится Тезей. Юные герои комедии Лизандр и Деметрий, Гермия и Елена, похожи на образы итальянских комедий Шекспира. Царь эльфов Оберон попал в шекспировскую комедию из средневекового рыцарского романа “Гюон Бордосский”, а его жена Титания носит имя, заимствованное Шекспиром у его любимого римского поэта Овидия. Что же касается ремесленников — Основы, Пигвы, Дудки и других, то они были списаны Шекспиром из современной ему английской жизни. И лес, который, судя по ремарке в тексте, должен быть неподалеку от Афин, конечно, совсем не греческий лес.

Это одна из самых поэтичных комедий Шекспира. Она производит удивительно обаятельное впечатление совершен-

но неповторимым сочетанием реальности и фантастики, серьезного и смешного, лирики и юмора. Все это спаяно у Шекспира так прочно и органически, что критический анализ, разлагающий это единство на отдельные элементы, разрушает поэтическую цельность произведения. Зато, с другой стороны, может быть, он в какой-то мере прольет свет на замысел Шекспира и средства, примененные им для его осуществления.

В комедии два основных плана действия — реальный и фантастический. Но внутри каждого из них есть еще свои градации. Они воплощены в сюжетные мотивы, составляющие действие комедии, а оно складывается из пяти элементов.

Бракосочетание Тезея и Ипполиты составляет обрамление всего сюжета. Комедия начинается с изображения двора Тезея, и в ходе первой сцены мы узнаем о предстоящей свадьбе афинского царя с повелительницей амазонок. Завершением всего действия комедии является празднество по случаю состоявшейся свадьбы Тезея и Ипполиты. Эта сюжетная рамка не содержит никаких драматических мотивов. Здесь нет и намека на конфликт. Тезей — мудрый царь, любящий свою невесту и пользующийся взаимной любовью с ее стороны. Эти образы даны Шекспиром статично.

Второй центральный сюжет мотива — история Лизандра и Гермии, Деметрия и Елены. Действие, развертывающиеся здесь, содержит уже значительные драматические мотивы и конфликты. Прежде всего возникает тема отцов и детей и вопрос о праве детей на свободный выбор спутника жизни. Отец Гермии Эгей является к Тезею с жалобой на свою дочь. Он выбрал ей в мужа Деметрия, но она предпочитает Лизандра. Тезей, будучи государем, стоит на страже отцовского

права и велит Гермии повиноваться родительской воле. Но молодость не желает мириться с насилием над чувствами. Гермия решает бежать в лес вместе со своим возлюбленным. Туда же отправляются Елена и Деметрий. Но здесь, в лесу — свой мир, в котором уже не действуют законы государства, нравы и обычаи, выработанные обществом. Это царство природы, и чувства здесь раскованы; они проявляются с максимальной свободой.

Мир природы поэтически одухотворен Шекспиром. В чаще леса, среди деревьев и кустарников, травы и цветов витают маленькие духи, легкие, воздушные. Они — душа леса, а что такое душа вообще, душа человека в частности, — не лес ли это, где человек может заблудиться среди собственных чувствований? Так, во всяком случае, можно подумать, глядя на то, что происходит с молодыми влюбленными, попавшими в этот заколдованный мир.

В этом мире есть свой царь — лесной дух Оберон, которому подвластны все эльфы леса. Если афинский царь Тезей требует повиновения обычаям и законам, предоставляя при этом возможность подумать и осознать свою ошибку, лесной царь применяет чары колдовства для того, чтобы подчинить своей воле. Так он наказывает Титанию, поспорившую с ним.

Если в жизни всякие отклонения от принятых норм влекут за собой серьезные последствия, то в царстве лесных духов все превращается в веселую шутку.

В этом лесу мы встречаем еще одну группу персонажей, и перед нами возникает еще один сюжетный мотив комедии. Сюда приходят афинские ремесленники, чтобы репетировать пьесу, которую они собираются показать в день свадьбы своего государя. Простодушные ремесленники с крайней серьезностью относятся к своему делу. Им не до шуток, но и они,

попав в мир лесных чудес, оказываются вовлеченными в круговорот странных событий и необыкновенных превращений, происходящих в этом мире причуд. Читатели, конечно, помнят, как ткач Основа вдруг оказался с ослиной головой и, несмотря на это уродство, в него влюбилась воздушная царица эльфов красавица Титания. Наконец, последний сюжетный мотив возникает перед нами уже тогда, когда, казалось бы, все действие завершено: ремесленники разыгрывают историю любви Пирама и Фисбы, лишь косвенно связанную с остальными сюжетными мотивами комедии, но имеющую значение в общем ее смысле.

Мы уже сказали выше, что центральный драматический мотив возникает тогда, когда обнаруживается противоречие между волей отца и чувством дочери. На чьей же стороне оказывается победа? Минуя все перипетии, происшедшие во время пребывания молодых людей в лесу, и приходя к тому, чем все это завершилось, мы видим, что любовь Гермии и Лизандра, пройдя через все испытания, восторжествовала. Что же касается Деметрия, он убедился, что его чувство к Гермии было непрочным. В лесу он полюбил Елену, которая уже давно пылала к нему страстью. Таким образом, чувства двух девушек преодолели все препятствия. Гермия утвердилась в намерении соединить свою жизнь с Лизандром, а Елена завоевала любовь Деметрия, который долго был к ней равнодушен.

Перед этой победой любви вынужден смириться даже Эгей, ревниво оберегавший свое право решать судьбу дочери и навязывавший ей в мужа нелюбимого человека. Перед ней, перед победой чувства склоняется и Тезей, дающий молодым людям возможность вступить в брак согласно своим сердечным влечениям.

Таким образом, природа оказалась сильнее закона и

обычая. В этом отражается гуманистический взгляд Шекспира на вопросы морали. В конечном счете весь этот конфликт выражает сдвиги, происшедшие в сфере личных отношений в эпоху, когда старые феодальные нормы уже перестали быть действенной силой, регулирующей взаимоотношения людей в их личном быту, в вопросах любви и брака.

Именно в связи с этим центральным мотивом пьесы находится история Пирама и Фисбы, составляющая сюжет пьесы, которую разыгрывают ремесленники. Пирам и Фисба полюбили друг друга вопреки воле родителей. Вынужденные встречаться тайно, они подвергались опасностям. На Пирама напал лев, и, когда он погиб, любящая Фисба не перенесла смерти своего возлюбленного. Вся эта история ремесленниками изображается со всею серьезностью, но пьеса, которую они разыгрывают, явно устарела. Зрители, наблюдающие ее представление, сопровождают спектакль ироническими репликами. И мы можем сказать, что пародийный характер этого представления обусловлен не только тем, как играют пьесу ремесленники, и даже не тем, что драматургия этого произведения наивна, а больше всего тем, что в мире, где природа и чувство оказались сильнее воли отца и традиционного закона, сюжет и самая тема пьесы о Пираме и Фисбе кажутся архаичными.

Однако Шекспир показывает нам не только торжество природы и победу чувств. Со свойственным ему умением видеть явления жизни со всех сторон Шекспир раскрывает нам и противоречия, возникающие там, где чувства выступают в качестве определяющей жизненной силы. Может быть, ни в чем гениальность Шекспира в этой комедии не проявляется так, как в изображении перипетий любовных отношений Деметрия, Лизандра, Гермии и Елены.

Именно здесь сосредоточен и основной комический мотив пьесы. Комическое проявляется у Шекспира в разных формах. В “Сне в летнюю ночь” сравнительно мало того острословия, которое вызывает смех зрителя в других комедиях. Зато здесь достаточно фарсовых положений. Элементы фарса особенно наглядны во всей линии действия, связанной с ремесленниками. Фарсовой является также знаменитая сцена, когда Титания ласкает Основу с ослиной головой. Но есть в “Сне в летнюю ночь” и юмор иного, более высокого порядка. Он связан с историей четырех молодых людей, когда они находятся в лесу.

Шекспир с большим поэтическим пафосом воспел любовь как одно из самых прекрасных и возвышенных проявлений человеческой природы. Такой именно предстает перед нами любовь в “Ромео и Джульетте”. Но если там Шекспир показал нам трагедию любви, разбившейся о враждебные ей жизненные условия, то в “Сне в летнюю ночь” Шекспир изобразил комедию любви.

Если любовь может поднять человека до высот истинного героизма, как мы это видим в “Ромео и Джульетте”, то бывают и такие жизненные ситуации, когда увлеченность своей страстью делает человека смешным. Любовь иногда заставляет человека совершать странные, причудливые поступки. Об этом очень ясно говорит в комедии мудрый Тезей. Сумасшедший, поэт и возлюбленный, замечает Тезей, одинаково поддаются воле своего воображения и, находясь под его влиянием, способны наделать тысячи глупостей (V, 1).

Когда человек руководствуется только чувством, он нередко ошибается. Чувства обманчивы, и человек, поддавшись воображению, может ошибиться в своих привязанностях. Так, Деметрию кажется сначала, что он любит Гермию, а потом

его чувство переносится на Елену, и он убеждается в том, что первое влечение было ошибочным. Мы знаем, что в комедии метаморфоза чувств юношей и девушек, бежавших в афинский лес, вызвана чарами того волшебного цветочного сока, который Добрый Малый Робин выжал им в глаза. Но если здесь случай представлен в фантастическом образе веселого лесного духа, то это лишь символ того, что может произойти с человеком и в реальной жизни, когда стечение обстоятельств заставит его менять свои симпатии и привязанности самым неожиданным образом.

Эта переменчивость чувств и ослепление, вызываемое ими, достигают своей кульминации тогда, когда Титания под воздействием чар влюбляется в Основу, как если бы он был изумительным красавцем.

Комическое, следовательно, проявляется в “Сне в летнюю ночь” как причудливая игра человеческих чувств, заставляющих героев совершать странные поступки и менять свои симпатии самым необъяснимым образом. Весь этот массив комедии проникнут тончайшей иронией, с какой Шекспир смотрит на странные причуды человеческого сердца. И если он посмеивается над этими героями, проявляющими непостоянство чувств, то в смехе его нет и тени осуждения или сарказма. Ирония Шекспира добродушна. Хотя юным героям и может казаться, что они на грани трагической потери всякой возможности счастья, Шекспир знает, что юность склонна преувеличивать страдания, вызываемые неудачами в любви. В этой комедии, как и в других, Шекспир знает, что истинная любовь победит все препятствия. Тем более должна она победить в сказочном мире, возникающем перед нами в комедии “Сон в летнюю ночь”, ибо в сказке добро и все лучшие начала жизни всегда одерживают победу. А “Сон в лет-

нюю ночь” — сказка, полная чарующей прелести, рисующая вымышленный мир, в котором трудности и противоречия жизни преодолеваются легко, по мановению волшебства. Это сказка о человеческом счастье, о свежих юных чувствах, о прелести летнего леса, в котором происходят чудесные и необыкновенные истории.

Художественная смелость Шекспира проявилась в том, как непринужденно сочетал он тончайшую поэзию с самой низменной прозой, волшебную фантастику с фарсом. Именно потому, что он уже сознавал силу своего искусства, он мог так посмеяться над ремесленниками с их примитивным театром и стремлением к натуралистическим подробностям.

Мы не знаем точно, как ставилась комедия “Сон в летнюю ночь” шекспировской труппой. Даже если кое-какие машинные приспособления и применялись при постановке, в основном театр того времени мог рассчитывать главным образом все же на то, что зритель сумеет многое вообразить. Весь сюжет комедии — это смелый полет творческой фантазии драматурга, и от зрителя требовалось способность поддаться игре воображения художника, проникнуться ею, забыв о всех рассудочных требованиях натуральности и правдоподобия.

Мы можем сказать, что ирония пронизывает не только сюжет комедии, но и всю ее художественную структуру. Автор как бы говорит нам: все, что вы видите, конечно фантазия, шутка, но и в фантазии, и в шутке есть доля правды.

“Сон в летнюю ночь” — вызов художника всякого рода педантизму и догматизму в искусстве, и можно представить себе Шекспира, который, перефразируя слова Гамлета, как бы говорит: “Есть многое, в искусстве, друг Горацио, что и не снилось философии твоей”. И действительно, эта комедия не укладывается в рамки одного определенного жанра. В ней

столько разнообразия вымысла, поэтического взлета, иронии, шутовской буффонады, тонкой психологии, лирики и фарсовых положений, что даже не верится в возможность совместить все это в одном произведении, И, однако, созданная Шекспиром поэтическая форма оказалась настолько емкой, что для всего нашлось место и все слилось в такое нерасторжимое единство, когда уже трудно отделить вымысел от правды. Нам, зрителям, остается лишь поддаться обаянию Шекспира, пойти за ним в это поэтическое царство и побыть там три часа на головокружительных высотах, где властвуют музы поэзии, веселья и мудрости.

А. Аникст

Примечания к тексту “Сна в летнюю ночь”

К с. 332. *...в ином ключе.*— Музыкальный термин, здесь означает в другом тоне — весело, радостно.

К с. 336. *быть заключенной в монастырь, всю жизнь прожить монахиней бесплодной.*— В Древней Греции не было, конечно, ни монастырей, ни монахинь. Это — один из частых у Шекспира анахронизмов.

...роза, в благовонье растворясь...— Имеется в виду изготовление духов из роз.

К с. 341. *Клянусь крепчайшим луком Купидона, его стрелой лучшей, золотой.*— Поэты отмечали стрелы Купидона с золотым острием (счастливая любовь) от стрел со свинцовым наконечником (несчастливая любовь).

...венериных голубок чистотой.— Афродиту (Венеру) сопровождали целующиеся голубки.

...огнем, в который бросилась Дидона.— в “Энеиде”

Вергилия рассказывается, что Дидона, царица карфагенская, после того как троянец Эней покинул ее, сожгла себя на костре.

К с. 343. *Фебея* (или *Феба*) — одно из имен Дианы, богини ночи и луны. В данном случае Фебея — поэтическое название луны.

К с. 347. *Пирам и Фисба* — герои трагической повести о любви, рассказанной в “Метаморфозах” Овидия. Содержание ее довольно верно воспроизведено в пьесе, которую дальше разыгрывают афинские ремесленники.

К с. 348. *Еркулес* — Основа искажает имена древнегреческих богов и героев: Еркулес — вместо Геркулес, как немного дальше Фиб вместо Феб.

...не заставляйте меня играть женщину: у меня борода пробивается!— В английском театре времен Шекспира женские роли исполнялись очень молодыми, еще безбородыми актерами.

К с. 350. *Я вам его представляю в бороде соломенного цвета.*— В театре того времени цвет парика и бороды соответствовал характеру того или иного персонажа. Так, бороду рыжего цвета надевали при исполнении ролей злодеев и предателей, например Иуды. Все цвета, перечисленные Основой, очень мало подходили для роли нежного любовника Пирама.

...цвета французской короны — чисто желтого цвета... У некоторых французских корон и вовсе никаких волос нет...— Французская корона — золотая монета, то есть монета желтого цвета. Весь этот диалог построен на перекрестной игре словами: “французская корона” (монета) гола, на ней не может быть волос, но “французская корона”, *corona Veneris* (мед.), является последствием “французской болезни”, часто приводящей к выпадению волос.

К с. 352. *Круг в траве кроплю росой.* — По народному английскому поверью, в тех местах, где выросла особенно яркая и сочная трава, водили хороводы эльфы и феи. Считалось, что овцы боятся есть эту “заколдованную” траву.

К с. 354. *Из-за ребенка, что при ней в пажих (похищен у индийского султана).* — По народному поверью, эльфы и феи похищают иногда из колыбелей маленьких детей, взамен оставляя собственных.

К с. 356. *Корин и Филлида* — условные имена, которые часто давались в античной, а вслед за ней и в ренессансной пасторальной поэзии влюбленным пастухам и пастушкам.

Котурнами у древних греков и римлян назывались шнурованные башмаки на высоких каблуках. По преданию, амазонки носили котурны, тогда как обычной обувью у греков и римлян были сандалии.

Перигена — дочь разбойника Синниса, убитого Тезеем. После смерти отца она была некоторое время возлюбленной Тезея.

Эгмея — нимфа.

Ариадна — см. примечание к “Двум веронцам”, с. 136

Антиона — одна из амазонок.

К с. 359. *Нептуновы пески* — морской песчаный берег.

К с. 361. *Весталки* (в Древнем Риме) — жрицы богини Весты, принесшие обет безбрачия. “Царящая на Западе Весталка” — английская королева Елизавета.

К с. 363. “*Любовь в праздности*” — старинное английское народное название цветка “анютины глазки”.

Левиафан — упоминаемое в Библии морское чудовище, которое обладало способностью передвигаться с необыкновенной быстротой.

К с. 366. *Грифон* (или гриф) — сказочное хищное животное, имеющее туловище льва, а голову и крылья — орла.

К с. 368. ...*на нем афинские одежды*. — Афиняне носили плащи особого покроя.

К с. 380. ...*пусть этот Пролог доложит публике*... — Актер, произносящий пролог, сам назывался Прологом.

...*пусть уж будут восьмисложные с восьмисложными*. — Чередование восьмисложных (то есть четырехстопных) и шестисложных (то есть трехстопных) стихов было обычным в английских народных балладах. Но некоторые баллады были написаны сплошь восьмисложными стихами. Основа полагает, что более длинные строки придадут прологу больше пышности.

К с. 381. *Поглядите в альманах*. — Альманахами называли в старину подробные календари, содержавшие некоторые астрономические и астрологические сведения.

Как только отговоришь свои слова, так ступай в кусты. — кусты при случае заменяли актерам кулисы.

К с. 383. *Клянусь, мы встретимся у Ниновской гробницы*. — Имеется в виду Нинова гробница, т.е. гробница легендарного ассирийского царя Нина, основателя города Ниневии, столицы Ассирии. Дудка говорит неправильно, так же как и дальше, когда он называет гробницу Ниньеовой.

К с. 385. *Чего тебе видеть, кроме собственной ослиной головы?* — Одна из ходячих во времена Шекспира острот. Юмор ее в данном случае усиливается тем, что Основа еще не знает о постигшем его превращении.

К с. 386. *Кто ей скажет, что она врет, сколько бы она ни кричала свое “ку-ку”?* — Здесь Шекспир не упускает случая сыграть на созвучьи слов *cuckoo* — “кукушка” и *cuckold* — “рогоносец”.

К с. 390. *великан Ростбиф пожрал не одного члена вашей семьи.*— Горчица считалась весьма лакомой приправой к мясу.

К с. 396. *Помчусь быстрее всех татарских стрел.*— Купидон обычно изображался держащим в руках изогнутый лук с перехватом посередине. Лук такой формы называли во времена Шекспира "татарским" в отличие от прямого английского лука. Поэтому и стрелы Купидона — "татарские".

К с. 402. *...как бы два поля, что в одном гербе увенчаны нашлемником единым.*— Дворянские гербы состояли из двух половинок (полей) с изображением так называемых геральдических зверей (львы, единороги и тому подобное), которые увенчивались перемычкой ("нашлемником").

К с. 404. *Прочь, эфиопка!*— Эфиопов считали уродливыми главным образом по причине черного цвета кожи. Лизандр называет Гермия "эфиопкой" для того, чтобы оскорбить ее. С этой же целью он называет ее "смуглой татаркой".

К с. 407. *Раскрашенная жердь* — "майское дерево".

К с. 410. *...карлица, пигмейка, зачатая на спорынье!*— Существовало поверье, что спорынья задерживает рост детей.

К с. 413. *Быстрее летят драконы черной ночи.*— В древности движение солнца объясняли тем, что бог солнца Феб в своей колеснице едет по небу. Соответственно этому течение ночи рисовалось в виде катящейся колесницы божества ночи. Но колесница Феба была запряжена белыми конями, а колесница ночи — черными драконами.

Аврора — богиня утренней зари. "Звезда Авроры" — планета Венера, которую называют также "утренней звездой".

...ее завидев, духи... спешат домой...— Считалось, что духи бродят только во мраке и не показываются после восхода солнца.

К с. 420. ...сыграйте мне что-нибудь на щипцах и на костяшках.— в F имеется ремарка, которую можно истолковать в том смысле, что здесь дело идет о деревянной “шумовой” музыке, отбивающей лишь ритм ударами щипцов о кости.

К с. 423. *Прогони, цветок Дианы, Купидона все обманы!*— Диана, древнеримская богиня девственности, противница Венеры и Купидона.

К с. 426. ...затравили мы медведя спартанскими собаками.— Спартакие псы, по утверждению древних авторов, отличались особенной лютостью.

К с. 427. ..ведь Валентинов день прошел, а пташки только начали слетаться.— по народному поверью, в день святого Валентина (14 февраля) птицы прилетают с юга.

К с. 433. *Потерял он шесть пенсов в день на всю жизнь.*— Дудка надеялся, что Основа за хорошо сыгранную роль получит от Тезея пожизненную пенсию. Такие случаи бывали при английском дворе. Так, например, пожизненную пенсию получил актер Престон.

К с. 438. *Фракийский певец* — легендарный Орфей, о котором рассказывалось, что после смерти своей жены Эвридики он погрузился в мрачное отчаяние, чем вызвал гнев вакханок, растерзавших его за это.

“Плач муз, скорбящих о судьбе Науки...” — вероятно, намек на поэму Спенсера “Слезы муз” (1591).

К с. 441. *Не думайте. Коль мы не угодим, что может быть и т.д.*— Пигва делает паузы не там, где следует, что местами придает тексту смешной или обидный для слушателей смысл. Он должен был сказать: “Мы не жалеем своего труда. Вас оскорбить не входит в наши цели” — и так далее.

К с. 446. *Лимандр* — вместо Леандр.— см. примечание к “Двум веронцам”, с. 10.

И я, пока жива, верней Елены.— Елена Спартанская, конечно, плохой пример женской верности.

Шафал — вместо Кефал; *Прокруса* — вместо Прокрида.— Кефал — герой древнегреческого сказания, покончивший с собой после гибели жены.

К с. 448. *“Двурогую луну фонарь являет сей, а я — тот человек, что обитает в ней”*— В старину пятна на луне принимали нередко за очертания человеческой фигуры. Считалось, что это какой-то великий грешник (например, Каин), который в наказание за свои грехи осужден жить на луне.

К с. 452. *Какие же он кости слагает?*— Деметрий шутит, играя словами. Основа говорит о своих костях, Деметрий — об игральных костях.

К с. 453. *Вы, три сестры, сюда скорей...*— Три сестры — Парки, богини судьбы. Они якобы пряли нить жизни человека и, когда она достигала определенной, предназначенной ими длины, обрезали ее. Тогда человек умирал.

К с. 454. *Угодно вам посмотреть эпилог или прослушать бергамасский танец...*— Основа по обыкновению путает слова. Он хочет сказать: “прослушать эпилог и посмотреть танец”. Бергамасский танец — веселый народный итальянский танец.

К с. 458. *Коль я не смог вас позабавить и т.д.*— Этот монолог, являющийся эпилогом всей пьесы, Пэк произносит, обращаясь к зрителям.

“Тит Андроник”

Уже в начале (I, 2) трагедии на сцену выносят гроб, и в нем покоятся останки двадцати сыновей Тита Андроника, погибших в сражениях. Триумф полководца Тита венчается

тем, что одного из пленных принцев, Аларба, уводят, чтобы разрубить на куски и сжечь на костре как жертву богам. Эта казнь возбуждает у пленной царицы Таморы жажду мести, которая послужит причиной многих последующих событий.

Убийства следуют одно за другим. Тит Андроник закалывает своего сына Муция, осмелившегося ослушаться его. Сын Таморы Деметрий убивает Бассиана и сваливает вину на двух сыновей Тита, которых казнят. Деметрий и его брат Хирон насилуют дочь Тита Лавинию и, чтобы она не выдала их, отрезают ей язык и руки, лишая возможности и говорить и писать. Тит Андроник, поверив коварному мавру Арону, отрубает себе левую руку, надеясь этой жертвой спасти двух осужденных сыновей. Мавр Арон закалывает кормилицу царицы, чтобы та не выдала тайну его связи с Таморой, и обещает сделать то же самое с повивальной бабкой, помогавшей царице разрешиться от бремени.

На казнь отправляют крестьянина, передавшего императору Сатурнину дерзкое послание Тита. Тит осуществляет месть над насильниками, обесчестившими его дочь, и, в то время как он наносит смертельные раны связанным Деметрию и Хирону, Лавиния в обрубках рук держит таз, в который стекает кровь ее обидчиков. Но и отомщенная Лавиния не остается в живых — ее убивает отец, чтобы она не пережила своего позора. Тит убивает и своего главного врага — Тамору, но сначала он угощает ее пирогом, в который запечено мясо ее сыновей. Сатурнин мстит за смерть своей жены, убивая Тита Андроника, а сын последнего Люций поражает мечом Сатурнина. И, наконец, мавра Арона, злобного интригана, подстроившего ряд убийств, подвергают страшной казни: закапывают живым в землю в отместку за содеянное им зло.

Четырнадцать убийств, тридцать четыре трупа, три от-

рубленные руки, один отрезанный язык — таков инвентарь ужасов, наполняющих эту трагедию.

Мог ли написать ее Шекспир, тот, кого современники называли “благородным”, “медоточивым”, “сладостным”? Тот, кто написал столь изящные комедии и такие глубокие философские трагедии?

Многие критики отказываются верить этому. Содержание “Тита Андроника” столь грубо, низменно, жестоко, говорят они, что невозможно признать это произведение плодом гения Шекспира, хотя бы и молодого. Никакая незрелость не может оправдать столь чудовищное нагромождение ужасов. Только дурной вкус и примитивная фантазия могли породить трагедию такого рода, создать которую мог кто угодно, только не Шекспир.

Весь арсенал средств критики был привлечен для того, чтобы “обелить” Шекспира и смыть пятно, марающее чистую одежду гения. Ссылались на то, что три прижизненных издания “Тита Андроника” (1594, 1600, 1611) были напечатаны без имени автора на титульном листе. Приводили слова драматурга XVII века Эдуарда Рейвенскрофта, который в предисловии к своей переделке “Тита Андроника” (поставленной в 1678 и напечатанной в 1687 г.) писал: “Люди, издавна осведомленные в театральных делах, говорили мне, что эта пьеса первоначально не принадлежала Шекспиру, а была принесена посторонним автором, и он лишь приложил руку мастера к одной или двум ролям или характерам; и я склонен поверить этому, ибо из всех его произведений это самое неудобоваримое; оно напоминает скорее кучу мусора, нежели постройку”.

Текстологи посредством скурупулезных сравнений стиля показывают, что “Тит Андроник” отличается лексикой,

версификационными приемами от пьес, достоверно являющихся шекспировскими. Они приводят данные, свидетельствующие о сходстве трагедии с пьесами его предшественников, среди которых будто бы и следует искать автора трагедии, каковым мог быть Марло, Грин, Кид, Нэш, Пиль — кто угодно, но только не божественный Уильям.

Но против всей массы доказательств, предположений и умозаключений критиков есть два непоколебимых свидетельства, возлагающих ответственность за “Тита Андроника” на Шекспира. Френсис Мерес, перечисляя в 1598 году известные ему пьесы Шекспира, называет в числе других и “Тита Андроника”. А Хемминг и Кондел, друзья Шекспира, приготовившие первое собрание его сочинений, включили “Тита Андроника” в фолио 1623 года. И от этих двух фактов никуда не уйдешь: они делают неопровержимой и бесспорной принадлежность этой пьесы Шекспиру, как бы мы ни оценивали ее с точки зрения художественности.

Другое дело вопрос, является ли Шекспир единоличным автором пьесы. Здесь можно допустить, что он работал по тексту уже ранее существовавшей пьесы и, переделывая ее, дополнял, сокращал и, может быть, сохранил кое-что из рукописи предшественника. Но если это имело место, то, так или иначе, Шекспир принял на себя ответственность за пьесу, а мы знаем по другим драмам, что Шекспир всегда перерабатывал старые тексты самым кардинальным образом.

Соображения, выдвигавшиеся против авторства Шекспира, были не только эстетическими. Смущало не одно лишь то обстоятельство, что создатель этой трагедии нагромоздил кучу убийств и злодейств, вызывающих у зрителей начиная с XVIII века и по наше время лишь чувство отвращения. Против авторства Шекспира говорит как будто и то, что пьеса

полна выпренности, ложного пафоса, крикливой декламации, психологическая мотивировка поступков либо до крайности примитивна, либо просто отсутствует.

Отрицать это невозможно. “Тит Андроник” действительно не имеет ничего общего ни с другими “римскими” трагедиями Шекспира, ни с “Ромео и Джульеттой”, ни с “Гамлетом”, ни с “Лиром”. Но это не дает основания отрицать его авторство.

Пути писательские неисповедимы. Творческие биографии величайших художников сложны, противоречивы и складываются из фактов, кажущихся несовместимыми. Разве мы поверили бы, что Гёте, написавший “Фауста”, был также автором “Триумфа чувственности”, если бы не знали этого наверняка? Разве не было у Лопе де Вега и Кадьдерона пьес пустых и просто плохих?

“Тита Андроника” написал Шекспир. И от этого он становится для нас более достоверно живым человеком и писателем. Этот факт его творческой биографии делает очевидным то, что в начале своей драматургической деятельности Шекспир пробовал разные пути, искал и ошибался, прежде чем обрел те качества, которые сделали его тем великим художником, который покори́л мир. Не в готовом виде, не из головы Зевса, не из пены морской, а в процессе борьбы и исканий родилось искусство Шекспира. Именно родилось, и пьесы, подобные “Титу Андронику” и трем частям “Генриха VI”, ценны для нас тем, что раскрывают Шекспира-художника в процессе его развития. Они — первые ступени его творчества. И отнюдь не бесплодным является открытие исследователей, показавших сходство “Тита Андроника” с драматургией конца 80-х — начала 90-х годов XVI века.

Шекспир во всех жанрах начинал с того, что вступал на

уже проторенные пути. Так было и с жанром трагедии. Одной из первых форм этого жанра, утвердившихся на сцене английского театра эпохи Возрождения, была “кровавая трагедия”, высшие образцы которой дали Марло и Кид. Есть писатели, начинающие с того, что отвергают все сделанное предшественниками. Шекспир не принадлежал к числу таких. Его стремление состояло в другом: превзойти предшественников в том, в чем они сами были сильны.

“Испанская трагедия” Томаса Кида поразила воображение театральной публики того времени чудовищным нагромождением злодейств. Мы можем как угодно расценивать вкусы этой публики, но остается фактом, что жанр “кровавой трагедии” пользовался большой популярностью.

Шекспир не был художником-творцом, сидевшим в башне из слоновой кости, где он творил шедевры для будущих поколений. Он следовал закону, что театр должен давать публике то, чего она хочет. И он написал “Тита Андроника”. При этом он не стремился нарушить основы жанра “кровавой трагедии”, а, наоборот, в полной мере следовал им. Как автор, он поставил себе лишь одну задачу — “переиродить самого Ирода”, как выразится впоследствии Гамлет. И действительно, Шекспир превзошел в “Тите Андронике” все ужасы “Испанской трагедии”, не преминув при этом использовать некоторые приемы Кида, доказавшие свою театральную эффективность.

Жанр “кровавой трагедии” отнюдь не стремился угодить “низменным вкусам толпы”, как это представляют иногда иные историки драмы. Он имел исторические истоки как в самой жизни, так и в культуре эпохи. Старинные летописи и современная хроника в изобилии давали материал для пьес такого рода. Кровавая месть, физическое истребление сопер-

ников, тайные и явные убийства, совершаемые самыми изощренными способами, были не плодом воображения писателей, а повседневной жизненной практикой. В особенности в среде высшего сословия насилие было постоянным средством разрешения жизненных конфликтов. “Кровавая” драма эпохи Возрождения лишь отразила реальные факты.

Этот жанр явился важной вехой в развитии драматического искусства. Он был одним из знамений рождения нового искусства и нового миропонимания. Средневековое мировоззрение, отразившееся и в драме того времени, воспринимало жизнь как некое организованное явление, в котором индивидуальное всегда было отклонением от нормы и закона. Эпоха Возрождения отмечена тем, что прежнему единству жизни, основанной на иерархии, противостояло бесконечное разнообразие враждующих между собой индивидуальных стремлений. Это мы видим и в “Испанской трагедии” и в “Тите Андронике”. Перед нами мир, управляемый не богом, не гражданскими законами, а единственно лишь действиями индивидов, составляющих общество.

Если внимательно вчитаться в “Тита Андроника”, то раскроется, что трагедия при всей ее кажущейся примитивности не лишена определенного идейного стержня.

Тит Андроник — носитель патриотического начала. Его жизненный идеал — служение родине, Риму, которому он принес в жертву все свои силы и кровь многочисленных сыновей. Он желает гражданского мира и потому отказывается от предложенной ему власти в пользу Сатурнина, лишь бы избавить Рим от раздоров.

Но патриархальные добродетели Тита Андроника уже не являются гарантией внутреннего мира. Им противостоят честолюбие Сатурнина, мстительность Таморы и хищниче-

ская жестокость Арона. Вероятно, не случайно то, что разрушителями внутреннего мира выступают чужеземцы — Тамора и Арон, эти пленники римского полководца, хитро проникшие к источнику власти и разрушающие Рим изнутри.

Тематически и идейно трагедия о Тите Андронике смыкается с трилогией о Генрихе VI. И здесь и там основу конфликта составляет распад патриархального уклада жизни под натиском своекорыстного индивидуализма. Сюжет и его идейное наполнение в “Тите Андронике” содержат, таким образом, зерна подлинной трагедии, имеющей исторически эпохальное значение. Но само понимание трагического и его художественное облачение здесь еще примитивны. Так мы подходим к литературным и драматургическим истокам жанра.

Понимание трагического у гуманистов эпохи Возрождения формировалось под влиянием римской драматургии. Хотя “Поэтика” Аристотеля и была известна гуманистам, не она определила их понимание жанра, а единственные доступные тогда его образцы — трагедии Сенеки. В “кровавых” драмах эпохи Возрождения трагическое предстает лишь в чисто внешнем качестве — как ужасное. И таково то понимание трагического, которое лежит в основе “Тита Андроника”.

Сопоставив это с тем, как начинал Шекспир в области комедии, мы убедимся в том, что “Тит Андроник” так же представляет собой примитивное понимание трагического, как “Комедия ошибок” дает элементарное выражение комического, заключающегося в случайных и внешних совпадениях. Оба произведения находятся на одном и том же эстетическом уровне, что косвенно подтверждает авторство Шекспира в отношении “Тита Андроника”, как и не случайна связь обеих пьес с традициями “римской” драмы.

Обращение молодого Шекспира к античному сюжету

было вполне в духе эпохи Возрождения, когда гуманисты культивировали изучение истории и литературы древнего мира. Не забудем, что изучение латыни и памятников римской литературы составляло главное содержание обучения в грамматической школе, которую окончил Шекспир, возможно, после этого и сам преподававший некоторое время. Интерес Шекспира к античности сказался не только в “Тите Андронике”. Вспомним, что его “Комедия ошибок” представляет собой переработку “Менехмов” Плавта. Наконец, об этом же свидетельствуют многочисленные ссылки на античную мифологию и историю в таких ранних произведениях, как “Укрощение строптивой”, “Бесплодные усилия любви”, в “Генрихе VI” и т.д.

Мы не знаем, правда, источника, послужившего основой сюжета “кровавой трагедии” Шекспира. Возможно, что он опирался на не дошедший до нас полулегендарный рассказ. Не менее вероятно, что источником ему послужила чья-нибудь пьеса на тот же сюжет. В записях театрального антрепренера той эпохи Филиппа Хенсло встречаются упоминания пьес со сходным названием, но никаких оснований для суждения по этому вопросу они не дают.

Для нашего восприятия “Комедия ошибок” более приемлема эстетически, чем “Тит Андроник”, в силу того что эмоции, вызываемые комическим даже в его самой примитивной форме, связаны все же с удовольствием, тогда как трагическое в его элементарном проявлении вызывает лишь отвращение. Но не такова была реакция современников Шекспира. Документальные данные свидетельствуют о популярности пьесы. Шекспир написал и поставил ее около 1594 года, но она имела долгую сценическую жизнь. Даже появление “Гамлета” и “Короля Лира” не могло вытеснить “Тита Анд-

роники”, и Бен Джонсон в 1614 году с иронией отмечал в прологе к своей комедии “Варфоломеевская ярмарка”, что “Испанская трагедия” и “Тит Андроник” продолжают находить поклонников. По мнению Бена Джонсона, “тот, кто клянется, что “Иеронимо” (другое название “Испанской трагедии”. — *Ред.*) и “Тит Андроник” являются лучшими пьесами, показывает, что его вкус не сдвинулся с места за прошедшие 25-30 лет”.

Кровавая драма была вскоре превзойдена трагедией более высокого художественного уровня. Но и на своем новом этапе искусство трагедии сохранило некоторые элементы более ранней формы жанра. В “Гамлете”, “Макбете” и “Короле Лире” зритель видит достаточное количество ужасов и злодейств. Однако внешне трагическое отступает там на второй план по сравнению с истинно трагическим.

Хотя “Тит Андроник” в художественном отношении бесконечно ниже великих трагедий Шекспира, но и в этой пьесе есть черты примечательные. Это прежде всего энергия, с какой ведется действие, и несомненная театральность. Автор уже тогда обладал чувством драматизма. Каждая сцена пьесы представляет собой стычку, столкновение, конфликт. Сюжет развивается стремительно и целеустремленно.

Хотя здесь нет еще характеров и персонажи представляют собой типы, лишенные индивидуальности, контуры фигур обладают драматургической определенностью. Добродетельный воин, гражданин и отец Тит Андроник, страдальца Лавиния, злодей Арон, коварная Тамора, безумный эгоист Сатурнин и другие наполняют сцену кипением страстей, изливающихся в речах, полных условной театральной патетики, среди которой изредка сверкают искорки истинных чувств и подлинной поэзии. Некоторые из этих персонажей — пер-

вые, весьма несовершенные типы характеров, которые получают впоследствии глубокое раскрытие у Шекспира. Наибольший интерес в этом отношении представляют два образа. В Таморе есть черты, предвещающие и леди Макбет и Клеопатру, а мавр Арон — первый эскиз Яго, Эдмунда и других подобных гениев зла в пьесах зрелого Шекспира.

Самые несовершенства “Тита Андроника” интересны для нас как показатели того, с чего Шекспир начинал в сфере трагедии, они помогают лучше понять и оценить стремительное развитие его гения, уже вскоре давшего в “Ромео и Джульетте” новое и более глубокое понимание трагического.

А.Аникст

Примечания к тексту “Тита Андроника”

К с. 464. ...чьей особой волей мы облечены... — Марк — народный трибун.

...по прозванию Пий... — Пий (лат. Pius) значит “благочестивый”.

К с. 468. *Хранитель Капитолия великий* — верховный бог римлян Юпитер.

Стикс — река в подземном царстве, на берегах которой, согласно верованиям древних, души блуждали, пока их тела не предавали погребению.

К с. 472. ...возможность беспощадно отомстить в его шатре фракийскому тирану... — Троянская царица Гекуба вырвала глаза фракийскому царю Полиместору, убившему одного из ее сыновей.

К с. 474. *Солон* — афинский мудрец и законодатель VII-VI веков до н.э. по преданию, полагал, что истинно счаст-

ливыми можно считать лишь умерших, потому что они более неподвластны превратностям судьбы.

К с. 475. ...и новые навлечь на вас заботы? — Заботу о необходимости избрать нового правителя.

К с. 483. *Фебея* — одно из наименований Дианы, богини луны.

К с. 486. *И ты меня ударил, Марк, по шлему!* — То есть нанес оскорбление.

К с. 487. *Ведь греки предали земле Аякса...* — Греки перед Троей по совету Одиссея, сына Лаэрта, предали погребению Аякса, который в припадке ярости хотел перебить их и затем в отчаянии покончил с собой.

К с. 493. *День любви* — юридический термин, означавший день, назначенный для мировых соглашений.

К с. 496. *Дубин, дубин!* — обычный крик английских горожан, призывающих стражу, чтобы разнять уличную свалку.

...твой бок украсила мечом для танцев... — Для танцев кавалеры времен Шекспира привешивали к поясу бутафорские мечи, которыми нельзя было сражаться.

К с. 496. *Вулкана украшение* — рога, так как жена Вулкана Венера изменила ему с Марсом.

К с. 501. *Храм Славы* — или, что почти то же, Молвы — в представлении древних весь состоял из глаз, ушей и языков.

К с. 505. *Скиталец-принц* — Эней, история любви которого к карфагенской царице Дидоне, составляющая один из эпизодов его странствий после разрушения греками Трои, рассказана в “Энеиде” Вергилия.

К с. 506. *Сатурн.* — По астрологическим верованиям, лица, родившиеся под планетой Сатурном, отличались холодностью чувств.

Об истории *Филомелы* рассказано в поэме Овидия “*Метаморфозы*”.

К с. 507. *Актеон* — юный охотник, подсмотревший, как *Диана* купалась со своими нимфами. Разгневанная богиня обратила *Актеона* в оленя, после чего он был разорван собственными псами.

К с. 508. *Твой черный киммериец...* — О киммерийцах в “*Одиссее*” сообщается, что они обитали на крайнем Западе, в области, куда никогда не проникали лучи света. В историческое время киммерийцами назывался народ, живший на *Таврическом полуострове*. Однако ни тем, ни другим *черный цвет кожи* не приписывался. Слово “*черный*” здесь применено в переносном смысле — лишенный света, мрачный душой.

К с. 509. ...к стволу грозящего бедою тиса... — *Тис* считался зловещим деревом, весьма пригодным для всякого колдовства.

К с. 510. *Семирамида* — полумифическая царица *Ниневии*, по преданию, отличавшаяся чрезвычайной жестокостью.

К с. 517. *Так свет луны Пирама озарял, когда лежал он, весь в крови девичьей.* — В “*Метаморфозах*” Овидия рассказывается история любви *Пирама* и *Фисбы*. Придя на свидание, *Фисба* встретила льва и бежала от него, оставив свое покрывало, которое лев, перед тем кого-то растерзавший, разорвал и испачкал своей окровавленной мордой. Явившись немного позже на свидание, *Пирам* увидел покрывало и, решив, что его возлюбленная погибла, закололся мечом. Вернувшаяся *Фисба*, увидев труп *Пирама*, тоже покончила с собой.

Коцит — река в загробном мире.

К с. 524. *Титан* — одно из наименований бога солнца Феба.

К с. 525. ...у ног фракийского поэта *Цербер*. — Пес Цербер, стороживший вход в загробный мир (ад), заснул, убаюканный сладостным пением Орфея, отправившегося в ад за своей женой Эвридикой.

К с. 545. *Энея ль принуждать, чтоб гибель Трои и скорбь свою поведал дважды он?* — Свой рассказ Дидоне о пережитых им бедствиях Эней в “Энеиде” Вергилия начинается следующими словами: “Царица, ты приказываешь мне вновь пережить невыразимое страдание”.

К с. 550. *Ах! Сыновьям Корнелия читала... стихи и книгу Туллия “Оратор”*. — Корнелия — мать Гракхов, воспитавшая в них самоотверженный патриотизм и любовь к народу. Туллий — Марк Туллий Цицерон.

К с. 554. *Magni Dominator...* — два слегка измененных стиха из трагедии Сенеки “Ипполит”.

К с. 556. *И ты, мой мальчик, в ком надежду видит наш римский Гектор!* — Как надеждой троянского Гектора был его малолетний сын Астианакс, так надеждой “римского Гектора” — Люция является его юный сын Люций.

...как Юний Брут с отцом и мужем жертвы насилия — *Лукреции невинной...* — Юний Брут поклялся вместе с отцом и мужем обесчещенной Лукреции отомстить за нее. Согласно преданию, результатом этого было свержение в 509 году н.э. царской власти в Риме и установление республики.

Северные ветры песок развеют, как листья Сивиллы... — Легендарные “книги Сивиллы”, будто бы содержавшие пророчества о грядущих судьбах Рима, хранились в Капитолии под надзором жрецов. Позже они исчезли при неизвестных обстоятельствах.

К с. 558. *Марк, будь ему, безумному, опорой!* — Не поняв горького сарказма предыдущих слов Тита, Марк решает, что он от горя лишился рассудка.

К с. 560. Латинская цитата из “Од” Горация (книга I, ода XXII).

К с. 561. *Не счастье ль было — у ворот дворца трибуну вызов бросить перед Титом?* — Намек на события, изображенные в акте III, сцена 1.

К с. 565. *...ни Энкелад с исчадьями грозящими Тифона, ни славный сам Алкид...* — Энкелад и Тифон — гиганты, побежденные Зевсом (Юпитером). Алкид — Геркулес.

Он отвергает все цвета другие. — Арон хочет сказать, что черный цвет нельзя закрасить никаким другим.

К с. 566. Латинская цитата из “Метаморфоз” Овидия, где рассказывается, что Астрея, богиня справедливости, покинула землю после наступления “железного века”, сменившего “золотой”, и с тех пор сияет на небе в виде созвездия Девы.

К с. 571. *...и прорубиться в самый центр ее...* — В поисках Астреи, которой больше уже нет на земле.

К с. 573. *Ad lovet...* — Адресатами стрел являются столько же небесные светила, сколько и сами боги, имена которых носят эти светила.

К с. 575. *И бык, задетый, Овна так боднул, что во дворец рога бараны сбросил.* — Марк делает вид, что принимает упавшие на землю стрелы за отбитые им куски созвездий.

...трепуну (трибуну) ...имперьяльских (императорских)... — Здесь и дальше, подобно другим шутовским персонажам Шекспира, парень иногда коверкает слова.

К с. 597. *Гиперион* — одно из наименований Гелиоса (Солнца).

К с. 605. ...*пир более жестокий и кровавый хочу устроить я, чем пир кентавров.*— На свадебном пиру царя лапифов Пирифоя приглашенные в качестве гостей кентавры, напившись, хотели похитить невесту, но были перебиты.

К с. 608. ...*дочь умертвив своей рукой за то, что чести и невинности лишилась?*— Шекспир допускает неточность: согласно преданию, древний римлянин Виргиний убил свою дочь для того, чтобы предупредить грозившее ей бесчестье.

К с. 611. *Как встарь наш предок...*— Эней считался родоначальником римлян.

Синон — хитрый грек, который соорудил деревянного коня, погубившего Троя. Синон уговорил троянского царя Приама ввезти в город этого коня, из которого потом вышли спрятанные в нем греческие воины.

СОДЕРЖАНИЕ

Два веронца. <i>Перевод В.Левика (стихи)</i> <i>и М.Морозова (проза)</i>	5
Венецианский купец. <i>Перевод Т.Щепкиной-Куперник</i>	163
Сон в летнюю ночь. <i>Перевод Т.Щепкиной-Куперник</i>	327
Тит Андроник. <i>Перевод А.Курошевой</i>	459
Примечания и комментарии	619